Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(ИИАЭ ДВО РАН)

На правах рукописи

Воронцов Николай Степанович

СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА (1985-1991 ГГ.)

5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Дударёнок Светлана Михайловна

Владивосток – 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ..... 3

Глава 1 ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРЬЯ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ..... 34

1.1 Организационно-правовые аспекты реформирования советских органов власти и управления в период перестройки..... 34

1.2 Советы народных депутатов Приморья в контексте демократических преобразований институтов государственнй власти и местного самоуправления 61

Глава 2 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРЬЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРЕСТРОЙКИ (1990-1991 ГГ.)..... 97

2.1 Экономические проблемы региона в работе Советов народных депутатов Приморья..... 97

2.2. Проблемы социальной защиты населения в работе Советов народных депутатов Приморья..... 117

2.3 Участие Советов народных депутатов Приморья в разработке и реализации проектов внешнеэкономического и межрегионального сотрудничества 137

Глава 3 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРЬЯ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА АВГУСТА 1991 Г. И РАСПАДА СССР..... 163

3.1 Советские органы власти и управления Приморского края в период политического кризиса 19-21 августа 1991 г. 163

3.2 Советы народных депутатов Приморья в условиях распада СССР..... 210

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 237

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 246

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего анализа и систематизации накопленного опыта антикризисной деятельности органов власти и местного самоуправления в период перестройки, распада СССР и становления современной России, а также изучения вопросов взаимодействия центра с регионами в условиях реформирования нормативно-правовой базы институтов государственной власти и управления.

В Российской Федерации и большинстве государств постсоветского пространства с момента распада СССР и до настоящего времени актуальной проблемой остается вырабатывание региональной политики и развитие устойчивых межрегиональных отношений. Россия несколько раз переживала трансформацию органов власти и управления, как на высшем уровне, так и на местах. Несмотря на ликвидацию системы Советов и построение новой властной вертикали, постсоветская Россия сохранила многие черты советской эпохи. Отличительной особенностью государства является чрезвычайно сложный характер территориальной организации, с небольшими изменениями сохранившийся в своей основе с начала 1990-х гг.

Значительное количество субъектов Российской Федерации, не исключая регионы Дальнего Востока, после распада СССР и экономической разрухи 1990-х гг. лишились производственной специализации, а значит, утратили весомую часть экономического потенциала. Последствиями потрясений прошлых лет для них стала потеря возможности динамичного развития и превращение в проблемные регионы. Сложившаяся ситуация во многом явилось отражением тех процессов, что проявились в последние годы перестройки, сопровождали распад СССР и возникновение Российской Федерации как суверенного государства.

Неоднократно происходившие трансформации государственных институтов, ответственных за региональную дальневосточную политику, свидетельствует о том, что поиск наиболее эффективной стратегии развития Дальнего Востока всё еще продолжается. Будущее региона во многом зависит от

способности осуществлять последовательную и действенную политику на основе баланса общегосударственных и локальных интересов, формировать работоспособные механизмы взаимодействия федеральной и региональной власти, органов местного самоуправления.

Осуществление эффективной региональной политики может способствовать снижению социальной напряженности, решению важнейших экономических задач дальневосточных субъектов России, предотвращению утраты регионами социально-экономического и демографического потенциала, а вместе с ними и возможностей динамичного развития с перспективой превращения их в проблемные зоны.

Изучение различных аспектов системного кризиса, поразившего страну на заключительном этапе перестройки, а также отечественного опыта работы региональных органов власти и управления, территориальных подразделений министерств и ведомств в условиях чрезвычайной ситуации может стать важным компонентом успешного решения аналогичных задач в настоящем и будущем. Исследование указанных аспектов проблемы в настоящее время носит фрагментарный характер. Как следствие, существует необходимость объективного анализа событий того времени с позиции современной методологии и опорой на весь спектр доступных источников.

Степень научной разработанности проблемы. Ключевые события системного кризиса СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и специфика отражения кризисных тенденций в различных регионах СССР и РСФСР являются широко обсуждаемыми темами в научном сообществе.

Данные события, помимо активного изучения в рамках истории, с 1990-х гг. и до настоящего времени остаются темой научных дискуссий и исследований. Изучению региональных особенностей перестройки как самостоятельной научной проблемы и неразрывно связанных с ней проблем трансформации органов власти и управления, генезису федеративных отношений, региональных политических элит, местного самоуправления, посвящены труды многих исследователей.

В рамках историографии следует выделить зарубежные и отечественные исследования, в том числе региональные, представленные монографиями, научными статьями, материалами научно-исследовательских конференций и диссертационными исследованиями.

Первая группа научных исследований сосредоточена на выявлении и изучении закономерностей системного кризиса как общегосударственного явления. Исследуются предпосылки, причины и последствия этого процесса, а также особенности региональной политики, территориального устройства СССР и РСФСР. Значительное внимание уделяется причинам распада страны, роли в этом процессе союзных и республиканских политических элит. Чрезвычайно разнообразны оценки данных процессов. В литературе 1990-х гг. представлена точка зрения о перестройке и распаде СССР как закономерных и неизбежных явлениях, предопределенным ходом истории. Советник М.С. Горбачёва А.С. Черняев[1] и бывший министр экономики России Е.Г. Ясин[2] настаивают на неизбежности разрушения СССР, объясняя это закономерностями развития входивших в его состав союзных республик. При этом главной движущей силой, способствующей этому разрушению, стали элиты республиканские элиты, стремившиеся заполучить дополнительные полномочия по управлению собственностью и ведению самостоятельной внешней и внутренней политики.

Член Российской академии наук В.В. Алексеев и его соавтор С.А. Нефёдов[3] в свою очередь указывают на объективные причины, лежащие в основе кризиса советского государства и его распада, подчёркивая роль средств массовой информации, ускоривших разрушение советской идеологии. Отмечается также техническое и научное превосходство стран Запада. С.А. Нефёдов также делает акцент на роли демографических процессов, связанных с особенностями народонаселения в СССР. В данном случае рост численности населения опережал

[1] Черняев А.С, Логинов В.Т. Союз можно было сохранить*:* Белая книга: документы и факты о политике М.С. Горбачёва М.: АСТ, 2007. 352 с.
[2] Ясин Е.Г. Кто развалил наш прекрасный Союз // Знание – сила. 2001. № 4. С. 50-54.
[3] Алексеев В.В., Нефёдов С.А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 66-77.

развитие народного хозяйства, в результате чего возникали трудности с продовольственным снабжением.

Вышедшая в свет в 2002 г. докторская диссертация[1] Д.А. Станкевича содержит подробный анализ вопросов, связанных с распадом СССР с позиции крушения государственных и общественных институтов, обеспечивающих государственно-территориальное и идеологическое единство Советского Союза.

В ряде исследований неизбежность распада СССР отрицается, а главной причиной крушения советского государства признаются действия представителей политической элиты, ускорившие распад страны вследствие неудачных преобразований. В диссертации и основанной на ней монографии[2] А.С. Барсенкова исследуется роль Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Верховного Совета, а затем – первого и единственного Президента СССР М.С. Горбачёва в распаде союзного государства. А.С. Барсенков, А.И. Вдовин и В.А. Корецкий отстаивают идею крушения СССР как последствие неэффективной национальной политики.

Труды М.В. Полынова отражают взгляд на крушение СССР как результат неудач внешней и внутренней политики, проводимой советским руководством в годы перестройки. Он подробно исследует предпосылки перестройки, её экономический и национальных аспекты, эволюцию взглядов советской элиты на ключевые вопросы реформ, внешне- и внутриполитические инициативы М.С. Горбачёва на разных этапах перестройки, их реализацию и последствия для страны и общества[3].

---

[1] Станкевич З.А. Историко-правовые аспекты распада Союза ССР: автореф. … дис. канд. ист. наук. М., 2002. 52 с.

[2] Барсенков А.С. Реформы Горбачёва и судьба союзного государства (1985-1991). М: Изд-во МГУ, 2001. 363 с. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М.: Московский рабочий, 1993. 160 с.

[3] Полынов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР, 1946-1985 гг. СПб.: Альтер Эго, 2010. 511 с; Его же. Взаимоотношения союзного центра и российского руководства на завершающем этапе перестройки. 1990-1991 гг // Труды Исторического факультета СПбГУ. 2013. № 15. С. 164-174; Его же. М.С. Горбачёв: начало реформаторской деятельности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 3. С. 44-46.

В диссертационном исследовании И.С. Логвенкова также подчёркивается неоднозначная роль Президента СССР в судьбе союзного государства, выразившаяся в его фактическом отказе к середине 1991 г. от сохранения территориальной целостности СССР и стремлении путём уступок республикам добиться от них согласия на участие в новом союзном договоре. Исследуется также роль М.С. Горбачёва в содействии республиканским лидерам в деле ликвидации высших союзных органов власти и управления: Съезда народных депутатов СССР и Кабинета Министров СССР, с последующей их заменой аморфными межреспубликанскими структурами «переходного периода», не прошедшими проверку времени и ликвидированными к концу 1991 г[1].

Широкое распространение получила точка зрения, называющая одним из главных факторов распада СССР проблемы идеологии и расхождение между декларируемыми принципами и мерами, осуществляемыми на практике. Отмечается негибкость и излишняя закоренелость идеологии, не позволившая оперативно реагировать на социальные, политические и экономические вызовы, а также приведшая к идеологическому проигрышу СССР странам Запада. Процессы, происходившие внутри КПСС и их влияние на распад страны стали предметом исследований В.Е. Волгина[2] и С.М. Шахрая[3], видевших проблемы партии в деградации партийных кадров и рост самостоятельности партийных элит

---

[1] Логвенков И.С. Высшие и центральные органы государственной власти СССР в августе - декабре 1991 года: демонтаж союзных структур управления: дис. … канд. ист. наук. М., 2019. 315 с.; Его же. Логвенков И.С. Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР: попытка сохранения единого экономического пространства в августе – ноябре 1991 г // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 82-101.

[2] Волгин Е.И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. 2016. № 5. С. 90-106; Его же. КПСС в контексте политического кризиса 19-21 августа 1991 г. // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С. 24-36; Его же. КПСС в контексте советской политической модернизации (конец 80-х – начало 90-х годов 20 в.) // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 75-89; Его же. Проблема реорганизации аппарата КПСС в условиях политических преобразований в СССР (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Московского университета. 2008. № 6. С. 31-42; Его же. Волгин Е.И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 4. С. 102-123.

[3] Шахрай С.М., Станских С.Н. Мифология распада СССР // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 127–137.

союзных республик в последние десятилетия существования СССР, неудачный подбор ответственных лиц на высшие государственные должности. Не последнюю роль сыграли и трения внутри советской элиты, выразившиеся в персональном конфликте первых лиц союзного и российского руководства в 1990-1991 гг.

Мнения о ведущей роли элит союзных республик в нарастании сепаратистских тенденций, дезинтеграции единого союзного пространства и распаде СССР придерживается В.А. Тишков[1]. В своем исследовании он утверждает, что распад страны стал возможен лишь благодаря соответствующему решению правящих элит республик. В этой связи национальные процессы отходят на второй план. С.В. Чешко в своей монографии[2] подчеркивает, что ликвидация общесоюзных структур не имела под собой объективных причин, а стала реальностью благодаря политическому радикализму, проявленному руководителями союзных республик, не пожелавших оставаться в едином политическом союзном пространстве.

Среди республик роль РСФСР в дезинтеграции политического, правового и экономического пространства заслуживает особого внимания. Различные аспекты противостояния России и Союзного центра в 1990-1991 гг. исследуются в работах Е.А. Тарасовой. В них раскрываются истоки, характер и последствия развернувшейся «войны законов», а также анализируются расхождения во взглядах руководства РСФСР и союзного правительства по ключевым вопросам политического устройства страны и экономической реформы, не позволившие разработать и осуществить общую программу перехода к рынку и способствовавшие обострению социально-экономического кризиса и разрушению СССР[3].

---

[1] Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов, сост. С. М. Исхаков. М.: Наука, 2005. С. 588-600.

[2] Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 2000. 395 с.

[3] Тарасова Е.А. «Война законов» РСФСР-СССР в 1990-1991 гг // Научный диалог. 2016. № 9. С. 230-246; Её же. Роль Съезда народных депутатов РСФСР в разработке нового Союзного договора (1990-1991 гг.) // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма:

Существуют исследования, анализирующие процессы перестройки и распада Советского Союза с юридической точки зрения. Правовед Д.Л. Златопольский[1], долгие годы специализировавшийся на юридических основах организации советской федеративной модели, важнейшей причиной разрушения СССР называет попытку воплощения декларируемых Конституцией федеративных отношений на практике, а также разрушение единства Коммунистической партии.

В.В. Согрин[2], и А.В. Шубин[3], признавая наличие определенных закономерностей, которые привели к началу реформ в СССР, отмечали потребность в модернизации народно-хозяйственной системы, поиск новых подходов к идеологии. При этом распад СССР и ликвидация социалистической системы не были предопределены изначально и стали возможны только благодаря ошибкам, допущенным при проведении реформ. По мнению В.В. Согрина, при рассмотрении причины распада СССР нельзя разделять объективные предпосылки и субъективные факторы. Исследователь отмечает тесную взаимосвязь стремления руководителей союзных республик к разрушению единого политического пространства и непоследовательной, а потому и неэффективной политики союзного руководство по сохранению единства страны.

Иное мнение высказали Р.Г. Пихоя, С.В. Журавлёв, А.К. Соколов[4], видевшие причину неудачи попыток сохранить единое союзное государство в противоречивой деятельности центральных органов власти СССР, упорно сопротивляющихся попыткам перераспределить властные полномочия в пользу

история и современность: Международная научная конференция. СПб., 2017. С. 170-177; Её же. Трансформация федеративных отношений в РСФСР-РФ в 1990-1993 гг. Труды исторического факультета СПбГУ. 2010. № 1. С. 431-455.

[1] Златопольский Д.Л. Феномен нового государственного единства вместо СССР: перспективы развития (размышления о проблеме) // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1993. № 2. С. 3-11.

[2] Согрин В.В. Политическая история современной России 1985-2001: от Горбачёва до Путина. М.: Весь Мир, 2001. 260 с.; Его же. Перестройка: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 133-147.

[3] Шубин А.В. Парадоксы Перестройки: неиспользованный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 477 с.

[4] Пихоя Р.Г., Журавлёв С.В., Соколов А.К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М.: Новый хронограф, 2011. 312 с.

республик. С.Д. Валентей, а также Р.Г. Абдулатипов и его соавторы Л.Ф. Болтенкова и Ю.В. Яров[1] обращают внимание на проблемы территориального устройства СССР и РСФСР, влияние этого фактора на рост центробежных тенденций. В работе Ю.И. Игрицкого[2], посвящённой общественной трансформации в СССР и России после 1985 г., исследуются проблемы переходного периода, получившие отражение в протестных движениях, затронувших как столицу, так и регионы страны.

Оригинальную трактовку вышеназванных процессов дают В.Л. Каганский и С.Г. Кордонский[3], представляя межрегиональные, межреспубликанские и иные конфликты различных уровней власти и управления в рамках концепции рационализации советского пространства. Основной проблемой во взаимодействия элементов этого пространства являлось стремление региональных сил всех уровней повысить свой реальный статус, что привело к деструкции СССР.

Чрезвычайно разнообразна в оценках исследователей роль ГКЧП в разрушении союзного государства. Разброс мнений по этому вопросу особенно велик[4]: от признания решающей роли ГКЧП в крушении СССР до прямо противоположной точки зрения, согласно которой попытка введения чрезвычайного положения оценивается как закономерная реакция на дезинтеграцию государства, направленная на спасение СССР. Сторонники

---

[1] Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М.: ИЭ РАН, 1998. 132 с.; Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.В. Федерализм в истории России. М.: Республика, 1993. 414 с.

[2] Игрицкий Ю.И. Общественная трансформация в СССР и России после 1985 г.: Взгляды и концепции. М.: ИНИОН РАН, 1998. 474 с.

[3] Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.; Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.

[4] Художенков И.В. «События августа 1991 года» в представлениях государственных деятелей, общественно-политических лидеров и социокультурной элиты: дис. … канд. ист. наук. Омск, 2016. 179 с.; Буянов Е.В. К вопросу об оценке событий 19-21 августа 1991 г. В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации. Владивосток, 2015. С. 177-183; Пученков А.С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. № 2. С. 454-48; Котляров М.В. Путч ГКЧП: историческое значение, общественное мнение и политика памяти // Личность, общество и власть в истории России. Сборник научных статей. Новосибирск, 2018. С. 519-533.

первого подхода утверждают, что ГКЧП спровоцировал волну деклараций о независимости республик, полностью уничтожив доверие к общесоюзным органам власти. Тем самым, сделал невозможным заключение нового союзного договора[1]. Противники данного подхода, напротив, высказывают мысль о том, что процесс разрушения единого государства к августу 1991 г. приобрел настолько широкий размах, что без принятия чрезвычайных мер остановить его не представлялось возможным. В этом случае не сам факт создания ГКЧП подтолкнул распад государства, а скорее неудача в осуществлении чрезвычайных мер, связанная с личностным фактором и методами, избранными членами ГКЧП при воплощении своих решений в жизнь[2].

Историография деятельности Советов народных депутатов и их исполнительных органов в годы перестройки чрезвычайно обширна и включает как исследования института Советов в целом, так и проблемы нормативной базы, формирования и деятельности местных Советов народных депутатов и их исполнительных органов. Также в историографии следует выделить несколько периодов.

В годы перестройки Советы стали объектом пристального внимания исследователей. На первом этапе перестройки Советы по-прежнему еще воспринимались как органы государственной власти, но одновременно подчеркивалась их общественная сущность[3]. Для раскрытия потенциала Советов требовалось на практике осуществить принцип их полновластия[4]. Обновление советской системы и модернизация органов власти и управления нашли отражение в работах С.А. Авакьяна, Г.В. Барабашева, Р.Ф. Васильева, К.Ф. Шеремета, Н.Г. Старовойтова, Г.В. Дыльнова, Е.М. Ковешникова, В.М.

---

[1] Худорожков И.В. Ельцин и его окружение о событиях августа 1991 года // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 1. С. 144-149.

[2] Шереметьева Л.Н. 20 лет ГКЧП: путч или попытка сохранить страну и государство? // Известия Волгоградского государственного технического университета. Волгоград. 2011. № 9. С. 97-102.

[3] Цвик М.В. Социалистическая демократия и самоуправление // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 3-11.

[4] Гулиев В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 3-11.

Корельского, Е.И. Кореневской[1]. Заслуживает упоминания тот факт, что многие вышеупомянутые исследователи входили в число разработчиков законодательной базы в отношении местного самоуправления в период перестройки, выступая в 1990-1991 гг. в качестве научных консультантов[2].

Среди исследователей данного периода следует подчеркнуть роль Г.В. Барабашева, специализирующегося на теоретических разработках концепции организации местных Советов. Его взгляды нашли практическое отражение в ряде законодательных актов СССР, затрагивающих вопросы местного самоуправления в 1990-1991 гг[3].

Исследования периода перестройки затрагивали не столько исторические вопросы возникновения и деятельности Советов народных депутатов, сколько их трансформацию в свете проводившихся в стране политических реформ. Этим объясняется повышенный интерес к теме разделения властей, разграничение собственности и полномочий между разными уровнями Советов и их исполнительных органов, а также к вопросам законодательной деятельности в области местного самоуправления. В этой связи следует назвать работы Б.Н. Топорина и А.Я. Сливы[4].

Научные представления о Советах как представительных органах претерпели существенные изменения по мере постепенного отказа от однопартийной системы. В этом плане в проблематике исследований выделялись наиболее актуальные темы: демократизация Советов, а также связанное с этим

---

[1] Авакьян С.А. Советское народное представительство: конституционно-правовые аспекты дальнейшего совершенствования // Вестник МГУ. Право. 1987. № 6. С. 12–21; Барабашев Г.В., Старовойтов Н.Г., Шеремет К.Ф. Советы народных депутатов на этапе совершенствования социализма. М.: Юридическая литература, 1987. 363 с.; Дыльнов Г.В. Советы народных депутатов в условиях перестройки. Саратов: Изд-во СГУ. 1990. 432 с.; Ковешникова Е.М. Партии, Советы, ускорение. М.: Юридическая литература, 1987. 192 с.; Корельский В.М. Власть, демократия, перестройка. М.: Мысль, 1990. 247 с.

[2] Васильев В.И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 5-15.

[3] Барабашев Г.В., Шеремет К.Ф. Советское строительство. М.: Юридическая литература, 1988. 560 с.

[4] Слива А.Я. Пора возвращаться в мир. От системы Советов к парламентаризму и местному самоуправлению // Народный депутат. 1992. № 2. С. 56-66; Топорнин Б.Н. Разделение властей и государственная организация // Разделение властей и парламентаризм. 1992. С. 3-49.

совершенствование избирательной системы и повышение ответственности Советов, а также вопросы поиска новых организационно-правовых форм и методов, необходимых для реализации на практике принципа полновластия Советов. Среди авторов, затрагивающих эти вопросы можно назвать В.М. Козина, Б.А. Исаева, С.Ф. Мамедова и других[1].

Перечень исследуемых вопросов включал в себя взаимодействие Советов народных депутатов и общественных объединений[2], информационное обеспечение работы местных Советов[3], их деятельность по формированию финансовой базы местного хозяйств[4], взаимоотношения местных Советов и исполкомов с предприятиями, объединениями и кооперативами[5], управление трудовыми ресурсами[6], работу, избирательной системы и выборы в местные Советы[7], формирование в Советах различных партийных групп и их взаимодействие с избирателями[8]. Значительное внимание по-прежнему уделяется организационно-правовым вопросам работы Советов народных депутатов[9].

---

[1] Козин В.И. Эволюция политической системы СССР, вторая половина 80-х - начало 90-х годов: дис. … канд. ист. наук. М., 1992. .179 с.; Исаев Б.А. Развитие политической системы в СССР в 1985-90 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб, 1992. 215 с.; Мамедов С.Ф. Взаимодействие политических партий и органов власти в развитии местного самоуправления: дис. … канд. ист. наук. М., 1992. 170 с.

[2] Антаков В.А. Взаимодействие советов народных депутатов и общественных объединений как фактор становления самоуправления: дис. … канд. фил. наук. Саратов, 1991. 146 с.

[3] Нагорная М.А. Информационное обеспечение деятельности местных Советов народных депутатов: Организационно-правовой аспект: дис. … д-ра. юр. наук. М, 1991. 388 с.

[4] Слободянюк Н.И. Деятельность местных Советов народных депутатов по формированию финансовой базы местного хозяйства: дис. … канд. юр. наук. Москва, 1991. 140 с.; Лазарева Н.В. Регулирование финансовых ресурсов местных Советов: дис. … канд. эконом. Наук. СПб, 1992. 162 с.

[5] Колесник В.П. Организационно-правовые взаимоотношения местных Советов народных депутатов с предприятиями (объединениями) вышестоящего подчинения: дис. … канд. юр. наук. Харьков, 1990. 212 с.

[6] Купчина Е.Н. Местные Советы: управление трудовыми ресурсами: дис. ... канд. юр. наук. Минск, 1990. 205 с.

[7] Назаров В.М. Формирование политического авторитета в процессе выборов в Советы народных депутатов: опыт социолого-психологического исследования: дис. ... канд. соц. наук. М, 1991. 235 с.

[8] Ермашенкова С.А. Партийные группы в Советах народных депутатов в условиях реформы политической системы: на материалах Московской городской организации КПСС: дис. ... канд. ист. наук. М, 1990. 177 с.

[9] Амелин Н.М. Местные Советы народных депутатов в системе территориального самоуправления: дис. … канд. юр. наук. М, 1991. 151 с.; Арановский К.В. Обеспечение

Вслед за распадом СССР и последовавшим роспуском Советов всех уровней наступил новый этап в историографии. С этого времени Советы рассматривались как отдельно, так и в контексте реформ государственного управления и истории местного самоуправления в России в разные периоды. Ключевой проблемой становится создание альтернативной системы региональной и местной власти и управления, пришедшей на смену Советам, а также исследования в области федеративных и межрегиональных отношений, муниципального права и муниципальной собственности. К подобным исследованиям можно отнести коллективную работу «Местное самоуправление в современной России»[1], представляющую материалы по разным аспектам деятельности местных органов власти и управления в период распада СССР и в последующие годы.

Исследование опыта трансформации Советов и реализации новых законов о местном самоуправлении занимает главное место в работах[2] П.А. Румянцева, В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова, Е.В. Белокуровой и Н.В. Борисовой. На примере разных городов, отличающихся по размерам, численности населения, климатическим особенностям и актуальным проблемам жизнеобеспечения был проведен анализ общих и специфических черт городского самоуправления, характерных для переходного периода. Е.Т. Тарасова[3] анализирует

конституционности нормативных актов исполкомов местных Советов: дсс. … канд. юр. наук. Ленинград, 1990. 165 с.; Кашо В.С. Организационно-правовой механизм взаимодействия местных Советов народных депутатов и органов территориального общественного самоуправления: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1991. 203 с.; Лютцер В.Л. Организационно-правовые вопросы преодоления бюрократизма в деятельности исполнительно-распорядительных органов местных Советов народных депутатов: дис. ... канд. юр. наук. М, 1991. 212 с.; Овсепян Ж.И. О ходе конституционной реформы в СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 3. С. 8-21.

[1] Местное самоуправление в современной России. Под ред. А.Е. Балабанова. Владимир: Транзит-ИКС, 2007. 440 с.

[2] Румянцев П.А. Правовые основы реформирования региональных органов государственной власти в России в период укрепления и развития современного переходного государства // Актуальные проблемы юридической науки. Часть 1. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева. 2012. С. 66-69.; Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с

[3] Тарасова Е.А. Потерянная альтернатива: становление новой политической системы России в 1990-1993 годы. СПб.: Алетейя, 2012. 344 с; Тарасова Е.П. Реформа государственной власти в СССР и РСФСР в начале 90-х годов XX века: политико-правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 5. С. 46-56.

конституционно-правовые процессы, связанные с реформированием государственной власти в стране, а также отражение этих процессов на местах.

Вопросам становления местного самоуправления в России, реформирования системы Советов и исполкомов, а также разработке нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность, посвящена значительная часть исследования И.В. Бабичева и Б.В. Смирнова «Местное самоуправление в современной России: становление и развитие»[1]. Этот труд основан на серии более ранних публикаций, в которых авторы подробно разбирали предпосылки реформирования системы Советов развитие законодательства о местных органах власти в период перестройки и распада СССР. Особое внимание уделялось законодательным актам СССР и РСФСР, направленным на регулирование местного самоуправления и местного хозяйства, анализу их сильных и слабых сторон, а также причинам последующего свертывания реформ и отказа от системы Советов.

Большой интерес представляют результаты исследований процесса формирования вертикали исполнительной власти, проведенных Т.И. Ширко[2]. В работах выявлены противоречия этого процесса и разные подходы в разработке стратегии развития государственных институтов местного самоуправления.

Вопросы избирательной системы, связанные с преобразованиями перестройки, проходящими в русле демократизации политической жизни СССР, а также формирование институтов власти в России нашли отражение в работе А.В.

---

[1] Бабичев И.В., Смирнов Б.В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 528 с.; Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап // Местное право. 2010. № 2. С. 99-126.; Его же. Основные направления развитие законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Второй этап // Местное право. 2010. № 3. С. 105-127.

[2] Ширко Т.И. Региональные аспекты формирования исполнительной власти в Кемеровской, Новосибирской и Томской областях в 1991-1993 гг. // Омский научный вестник. 2013. № 3. С. 25-28; Её же. От глав администраций к губернаторам: эволюция статуса главы исполнительной власти края, области в Российской Федерации в 1990-1999 гг. Тамбов: Грамота. 2013. № 10. С. 210-213; Её же. Формирование вертикали исполнительной власти в России в 1990-1993 гг.: региональный аспект // Вестник ТГУ. 2012. № 364. С. 91-97.

Иванченко и А.Е. Любарева «Российские выборы от перестройки до суверенной демократии»[1].

В современной российской историографии проблемы организации власти в 1980-90-е гг. обычно рассматриваются в контексте построения новой структуры региональной власти и местного самоуправления. В этой связи можно отметить исследования В.А. Черноситова[2], В.Г. Графского, В.И. Карпец, И.Н. Ефремовой[3].

Среди работ, отражающих возросший в обществе интерес к работе Советов и пришедших им на смену новым органам власти и самоуправления, следует назвать исследования, посвящённые различным формам территориального общественного самоуправления. Во многом их появление обусловлено спорами вокруг тезиса о неспособности населения к ответственным действиям. Эта дискуссия получила освещение в работе Р.Е. Бобовича «Территориальное общественное самоуправление», изданной при участии академика С.Н. Федорова в 1999 г.[4] Работы по проблемам местного самоуправления, вышедшие в 1990-е гг., носят во многих случаях междисциплинарный характер, относясь к истории, политологии, административному и государственному праву, регионоведению, социологии и другим дисциплинам[5].

Значительный вклад в изучение процессов деятельности местных Советов всех уровней в период перестройки, а также понимание основных тенденций трансформации этой системы внесла диссертация М.Н. Матвеева «Власть и

---

[1] Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М.: Аспект Пресс, 2006. 222 с.

[2] Черноситов В.А. Организационно-правовая трансформация местных Советов народных депутатов на завершающем этапе Советского государства: 1985-1991 гг.: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2008. 248 с. Его же. Черноситов В.А. Советы народных депутатов в СССР на рубеже 1990-х гг.: правовой статус и роль в процессе расширения института местного самоуправления // Общество и право. 2008. № 1. С. 56-58.

[3] Графский В.Г., Ефремова И.Н., Карпец В.И. Институт самоуправления: историко-правовое исследование. М.: Наука, 1995. 301 с.

[4] Бобович Р.Е. Территориальное общественное самоуправление. М.: Академия самоуправления, 1999. 272 с.

[5] Барабашев Г.В. Идеалы самоуправления и российская действительность // Государство и право. 1996. № 11. С. 137-142; Гильченко Л.В. Из истории становления местного самоуправления в России // Государство и право. 1996. № 2. С. 142-152.

общество в системе Советов народных депутатов»[1], основанная на ней монография и иные публикации по данной тематике. Автор подробно исследовал законодательный статус и правовые основы деятельности местных Советов в период перестройки и распада СССР: состав, методы формирования, внутреннюю структуру и способы реализации полномочий представительных и исполнительно-распорядительных органов советской власти. Им был проведён подробный анализ процессов внутренней трансформации местных Советов на примере областей Поволжья. Значительное внимание уделено формированию депутатского корпуса и его взаимоотношениям с избирателями и жителями территорий. Автор не ограничивается исключительно региональными рамками, затронув в своей работе исторические предпосылки и мотивы реформ Советов в контексте эволюции подходов к организации власти и управления на местах. Значимое место в работе отведено также деятельности Советов по преодолению различных проявлений системного кризиса государства в последние годы существования СССР.

Помимо Советов Приволжского региона, имеются также исследования советских органов власти и управления других региональные РСФСР в годы перестройки: Ленинграда[2], Смоленской области[1], Твери и Тверской области[2],

---

[1] Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 456 с.; Его же. Власть и общество в системе местного самоуправления России в XX веке: опыт реализации идеи народовластия // Местное самоуправление в системе публичной власти: российский и мировой опыт. Сборник научных трудов. Саратов. 2004. С. 181-184; Его же. Генезис понятия «советская власть» и конституционные основы деятельности Советов в 1918-1990 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск Новые гуманитарные исследования. 2006. С. 122-129; Его же. Историография истории местных Советов России 1977-1993 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск. 2004. С. 80-90; Его же. К вопросу о природе местного самоуправления // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск. 2005. С. 142-149; Его же. Отражение проблем населения в деятельности местных Советов в 70-90 годы XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск Новые гуманитарные исследования. 2003. С. 162-181; Его же. Проблема встраиваемости местного самоуправления в государственную вертикаль. Правовой аспект и исторические традиции // Юрист Поволжья. 2009. № 11-12. С. 30-35.

[2] Шевченко Д.В. Ленсовет – Петросовет XXI созыва: образование и деятельность, 1990-1993 гг.: дис. ... канд. ист. наук: СПб, 2016. 199 с.; Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: Сб. материалов / Сост.: О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис. СПб: Серебряный век, 2009. 784 с.

регионов Европейского Севера[3], а также Юга РСФСР[4]. В работе В.В. Зеленцова[5] рассматриваются различные аспекты местного управления в областях Западной Сибири; М.В. Ярных в своем исследовании рассматривает вопросы работы местных Советов Удмуртии[6]. Другим примером может служить диссертация А.А. Смолеева, посвященная общественно-политической жизни в Тамбовской области в годы перестройки, где также исследуются проблемы изменения региональных структур власти и управления под воздействием политических трансформаций 1985-1991 гг[7].

Среди научных исследований также следует выделить труды, посвященные проблемам развитию Дальнего Востока и входящих в его состав административно-территориальных образований в годы перестройки и распада СССР. Значительное количество научных публикаций и монографий, в разной степени пересекающихся с темой исследования, были подготовлены дальневосточными авторами.

Анализ социально-экономического развития Дальнего Востока в период перестройки, а также подведение первых промежуточных итогов нашли свое отражение в изданном в 1991 г. Институтом экономических исследований Дальневосточного отделения Академии Наук СССР сборнике «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути

---

[1] Иванов А.М. Деятельность Смоленского областного совета народных депутатов и Смоленской областной партийной организации КПСС в период августовских событий 1991 г. // Studia Humanitatis. 2018. № 3.URL: http://st-hum.ru/en/node/688 (дата обращения: 12.11.2018).

[2] Козлова Н.Н. Тверские Советы народных депутатов в годы перестройки, 1985-1991. Опыт реформирования: дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1998. 240 с.

[3] Лукичев А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004. 338 с.

[4] Пономарева М.А. Власть и общество на Юге России в условиях политических и социально-экономических преобразований в 1960-1990-е годы: дис. ... док. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 666 с.

[5] Зеленцов В.В. Городское самоуправление Западной Сибири в 1990-е гг.: на материалах Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 240 с.

[6] Ярных М.В. Местные советы Удмуртии в период реформирования: 1985-1993 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 219 с.

[7] Смолеев А.А. Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985-1993 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 238 с.

перестройки[1]. Несмотря на социально-экономическую направленность большинства научных докладов, в них также затрагивались вопросы, напрямую связанные с политическим будущим региона, в том числе будущее Советов в новых условиях. Ряд докладов содержали рекомендации по модернизации системы власти и перераспределению полномочий между центром и регионами, а также освещали проблемы межрегионального взаимодействия административно-территориальных единиц Дальнего Востока в свете поиска путей выхода из кризиса[2].

Среди работ дальневосточников полнотой отличаются исследования Е.В. Буянова[3], в которых основной упор делается на трансформацию региональных и местных Советов в регионах Дальнего Востока в контексте генезиса местной элиты, эволюции политической системы и становления многопартийности. Деятельности Советов анализируется с учетом дальневосточной специфики и политического расклада в каждом субъекте России. Проведённые исследования также сопровождались значительным вкладом автора в изучение историографии проблемы.

Институтам государственной власти в Приморье и других регионах южной части Дальнего Востока посвящены исследования В.Э. Войшниса[4], подробно

---

[1] Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. / Под ред. П.Я. Бакланова Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. 142 с.

[2] Бакланов П.Я. Общие предложения концепции социально-экономического развития ДВЭР. // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. С. 125-140.

[3] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001.308 с.; Его же. Государственное строительство на юге Дальнего Востока России в 1990-1997 гг. Благовешенск: Изд-во АмуГУ, 1998. 171 с.; Его же. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988–1995 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 263 с.

[4] Войшнис В.Э. Губернаторы Дальнего Востока России: выборы, состав, оценка их работы (1995-1998 гг.) // Россия на пороге XXI века: Сб. материалов регион, науч. симпозиума (14-15 апреля 1999 г., г. Хабаровск), Хабаровск, 1999. С. 109-113; Его же. Проблемы формирования парламентов южных регионов Дальневосточного федерального округа на современном этапе // Четвертые Гродековские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России» / Под ред. Н.И. Дубининой. Хабаровск, 2004. С. 214-218; Его же. Участие электората южных регионов Дальнего Востока в президентских выборах в Российской Федерации (1991-2004) //

отражающие принципы, достоинства и недостатки избирательной системы, а также связанные с этим проблемы работы местных органов власти и самоуправления в переходный период начала 1990-х гг.

Новые подходы в формировании законодательных и исполнительных органов власти на местах стали объектом исследования Р.В. Голощапова[1]. Отличительной их чертой является разделение процесса реформирования органов местной власти на этапы и подробный анализ особенностей избирательного процесса при формировании органов власти и местного самоуправления. В работах[2] Б.Г. Хачатуряна подробно анализируются институциональные проблемы самоуправления в регионах Дальнего Востока, развитие советской власти на местах и её трансформация в конце 1980 – начале 1990 гг.

В ряде исследований упор делается на социально-экономическое развитие Дальнего Востока, чему посвящены работы А.С. Ващук и Е.Н. Чернолуцкой и других дальневосточных исследователей[3]. Исследования А.С. Ващук раскрывают как общие тенденции, так и отдельные аспекты взаимоотношений регионов и центра в процессе трансформации власти во второй половине XX века, включая генезис политических элит региона, вклад органов власти и управления Дальнего Востока и их руководителей в формирование новых институтов собственности,

---

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2007. № 3. С. 50-60.

[1] Голощапов Р.В. История реформирования органов власти на Дальнем Востоке России (1990-2000 гг.). автореф. … дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2002.

[2] Хачатурян Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990-1994 гг.): к истории вопроса // Вестник ИрГТУ. 2012. № 1. С. 312-319; Его же. Особенности советского местного управления на Востоке России // Вестник ИрГТУ. 2012. № 5. С. 377-384.

[3] Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 226 с; Чернолуцкая Е.Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985-1991) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5-22; Ващук А.С. Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 94-108; Коваленко С.Г. Советская экономическая модернизации на Дальнем Востоке в эпоху перестройки: замысел и результат // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 37. С. 12-21; Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66-79; Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: от «барахолки» к рынку // Россия и АТР, 2013. № 4. С. 96-112; Крушанова Л.А. Особенности криминальной ситуации на советском Дальнем Востоке (1960-1991) // Россия и АТР. 2013. № 1. С. 66-79.

участие в осуществлении приватизации и реализации социальной политики, подготовке в регионе рыночных преобразований, становление предпринимательства и активизацию межрегиональных и внешнеэкономических связей[1]. Значительное внимание уделяется проблемам становления регионального рынка и борьбе с организованной преступностью.

Диссертационное исследование А.Е. Савченко затрагивает проблемы административно-политических отношений центра и регионов Дальнего Востока в годы перестройки и распада СССР, в котором значительное внимание уделено советской региональной политике как инструменту социально-экономического развития страны в отношении регионов Юга Дальнего Востока. Подчеркивается роль символических и материальных ресурсов, проблемы реализации управленческого и кадрового потенциала. Подробным образом исследуется эволюция взаимоотношений регионов Дальнего Востока союзным центром и институтами власти СССР и РСФСР. В дальнейшем в его работах подчеркивается мысль, что для центральной власти регион выступал в роли «геополитического бремени», то есть стратегически важной территории, на развитие которой не хватало государственных ресурсов[2].

Одной из актуальных тем исследования Дальнего Востока остается история создания Особых (Свободных) экономических зон, включая зоны первого поколения начала 1990-х гг. В работах С.А Иванова были прослежены корни идеи создания ОЭЗ в годы перестройки и продемонстрировано нелинейное развитие первых проектов ОЭЗ. В центре внимания оказались противоречия

---

[1] Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с., Её же. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 18-20; Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке в конце XX в. – начале XXI века. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.

[2] Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985-1990-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 285 с.; Его же. Взаимоотношения Центр-регион в России 1985-2000 гг. как проблема эффективности государства // Россия и АТР. 2011, № 2. С. 108–117; Его же. Дальний Восток в региональной политике Центра в 1990-е гг. (на примере Приморского, Хабаровского краев и Амурской области) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке № 3. 2013. С. 146-151.

теоретического обоснования необходимости подобных структур как новых элементов развития и практической реализации проектов дальневосточных ОЭЗ, возникшие вследствие множественности акторов, вовлечённых в разработку, и неоднозначности их мотиваций. Отмечалась определенная спонтанность возникновения идеи особых зон в РСФСР и их быстрое превращение из перспективного механизма экономической трансформации в политический инструмент, используемый центральной и локальной бюрократией в своих целях[1].

Труды Т.Г. Трояковой и диссертационное исследования В.Г. Довгаль помещают в центр внимания вопросы формирования и трансформации политических элит регионов Дальнего Востока[2]. Работы А.П. Коняхиной просвещены становлению и развитию гражданского общества, а также изменению общественных настроений на Дальнем Востоке в годы перестройки[3]. Исследования отличаются большим количеством введенных в оборот архивных материалов, статистических данных, а также междисциплинарным подходом, позволяющим рассмотреть состояние и трансформацию общества, требования отдельных социальных групп и возникновение новых общественных движений.

Среди других актуальных вопросов изучаются проблемы рынка труда, формирование трудовых ресурсов и вопросы изменения демографической ситуации в регионе, включая миграционные процессы. Эти проблемы нашли

---

[1] Иванов С.А. Советские свободные экономические зоны как идея развития // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 86-103; Иванов С.А., Кожевникова П.А. Особые экономические зоны Дальнего Востока России: децентрализованная и централизованная модели управления. // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. № 24. С. 161-176.

[2] Троякова Т.Г. Формирование правящей группировки в Приморье// Россия и АТР. 1996. № 3. С. 65-72; Довгаль Г.В. Политическая элита Дальнего Востока в условиях трансформации российского общества: Вопросы теории и практики: дис. … канд. ист. наук. Уссурийск, 2007. 213 с.

[3] Коняхина А.П. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке России. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38-55. Её же. К истокам гражданского общества на Дальнем Востоке России: от человека недовольного к человеку действующему // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. Владивосток, 2014. С. 174-179.

отражение в работах[1] Е.Л. Мотрич, Е.Н. Чернолуцкой, В.С. Ермакова, А.М. Шкуркина и других.

Важным шагом в осмыслении событийной стороны перестройки, системного кризиса и их последствий для регионов Дальнего Востока стала публикация сборника «В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации», подготовленный Институтом истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН и приуроченный к 20-летней годовщине начала перестройки[2].

Значимым достижением стал подробный историографический анализ исследований проблем перестройки дальневосточными авторами, выполненный А.С. Ващук[3], а также историографический обзор зарубежных англоязычных исследований, подготовленный Е.Н. Чернолуцкой[4].

Дальнейшее накопление и обобщение материалов социально-политических и экономических исследований о Дальнем Востоке в период перестройки способствовало работе дальневосточных исследователей по созданию многотомного труда «История Дальнего Востока». Пятая книга третьего тома посвящена периоду перестройки и проявлениям системного кризиса в регионах Дальнего Востока[5]. Значительное внимание в этом коллективном исследовании уделено влиянию реформ на политические и социально-экономические процессы

---

[1] Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.; Шкуркин А.М. Население и труд // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Новые явления, направления, пути перестройки. Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. С. 96-104.; Ермаков В.С. Демографический фактор рынка труда региона (на примере российского Дальнего Востока): дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2007. 200 с.

[2] В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук и Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 276 с.

[3] Ващук А.С. Перестройка на Дальнем Востоке в освещении российских исследователей// В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации. Владивосток, 2015. С. 41-54; Ващук А.С., Воронцов Н.С. Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России периода радикально-либеральных реформ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 2. С. 49-68.

[4] Чернолуцкая Е.Н. Перестройка и перспективы развития российского Дальнего Востока в американской историографии // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 54-64.

[5] Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 902 с.

в регионе, росту социальной напряженности, а также связанным с этим проблемам правоохранительной деятельности, изменением общественно-политических настроений жителей Дальнего Востока и новым социальным движениям в регионе.

В зарубежной историографии можно выделить исследования, посвящённые преимущественно общим проблемам перестройки и распада СССР. Региональный компонент в них играет далеко не главную роль и представлен, как правило, на примере союзных республик и российских автономий. Некоторые работы переведены на русский язык. Так в 1990-е гг. вышли две работы видного итальянского журналиста Дж. Кьеза по истории СССР перестроечного периода. В 1996 г. на русском языке опубликована книга известного итальянского историка Дж. Боффа, в которой он пытается проанализировать основные причины кризиса и краха СССР. Он подчеркивает особую роль межнациональных отношений в процессе распада СССР, анализирует причины национализма и сепаратизма в СССР. Как и Дж. Кьеза, Дж. Боффа акцентирует внимание на роли политических лидеров республик, в первую очередь – России, в процессе распада Союзного государства[1]. В 2007 г. вышла работа С. Коэна, специализирующегося на новейшей истории России. Он высказывает необычную для американской историографии точку зрения, что СССР был вполне жизнеспособным государством, а на его распад серьезным образом повлияло множество обстоятельств, первоочередным из которых стала деструктивная политика ряда республиканских лидеров, включая Б.Н. Ельцина[2]. Из работ, посвященных политическим вопросам и трансформации региональных и местных органов власти и управления можно отметить исследование И. Губбэя[3], посвящённое

[1] Кьеза Дж. Переход к демократии. М.: Международные отношения, 1993. 376 с.; Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. М.: Международные отношения, 1996. 320 с.

[2] Коэн С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI, 2007. 200 с.; Его же. Можно ли было реформировать советскую систему // Свободная мысль-XXI. 2005. № 1. С. 136–162.

[3] Gubbay,I. Trainees, Trainers and Training of Trainers Reform of Local Administration in Russia. Public Administration and Development. 1995. vol. 36. no. 7. P. 436-445.

созданию и деятельности в РСФСР региональных и местных администраций, а также А. Финифтер[1], исследовавшей политические реформы и трансформации властных институтов в СССР и союзных республиках в годы перестройки.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление особенностей и тенденций в работе Советов народных депутатов Приморского края, их структурных подразделений и исполнительных органов в годы перестройки в условиях системного кризиса, непосредственно предшествующего распаду СССР, воссоздание исторической картины формирования и функционирования Советов, а также обобщение исторического опыта их деятельности.

Данная цель определила постановку следующих **задач**:

1. Выявить и проанализировать исторические предпосылки и условия трансформации системы Советов народных депутатов в годы перестройки на примере Приморского края, обозначить мотивы, цели и задачи реформ советской модели власти и управления в регионе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., выявить специфику формирования местных Советов народных депутатов краевого, городского и районного уровней.

2. Обозначить новые подходы к организации работы местных Советов народных депутатов и их исполнительных органов, провести анализ проектов и предложений по дальнейшему реформирования системы Советов в условиях формирования новой законодательной базы институтов региональной власти и местного самоуправления.

3. Выявить особенности работы Советов и исполкомов Приморья по преодолению кризиса и разработке планов экономического развития Приморского края с учетом новых экономических возможностей, включая деятельность по межрегиональной интеграции и создание свободных экономических зон на Дальнем Востоке.

---

[1] Finifter A.W. Attitudes toward Individual Responsibility and Political Reform // The Former Soviet Union. American Political Science Review. 1996. vol. 90. no. 1. p. 172-184.

4. Определить результативность деятельности Советов народных депутатов и исполкомов на основе анализа принятых мер по решению ключевых социально-экономических задач в условиях нарастающего кризиса. Выделить организационные и кадровые проблемы, присущие Советам и исполкомам Приморья.

5. Проследить позицию руководителей краевого, городских и районных Советов и исполкомов в период политического кризиса августа 1991 г., обозначить основные тенденции в действиях их руководителей, а также влияние августовского кризиса на трансформацию политической элиты Приморского края. Раскрыть сущность реформ Советов и новых органов исполнительной власти во второй половине 1991 г.

6. Обобщить исторический опыт деятельности Советов народных депутатов и их исполнительных органов в период перестройки и распада СССР.

Объектом исследования являются Советы народных депутатов регионального (краевого) и местного (городского и районного) уровней и их исполнительные органы.

Предметом исследования выступает деятельность Советов народных депутатов Приморского края и их исполнительных органов в период перестройки, их реакция на проявления системного кризиса, а также реформа советских региональных институтов народного представительства в контексте общих тенденций политических социально-экономических трансформаций в стране с учетом региональных особенностей.

Хронологические рамки исследования обозначены периодом с 1985 г. по 1991 г. Отправной точкой выступает начало преобразований в СССР, затронувших все сферы жизни общества государственного управления, включая организацию власти и управления на местах. Ключевое место в исследовании занимают события последних лет перестройки, связанные с формированием Советов народных депутатов, избранных на альтернативной основе и сформированных ими исполкомов. В рамках этого периода рассматриваются все проявления системного кризиса, а также события августа 1991 г. и их отголоски в

регионе. Заключительной точкой в хронологии выступает осень-зима 1991 г.: предобразование Советов и формирование администраций в соответствии с новым порядком работы органов власти и местного самоуправления.

Территориальные рамки исследования охватывают границы Приморского края на начало 1990-х гг.

Методологическая основа исследования представляет собой систему принципов, приемов и методов общенаучного и гуманитарного знания, позволяющих выполнить задачи исследования. В основу положены принципы объективности, историзма, системности в изучении явлений и процессов. Для достижения поставленных задач были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, а также специальные методы: историко-системный, сравнительно-исторический, историко-генетический и количественный метод.

Историко-системный метод позволяет рассмотреть отдельные элементы и соединить их в целостную систему. В рамках исследования проводится анализ политических, социальных, экономических и иных факторов, ставших причиной кризисных проявлений, выявляется их роль в создании атмосферы общей нестабильности в крае. В этой связи Советы народных депутатов и исполкомы Приморья исследуются как часть системы государственной власти и управления, действующие в условиях происходящих трансформаций правового поля, политического и экономического пространства СССР и РСФСР.

Сравнительно-исторический метод дал возможность проследить региональные особенности проявления кризисных тенденций в различных отраслях народного хозяйства и социальной сферы, а также в отдельных городах и районах Приморского края, сопоставить общие черты и особенности развития Советов Дальнего Востока и других регионов РСФСР.

При помощи историко-генетического метода стало возможным изучение факторов и мотивов, способствовавших изменениям представлений о роли Советов в осуществлении властных полномочий, генезиса политической элиты региона, исследование закономерностей процесса эволюции региональной

политики в последние годы существования СССР и динамики системного кризиса и его специфики в регионе.

Под «системным кризисом» на основе определения, данного Э.М. Коротковым, подразумевается ситуация, при которой основные компоненты общества: технический базис, экономика, социальная сфера, политика, право и другие, приходят во взаимное несоответствие, при котором разбалансированность системы не может быть преодолена в рамках существующего социально-экономического строя. Для данной ситуации характерно сочетание конституционно-правового кризиса – разрушение единого правового пространства и фактическое прекращение действия Конституции; правительственный кризис, то есть нарушение единства исполнительной власти; кризис партийной системы и идеологический кризис, а также внешнеполитический кризис, выражающийся в падении международного влияния государства. В число кризисных проявлений включаются следующие элементы: длительный паралич государственной власти, потеря государственными структурами возможностей и потенциала управляющего воздействия и стратегической инициативы, частое обращение властных лиц к популистским методам убеждения, смена курса, кадровые перестановки, резкое падение уровня жизни, обнищание значительной массы населения[1].

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных источников. Неопубликованные источники представлены в исследовании материалами Государственного архива Приморского края.

В фонде Р-26 «Приморский краевой Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» собраны стенографические отчеты о работе сессий Приморского краевого Совета народных депутатов двадцать первого созыва, функционировавшего с 1990 г., стенограммы и протоколы заседаний исполнительного комитета краевого Совета. В этом же фонде содержатся

[1] Коротков Э.М. Антикризисное управление. М.: ИНФРА-М, 2003. С.83-84.

протоколы, решения и рекомендации постоянных комиссий краевого Совета, предложения от депутатов и депутатских групп, информации от управления МВД крайисполкома и управления КГБ по Приморскому краю, отчеты президиума краевого Совета и крайисполкома. В большом количестве представлены проекты решений, распоряжений и постановлений органов советской власти Приморья.

Фонд Р-85 дает представление об аналогичных документах, касающихся работы Владивостокского городского Совета и горисполкома. Отличительной чертой документов этого фонда является наличие материалов, касающихся нереализованных проектов по реформированию системы городского управления в новых политических и экономических условиях.

Материалы фонда Р-1337 «Комитет по печати и информации Администрации Приморского края» позволяют проследить трансформацию общественного мнения в период перестройки, выявить роль средств массовой информации в освещении событий политической и экономической жизни Приморского каря, его городов и районов, обозначить ключевые проблемы, находившиеся в центре внимания власти и общества.

В фонде Р-1694 «Администрация Приморского края» собраны первые распоряжения главы администрации Приморского края В.С. Кузнецова во второй половине 1991 г. Представленные материалы позволяют проследить преемственность исполнительной власти до и после августа 1991 г., сопоставить кадровый состав, методы и приоритеты в работе крайисполкома и пришедшей ему на смену администрации.

Два архивных фонда – П-3 и П-68 – сосредоточили документы и материалы Коммунистической партии на территории региона (Приморский краевой и Владивостоксий городской комитеты КПСС, с марта 1991 г. – КП РСФСР), выявить их роль в общественно-политических процессах перестройки, проследить эволюцию партийных органов Приморья. В фонде П-68 выявлены документы (повестки дня, проекты постановлений) бюро крайкома КП РСФСР, ранее не вводившиеся в широкий научный оборот.

Архивные материалы дают представление о положении дел в крае, о развитии кризисной ситуации в регионе, кадровом составе Советов народных депутатов и их исполнительных комитетов; транслируют общественные настроения и политическую позицию должностных лиц и жителей региона в годы перестройки.

Опубликованные источники целесообразно разделить на несколько групп.

Официальные нормативно-правовые акты общегосударственного значения. К данной группе относятся Законы Союза ССР и РСФСР: постановления Съездов народных депутатов и Верховных Советов СССР и РСФСР, постановления и распоряжения Президиумов Верховных Советов СССР и России, Указы Президентов СССР и РСФСР.

Помимо союзных и республиканских нормативно-правовых актов привлечено значительное количество документов регионального (краевого), городского и районного уровней. К ним относятся решения сессий Приморского краевого Совета народных депутатов; решения и распоряжения Президиума краевого Совета и его исполнительного комитета; решения комиссий краевого Совета; решения и распоряжения городских и районных Советов народных депутатов, их президиумов и исполнительных комитетов.

Кроме того, для фиксации основных существующих точек зрения по ключевым вопросам, поднимаемым в рамках исследования, возникла необходимость обратиться к периодической печати, представленной общесоюзными и республиканскими газетами, а также краевой и районной прессой. В процессе исследования привлекались периодические издания городов и районов Приморского края, а так же Ведомости Приморского краевого Совета народных депутатов.

Научная новизна исследования закачается проведении исторического анализа проблем взаимодействия органов власти и управления на территории Приморского края в период перестройки и распада СССР.

– процесс трансформации органов власти и управления Приморского края показан в динамике по мере нарастания кризисных тенденций;

– на примере выявленного и введенного в научных оборот документального материала продемонстрированы практические результаты работы Советов народных депутатов и исполкомов Приморья путем анализа принятых ими мер по решению ключевых социально-экономических задач;

– выявлена позиция руководителей Советов и исполкомов краевого, городского и районного уровней в период системного кризиса, обозначены основные тенденции в действиях их руководителей в августе 1991 г. и в период распада СССР

– на материалах работы Советов и исполкомов показано, как звенья одной цепи власти и управления разных уровней постепенно стали выразителями местных интересов и приобрели протестный потенциал. Это позволило местным лидерам приобрести политическую поддержку и влияние, и на основе местной протестной повестки стать политическими тяжеловесами, обеспечив себе место в новой структуре региональной и местной власти;

– в научный оборот был введен массив малоизвестных материалов делопроизводства Советов народных депутатов разных уровней, их исполнительных органов и структурных подразделений;

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты и выводы могут быть использованы историками, политологами, политиками для анализа исторического опыта антикризисной региональной политики России и других государств постсоветского пространства.

Положения, выносимые на защиту:

1. Процесс реформирования системы Советов народных депутатов и их исполнительных органов в Приморском крае развивался в русле общесоюзных и общероссийских тенденций в условиях нарастающего системного кризиса и сопровождался постепенным внедрением в структуру власти ранее не свойственных советской системе элементов.

2. Особенности проявления системного кризиса в регионах Дальнего Востока, связанные с его отдаленностью от политического центра, хозяйственной и демографической спецификой, потребовали от местных Советов решения

нестандартных задач, включая работу по созданию координационных структур межрегиональной интеграции и формированию свободных экономических зон.

3. Работа Советов народных депутатов Приморского края и их исполнительных органов по борьбе с проявлениями системного кризиса привела к противоречивым результатам и не достигла главной цели – минимизации последствий кризиса в регионе. Причина подобной оценки кроется как в несовершенстве нормативно-правовой базы работы, недостатках структуры Советов и исполнительных органов, недостаточно четком разграничении полномочий между разными уровнями власти и управления, так и в отсутствии понимания конечного результата преобразований на общегосударственном уровне в условиях острой политической борьбы в союзном и российском руководстве.

4. В ходе политического кризиса августа 1991 г., ставшего наивысшей точкой противостояния Президента РСФСР и консервативной части советского руководства, лидеры советской власти Приморья не выработали единой позиции, допустив вариативность в действиях и политических заявлениях, что в дальнейшем повлияло на работу Советов, вызвав кадровые перестановки в их руководящем составе, а также перераспределение исполнительных полномочий в пользу новообразованных администраций. В то же время произошедшие перемены не привели к радикальным трансформациям локальной политической элиты Приморья.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования, его результаты и выводы получили отражение в форме научных публикаций и докладов в рамках работы научно-практических конференций международного, общероссийского и регионального уровней:

Всероссийская научная конференция (X Крушановские чтения) «Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке» (1-3 июня 2021 г., Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН); Международная научная сессия XVII Невские чтения (21-27 апреля 2021 г., СПб, Невский институт языка и культуры); Первая научная сессия молодых ученых и аспирантов ИИАЭ ДВО РАН (20 апреля 2021

г., Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН); Всероссийская научная конференция с международным участием «Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект» (8 декабря 2020 г., Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН); Всероссийская научная конференция: «Пограничные конфликты и трансграничное взаимодействие в исторической ретроспективе. XVII – XX вв. (IX Крушановские чтения)» (17-18 сентября 2019 г., Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН); Круглый стол «Научное осмысление реализации российских реформ конца XX – начала XXI в. на Дальнем Востоке» (23 ноября 2018 г., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН); XVI всероссийская научная конференция молодых ученых с международным участием «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: актуальные вопросы комплексных социальных исследований» (25-26 апреля 2018 г., Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН); VI Научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук» (21 апреля 2017 г., Владивосток, ДВФУ); Международная научная конференция «Реформы и реформаторы как предмет исследования социальных и гуманитарных дисциплин» (20 апреля 2016 г., Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна).

Материалы по теме исследования в числе 10 работ были опубликованы в научных изданиях и сборниках научных конференций, из них 5 работ опубликованы в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1 ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРЬЯ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

1.1 Организационно-правовые аспекты реформирования советских органов власти и управления в период перестройки

Существовавшая к середине 1980-х гг. единая система Советов как органов государственной власти в СССР, опиравшаяся на положения Конституции СССР 1977 г., охватывала несколько ступеней: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, Советы народных депутатов автономных областей и округов, краевые и областные Советы, районные и городские Советы, а также Советы народных депутатов нижестоящих административно-территориальных единиц, включая сельские, поселковые Советы и Советы городских районов[1]. Система местных Советов строилась в точном соответствии с действующим на тот момент территориальным делением страны. В зависимости от размеров союзных республик, количество ступеней иерархии административно-территориальных единиц могло быть различным. Так, в небольших союзных республиках, а также во всех автономных республиках отсутствовало областное отделение, а районные Советы подчинялись напрямую Верховным Советам республик. Наиболее сложной и многоступенчатой территориальной организацией обладала РСФСР. В этой республике были представлены все предусмотренные Конституцией звенья советской системы[2].

Деятельность региональных Советов регулировалась Законом СССР от 25 июля 1980 г. «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[2] Тицкий И.А. Организационно-правовые основы деятельности местных Советов во второй половине 1970-х годов // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 5. С. 70.

округов»[1], который конкретизировал основные положения Конституции, касающиеся работы советских органов власти в регионах. На территории РСФСР также действовал собственный Закон «О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР», приятый 11 ноября 1980 г. на основе союзного закона и полностью воспроизводивший отражённые в нем принципы работы Советов, их права и полномочия[2].

Советская модель управления являлась одной из составных частей административно-командной системы, существовавшей в СССР. Она также придавала этой системе внешнюю демократичность, создавая видимость подлинного народовластия через систему избираемых Советов[3]. Юридически Советы неизменно провозглашались важным элементом социализма, советской демократии и социалистического народного самоуправления[4]. Советы народных депутатов имели право на рассмотрение и решение любого вопроса, отнесенного к их ведению. Решения местных Советов, принятые ими в соответствии с полномочиями, которыми их наделило союзное и республиканское законодательство, в обязательном порядке принимались к исполнению всеми нижестоящими Советами, а также предприятиями, учреждениями и организациями, расположенными на подотчетной территории[5].

В компетенцию местных Советов входило формирование исполнительных комитетов, образование постоянных комиссий Совета, избрание и изменения их состава. Исполкомы и постоянные комиссии предоставляли Советам отчеты о своей работе. На сессиях Советов утверждались планы социально-

---

[1] Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов: Закон СССР от 25.06.1980 г. № 2351-X // Ведомости ВС СССР. 1980. № 27. Ст. 526.

[2] О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 20.11.1980 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1593.

[3] Лукичев А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. .... канд. ист. наук. Вологда, 2004. С. 47.

[4] Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап // Местное право. 2010. № 2. С. 100.

[5] Попов С.И. Генезис и развитие местного самоуправления в России в советский период // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 29.

экономического развития, бюджеты и отчеты об их исполнении. Руководство территориями осуществлялось как непосредственно Советами, так и формируемыми ими исполнительными и распорядительными органами управления[1]. Советы областного, краевого, городского и районного звеньев имели право создавать и упразднять в составе исполнительных комитетов управления и отделы, которые в своей работе подчинялись как Советам и их исполкомам, так и вышестоящим органам управления. Советы были правомочны руководить подчинёнными им предприятиями и учреждениями в полном объёме, направляя и контролируя все стороны из деятельности[2].

Советы позиционировались как ключевые звенья в развитии всех отраслей народного хозяйства на своей территории. Совместным постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 19 марта 1981 г. «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве»[3] в подчинение Советов следовало постепенно передать все предприятия, учреждения и организации, обслуживающие преимущественно граждан, проживающих на подотчётных территориях[4]. Однако, несмотря на подробное правовое регулирование, принятие этого закона не повлекло за собой существенных перемен в статусе местных Советов[5].

На практике декларируемое полновластие Советов нивелировалось рядом факторов. В соответствии с установленной конституционной нормой, сессии краевых, областных, городских и районных Советов собирались не реже 4 раз в

---

[1] Агибалов Ю.В. Система органов государственной власти субъектов Российской Федерации: исторические и правовые аспекты // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 21.

[2] Попов С.И. Генезис и развитие местного самоуправления в России в советский период // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 30.

[3] О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве: Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 19.03.1981 г. // Ведомости ВС СССР. 1981. № 13. Ст. 436.

[4] Кокошин Е.И. Новое законодательство о краевых, областных Советах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 4. С. 4.

[5] Упоров И.В., Черноситов В.А. Организационно-правовая характеристика местных Советов в СССР доперестроечного периода (первая половина 1980-х годов) // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. Кемерово: Центр научного развития «Большая книга», 2018. С. 27.

год, поселковых и сельских Советов – не реже 6[1]. Решения принимались, как правило, единогласно. Проекты резолюций и решений, заранее подготовленные исполкомами, автоматически одобрялись подавляющим большинством голосов[2].

Местные Советы отличались значительным количеством депутатов. Интересы избирателей края, области либо крупного города в Советах могли представлять до нескольких сотен человек[3]. Среди областных Советов РСФСР наиболее крупным в 1985 г. был Московский областной Совет – 700 депутатов, из краевых – Краснодарский краевой Совет – 500 депутатов[4]. Советы Дальнего Востока России также были весьма представительны и включали: Приморский краевой Совет – 280, Хабаровский – 250, Амурский областной – 170, Камчатский и Магаданский – по 160, Сахалинский – 150 депутатов[5].

Общее количество местных Советов всех уровней в РСФСР с первой половины 1960-х гг. по середину 1980-х гг. незначительно возрастало с каждым новым созывом, достигнув к началу 1985 г. 28278, в которых были представлены 1148051 депутатов[6]. Два года спустя в РСФСР было избрано 1159478 депутатов местных Советов[7]. Срок полномочий местных Советов к началу перестройки составлял 2,5 года. В 1989 г. после внесения соответствующих изменений в Конституцию он был увеличен до 5 лет[8]. При этом депутаты местных Советов осуществляли свои полномочия без отрыва от основной работы, а руководящий

---

[1] Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 12.05.2019).

[2] Лукичев А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. … канд. ист. наук. Вологда, 2004. С. 48.

[3] Пылин В.В. Сравнительный анализ правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и муниципальных представительных органов Российской Федерации // Общество. Коммуникация. Образование. 2012. № 143. С. 57.

[4] Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР 1985 г. М., 1985. С. 16-18.

[5] Там же. С. 16-20.

[6] Там же. С. 142.

[7] Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР 1987 г. М., 1987. С. 142.

[8] Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 27.10.1989 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303.

аппарат исполнительных комитетов воспринимал депутатов как своеобразных помощников, содействующих работе исполкомов на общественных началах и служащих посредниками между органами управления и трудовыми коллективами.

В этом плане не лишено оснований мнение, высказанное в 1990 г. В.П. Шанцевым, определившим прежнюю роль Совета «…в качестве статиста, лишь формально утверждающего планы и различные решения, придавая им якобы законную силу…»[1]. Реальные рычаги управления оказались в руках руководителей бюрократической верхушки Советов и исполкомов. Советская практика допускала персональное единство власти, позволяя должностным лицам совмещать посты в государственных органах власти и депутатские места в Советах различных уровней.

Советы и исполкомы, будучи по своей природе коллегиальными органами, вовлекали в обсуждение актуальных проблем и принятие решений значительное количество граждан и создавали видимость народовластия благодаря тому, что решения формально принимались большинством голосов. Вместе с тем коллективное управление означало и коллективную ответственность, что зачастую негативным образом отражалось на контроле исполнения принятых решений[2].

Процедура избрания представительных органов отличалась рядом особенностей. Выборам народных депутатов в СССР было присуще стремление избирательных структур добиться максимального соблюдения законности и недопущения разного рода нарушений. Учитывая тот факт, что выборы были по своему характеру безальтернативными, строгое пресечение любых нарушений и попыток срыва избирательного процесса способствовало повышению легитимности выборов в глазах граждан. По мнению А.А. Фокина, проанализировавшего выборы народных депутатов 1970-х гг. на примере

---

[1] Шанцев В.П. Кто правит на местах // Народный депутат. 1990.3 № 3. С 46.

[2] Лукичев А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. … канд. ист. наук. Вологда, 2004. С. 49.

областей Южного Урала, подобная практика способствовала сохранению определённого доверия между властью и обществом, став по своей сути символическим обменом: граждане получали стабильность, а в ответ выражали коллективную поддержку действующей власти[1].

При определении победителя в голосовании использовалась мажоритарная система абсолютного большинства. Согласно закону, в случае назначения второго тура голосования в действие вступала система относительного большинства[2]. Однако последняя норма обычно не применялось на практике, так как избрание депутатов проходило в абсолютном большинстве случаев на безальтернативной основе с участием только одного кандидата на депутатское место, предварительно одобренного и утвержденного партийным комитетом. При отсутствии подобного одобрения и рекомендации избрание депутатом Совета любого уровня становилось неосуществимым. Кандидаты в депутаты выдвигались трудовыми коллективами под непосредственным контролем комитетов КПСС. Помимо действующих членов Компартии, кандидатом в депутаты мог стать и беспартийный гражданин, но в обязательном порядке получивший рекомендацию от партийных структур. Такая практика выдвижения и избрания значительного количества беспартийных депутатов при их полной идеологической солидарности с коммунистами в Советах всех уровней именовалась «единым блоком коммунистов и беспартийных»[3]. Примечательно, что беспартийные депутаты Советов могли даже численно преобладать в Советах. Так, в 1985 г. в местных Советах народных депутатов РСФСР соотношение составляло: 57,5% беспартийных на 42,5% действующих членов и кандидатов в члены КПСС, при этом среди беспартийных более 1/3 были членами ВЛКСМ[4].

---

[1] Фокин А.А. Организационно-технические мероприятия избирательных кампаний в позднем СССР // Вестник ЧелГУ. 2015. № 2. С. 80.
[2] Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 25.
[3] Там же. С. 13.
[4] Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР 1985 г. Статистический сборник. М., 1985. С. 25.

Депутатский корпус не отличался однородностью. Исследователь дальневосточных Советов Е.В. Буянов предложил строго разграничивать две категории депутатов Советов всех уровней: первый – «бесправные рядовые депутаты» и второй – «члены исполкомов, наделённые некоторыми полномочиями от партийного комитета данной административной единицы»[1].

Рядовые депутаты были вынуждены встраиваться в сложившуюся систему взаимоотношений различных параллельно действующих структур, ключевыми звеньями которой являлись партийные и хозяйственные органы. Именно в их руках были сосредоточены основные рычаги политической власти и контроль материальных ресурсов. И если кадры местных комитетов КПСС частично пересекались с советскими работниками, а партийные руководители, как правило, совмещали свои посты с ответственными должностями в Советах, то, в отличие от них, территориальные подразделения министерств и ведомств по большому счёту оставались вне поля зрения и контроля местных органов советской власти[2].

Порядок, при которой происходило избрание на ключевые посты в Советах и исполкомах представителей партийной номенклатуры, поддерживался путем предварительного отбора и выдвижения кандидатов. Как правило, предложенная и одобренная сверху кандидатура выдвигалась трудовыми коллективами не самостоятельно, но преподносилась как их собственная инициатива. Таким образом, избирательный процесс внешне походил на свободное волеизъявление[3].

Отсутствие самостоятельности Советов, исполнение ими преимущественно декоративных функций подтверждается анализом деятельности депутатов Советов. Их активность проявлялась главным образом не разработкой нормативно-правовых актов, а выполнением наказов избирателей и внесением

---

[1] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 26.

[2] Фокин А.А. Избирательные процедуры в СССР как механизм выявления общественных настроений // Управление в современных системах. 2015. № 2. С. 36.

[3] Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/532 (дата обращения: 17.07.2020).

депутатских запросов (в том числе, во исполнение наказов)[1]. Работа с наказами включала их рассмотрение, утверждение плана мероприятий по выполнению наказов, принятие их в расчёт при составлении бюджета и планов социально-экономического развития территории, выполнение наказов и информирование избирателей о результатах[2]. Оценка эффективность подобной работы, данная исследователями, как правило, весьма далека от положительной. Причина заключается в том, что сам институт наказов был деформирован и в значительной мере подвержен идеологическому контролю, наряду с другими внешне демократическими элементами советского права – депутатскими запросами, отчётами перед избирателями, а также декларируемой возможностью отзывы депутатов[3].

Кроме того, депутаты зачастую не имели возможности выполнить большинство наказов (зачастую бытового характера) ни самостоятельно, ни в составе депутатских групп, создаваемых для решения вопросов, вызывающих наибольшее беспокойство граждан. Во многих случаях причиной неутешительного исхода становилась нехватка средств и материальных ресурсов, находившихся в распоряжении и местных Советов и исполкомов. Однако работа с наказами, наряду с организуемыми накануне сессий приём граждан в рамках «дня депутата» служила важным связующим звеном между местной властью и избирателями, а также давала депутатам определенное представление о настроениях в обществе[4].

Политическая централизация подкреплялась централизованным управлением народным хозяйством, сложившимся на основе командно-

---

[1] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 25.

[2] Пылин В.В. Сравнительный анализ правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и муниципальных представительных органов Российской Федерации // Общество. Коммуникация. Образование. 2012. № 143. С. 58.

[3] Алимов Э.В. Конституционно-правовое регулирование института наказа избирателей в Российской Федерации: дис. … канд. юр. наук. М., 2018. С. 69.

[4] Фокин А.А. Избирательные процедуры в СССР как механизм выявления общественных настроений // Управление в современных системах. 2015. № 2. С. 37.

административной системы. Народнохозяйственные планы составлялись на пять лет, подразделяясь на годовые планы в рамках каждой пятилетки. Высшим звеном экономической иерархии являлся Государственный плановый комитет СССР, готовивший планы развития народного хозяйства и руководивший распределением всех ресурсов. Союзный центр как в годы, предшествующие перестройке, так и на первом её этапе сохранял лидирующие позиции, оставаясь доминирующим политическим и хозяйственным субъектом, задавая общий тон внутренней политики и решая вопросы общегосударственного значения, в том числе осуществляя централизованный контроль над финансовыми ресурсами.

Вместе с тем власть центра не могла быть абсолютной, так как именно регионы формировали информационный поток, необходимый союзному центру для принятия эффективных управленческих решений. Согласно характеристике, данной А.Е. Савченко, политическая система СССР в 1980-х гг. двигалась в сторону своеобразной совещательной демократии, в рамках которой руководители регионов получали возможность отстаивать местные интересы перед союзным центром, в том числе путем неформального торга. Регионы оказывали полную поддержку союзному руководству, а в ответ центр обеспечивал стабильность местных кадров[1].

В число задач партийных и советских органов входило обеспечение устойчивого развития хозяйственного комплекса региона и повышение его вклада в благосостояние всего государства. Для достижения этого требовалось сочетание выделенных центром из общегосударственных фондов ресурсов с эффективной работой партийного и советского аппарата на местах. По линии партии и Советов отношения между регионами, республиканским и союзным центрами строились на личных контактах первых лиц государства и региональных лидеров, а также на посещении территорий высшими партийными и государственными руководителями. При этом дискуссии по многим проблемным вопросам, а также

[1] Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985 – 1990-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2011. С. 44-48.

определение перспектив регионов проходили без широкого освещения и носили кулуарный характер[1].

Сложившаяся система формирования депутатского корпуса местных советов прослеживается на примере Приморского краевого Совета народных депутатов 19-го созыва. Его состав отражал действовавшие на тот момент установки, связанные с представительством различных групп населения.

Первая сессия краевого Совета состоялась 15 марта 1985 г., что практически совпало по времени с изменениями в высших власти СССР: избранием нового Генерального секретаря ЦК КПССС М.С. Горбачёва, стартом политики «ускорения» и первым этапом кадрового обновления партийно-государственной элиты[2]. В 1985 г. в выборах депутатов краевого Совета приняло участие 1541570 избирателей или 99,99 % от общего числа избирателей, внесенных в списки. За предложенные кандидатуры проголосовало 99,91 % от участвующих в выборах или 1540235 человек. Количество проголосовавших «против» составило 1335 чел., или 0,7 %[3].

В соответствии с полученными результатами председатель мандатной комиссии Совета В.П. Чернышов объявил, что «прошедшие выборы убедительно свидетельствуют о новой победе блока коммунистов и беспартийных, о нерушимом единстве партии и народа». Сделанный избирателями выбор оценивался положительно, жители края отдали свои голоса за «лучших представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции». Всего было избрано 280 депутатов краевого Совета, из них присутствовало на первой сессии 263. Социальный и профессиональный состав народных избранников выглядел следующим образом: 58,9%, или 165 депутатов принадлежали к рабочему классу, 8 являлись колхозниками. Среди депутатов было 14 руководителей предприятий и специалистов, 67 партийных советских и

---

[1] Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985 – 1990-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2011. С. 51.
[2] Полынов М.Ф. М.С. Горбачёв: начало реформаторской деятельности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 3. С. 44-46.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 501. Л. 48.

профсоюзных деятелей, 10 работников науки культуры, просвещения, здравоохранения и печати, 8 представителей вооружённых сил, а также двое студентов ВУЗов. По партийной принадлежности 137 депутатов были членами или кандидатами в члены КПСС, 143 являлись беспартийными. В Совет прошло 127 представителей молодежи, из которых 88 были членами ВЛКСМ. 119 чел., или 42,5% имели высшее, а 160 – среднее образование.

В начале работы первой сессии Совета поступило предложение избрать председателем первой сессии депутата В.Д. Сафронова – второго секретаря Приморского крайкома КПСС[1]. Данное предложение было принято депутатами единогласно. С таким же результатом был переизбран и председатель крайисполкома Д.И. Карабанов, занимавший эту должность с 1977 г. По предложению И.Д. Карабанова единогласно были избраны его заместители, члены исполкома, председатели постоянных комиссий и отделов[2].

Таким образом, состав Приморского краевого Совета народных депутатов по итогам выборов 1985 г. и процедура избрания руководящих органов принципиально не отличались от Советов предшествующих созывов и соответствовали политико-идеологическим установкам той эпохи.

Однако вскоре был запущен процесс реформирования системы Советов и всей политической структуры СССР, имевший целью на первом этапе обновление социалистического общества[3]. Поскольку главная задача заключалась в ускорении социально-экономического развития различных отраслей народного хозяйства и территорий страны, то основные усилия были сосредоточены именно на разработке и практическом воплощении экономических преобразований, а также на кадровом обновлении[4]. Для этого к середине 1980-х гг. сложились

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 501. Л. 47-53.
[2] Там же. Л. 164.
[3] Шмавонян, Г.А. Научные представления о высших представительных органах в период перестройки: от «радикально-демократических» Советов до парламентаризма // Труды ИГП РАН. 2013. № 6. С. 61.
[4] Разумовский В.Ю. Региональная правящая элита в условиях радикальной трансформации политических институтов СССР // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 334.

определенные предпосылки: стал отчетливо проявляться начавшийся экономический спад, который ускорился в связи с падением цен на нефть. Также страну поразил бюджетный кризис, симптомы которого с каждым годом всё ощутимее отражались на состоянии советской экономики[1].

Одним из способов реформирования экономики руководители государства видели её децентрализацию. Снижение диктата центра должно было компенсироваться усилением ответственности на местах, в чем ключевую роль должны были сыграть местные Советы. Следовало повысить значимость Советов всех уровней в решении социально-экономических задач на подведомственных им территориях. Основное внимание уделялось увеличению темпов производства товаров и повышению их качества. Средства, сэкономленные при осуществлении местных программ, должны были передаваться в ведение местных Советов и их исполкомов, и в дальнейшем использоваться для социального развития территорий[2].

Обновление Советов и реформирование избирательной системы в пользу большей демократизации было признано актуальной задачей на XXVII Съезде КПСС. Это был из первых за долгое время случай, когда на высшем уровне прозвучал призыв к обсуждению альтернативных кандидатур при подборе претендентов на партийные должности, хотя сохранение однопартийной системы при этом не ставилось под сомнение. Начало было положено 25 июня 1986 г[3]. принятием постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решение XVII Съезда КПСС»[4].

---

[1] Синельников С.Г. Бюджетный кризис в России: 1985–1995 годы. М., Евразия. 1995. С. 26.
[2] Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/532 (дата обращения: 17.07.2020).
[3] Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. СПб.: Норма, 2008. С. 53.
[4] О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII Съезда КПСС: Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров

Контуры грядущей реформы обрели свои очертания в следующем году. Ключевым принципом стало возвращение Советам реальной власти и осуществление через Советы народного самоуправления на демократических началах, возрождение полновластия Советов для более полной реализации полномочий, предоставленных им Конституцией.

В 1987 г. началась перестройка управления экономикой, предусматривающая децентрализацию и передачу региональным органам управления части полномочий, ранее осуществлявших центром. Главной целью стало достижение самофинансирования и комплексного социально-экономического развития регионов на принципах самоуправления. Советы и исполкомы должны были взять на себя организацию местного хозяйства, самостоятельно решая задачи, непосредственно связанные с удовлетворением нужд населения на подотчётных территориях. В структуре исполкомов краев и областей создавались планово-экономические управления, ответственные за составление и реализацию планов социально-экономического развития на местах[1]. К 1989 г. перераспределение полномочий между центральными ведомствами и региональными органами управления было в целом завершено. Однако результаты подобных преобразований оказались половинчатыми, так как в результате реформы лишь частично были реализованы принцип самофинансирования и переход на территориальный хозрасчёт. В результате Советы и исполкомы по-прежнему нуждались в устойчивом источнике доходов для реализации программ социально-экономического развития территорий[2].

Реформирование Советов не завершилась повышением их полномочий в сфере управления местным народным хозяйством. В новых условиях всячески подчёркивалась их демократическая сущность и ведущая роль в деле социалистического самоуправления. Вскоре последовали политические перемены

СССР от 25.06.1986 г. № 876 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1986. № 27. Ст. 627.

[1] Ширко Т.И. Децентрализация управления в 1987-1990 гг.: к новой модели взаимодействия между центром и регионами в России (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской обл.) // Власть. 2015. № 1. С. 171.

[2] Там же. С. 172.

в формировании и деятельности местных Советов. Первым шагом в сторону народовластия и постепенного возврата к альтернативности выборов стал предпринятый в 1987 г. эксперимент по выборам в местные Советы по многомандатным избирательным округам, проведённый в 5% районов – по одному в каждой союзной и автономной республике, области и крае. Эти выборы были примечательны тем, что избирателям была предоставлена возможность выдвижения кандидатов в депутаты от трудовых коллективов и организаций, а также широкого предварительного обсуждения их программ на окружных предвыборных собраниях[1]. Данный эксперимент не нарушил равновесия и не внес кардинальных перемен в практику формирование власти на местах, однако стал важным индикатором общественного мнения, продемонстрировав готовность общества к состязательным выборам. Одновременно с этим выборы 1987 г. продемонстрировали незначительное снижение явки по сравнению с предыдущими. Кроме того, в условиях политики гласности наблюдалась ранее незаметная тенденция некоторых избирателей к отказу от участия в голосовании[2].

В дальнейшем, на XIX Всесоюзной партийной конференции, проходившей летом 1988 г., был окончательно обозначен курс на разделение полномочий между партией и государством[3], а также отмечена необходимость реорганизации руководства местными делами на принципах самоуправления, самофинансирования и самообеспечения[4].

Для осуществления заявленных принципов создавались новые высшие органы представительной власти – Съезды народных депутатов СССР и союзных

---

[1] Дикалов А.Н., Максимов Г.К. Предпосылки демократизации избирательного процесса в Калмыкии в конце 1980-х годов. URL: http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/25-let/45322.html (дата обращения: 10.03.2021).

[2] Гаврилов С. В. Представительная власть Камчатки (1977–1993). Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2020. С. 171.

[3] Упоров И.В., Голубихина Н.В. Эволюция местных органов власти в советском государстве в период от союзной Конституции 1977 г. до распада СССР (правовой аспект) // Символ науки. 2017. № 2. С. 202.

[4] Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап // Местное право. 2010. № 2. С. 107.

республик[1]. Впрочем, практически все республики кроме РСФСР, получив возможность самостоятельно решать вопрос о целесообразности учреждения съездов народных депутатов, отказались от данного нововведения, сохранив прежнюю систему власти с Верховными Советами как высшими представительными органами республик[2].

Кардинально обновилась избирательная система. Несмотря на то, что КПСС по-прежнему имела преимущество, контролируя общественные организации, и получив право делегировать на Съезд 100 своих представителей, в большинстве территориальных и национально-территориальных округов выборы сопровождались активной избирательной кампанией. На 1,5 тыс. депутатских мест претендовали 7,5 тыс. кандидатов. Ещё 750 мест на Съезде по закону получили представители общественных организаций, причём в их среде также не обошлось без конкурентной борьбы – за одно место в среднем боролись 2-3 кандидата[3].

Практическая фаза реформы совпала с созывом I Съезда народных депутатов СССР в мае 1989 г. Новшеством для советской политической культуры стало появление оппозиционных объединений, выраженных в виде депутатских групп. Большой общественный резонанс вызвало создание летом 1989 г. Межрегиональной депутатской группы, объединившей депутатов, придерживавшихся условно демократических и реформаторских взглядов. Многие её члены, включая будущего первого Президента России Б.Н. Ельцина, впоследствии сделали успешную карьеру в высших эшелонах власти РСФСР и постсоветской России, либо возглавили её регионы. В конце 1989 – начале 1990

---

[1] Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР: Закон СССР от 01.12.1988 г. № 9853-XI // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. С. 727.

[2] Об уточнении некоторых положений Конституции (Основного Закона) СССР по вопросам порядка деятельности Съезда народных депутатов: Закон СССР от 20.12.1989 г. № 961-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 28. Ст. 538.

[3] Казьмин В.Н. Опыт выборов народных депутатов СССР в 1989 г.: Федеральный и региональный компоненты // Известия АлтГУ. 2008. № 4-3. С. 111.

гг. завершилось оформление условно «демократического» движения, ставшего, по факту, антикоммунистической оппозицией в СССР[1].

Принципиально новый институт государственной власти возник в марте 1990 г. с ведением должности Президента СССР[2], что было прямым отступлением от ранее декларируемых принципов полновластия Советов. Однако в условиях отказа КПСС от монополии на власть и нарастающего кризиса этот шаг преподносился как необходимая мера, способствующая усилению ответственности главы государства за принятие ключевых решений и повышению управляемости исполнительной вертикали[3].

В тот же период из Конституции СССР были изъяты положения о роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей структуры в системе государственного управления[4].

Местные Советы также подверглись трансформации. В ходе реформы представительной власти предполагалось наделить их широкими полномочиями, причем на всех уровнях Советы и исполкомы должны были вернуть себе реальные рычаги управления народным хозяйством на подотчетных территориях[5]. Новый этап в деятельности Советов народных депутатов наступил с очередными выборами в местные Советы, проходившими весной 1990 г. В отличие от предыдущих избирательных кампаний, на этот раз выборы почти повсеместно проводились на альтернативной основе и сопровождались разнообразием

---

[1] Козин В.И. Возрождение парламентской оппозиции в ходе модернизации России (конец XX столетия) // Марийский юридический вестник. 2004. № 3. С. 65.

[2] Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР: Закон СССР от 14.03.1990 г. № 1360-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

[3] Сахаров Н.А. Полномочия Президента для реализации политического курса лидера: опыт М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина // Политическая наука. 2019. № 4. С. 153.

[4] Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап // Местное право. 2010. № 2. С. 99.

[5] Лукичев А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. … канд. ист. наук. Вологда, 2004. С. 51.

политических программа, а также упорной борьбой кандидатов в условиях поляризации политических сил[1].

Начало работы местных Советов народных депутатов совпало с завершением разработки новой модели организации местного самоуправления[2]. 9 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР», работа над которым велась с 1987 г. с привлечением широкого круга научных консультантов, специалистов, представителей госаппарата, а также республиканских и местных Советов народных депутатов[3].

Положения нового закона определяли роль Советов народных депутатов следующим образом: будучи представительными органами власти, Советы должны координировать деятельность всей системы местного самоуправления и одновременно образовывать единую систему органов государственной власти, являясь при этом гарантом решения местных и общегосударственных задач[4]. Они становились ключевым звеном в системе местного самоуправления. За ними закреплялся принцип хозяйственной самостоятельности на подотчетных территориях[5].

Принятие данного закона фактически стало первым шагом на пути к созданию системы местного самоуправления в России. По наблюдению В.А. Черноситова, в новом законе нашла свое отражение прежняя советская теория воплощения в Советах народных депутатов двух взаимодополняющих начал: они

---

[1] Разумовский В.Ю. Региональная правящая элита в условиях радикальной трансформации политических институтов СССР // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 343.

[2] Козин В.И. Преобразование избирательного законодательства СССР как этап государственно-правовой модернизации (1987-1989 гг.) // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 18.

[3] Васильев В.И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 7.

[4] Румянцев П.А. Правовые основы реформирования региональных органов государственной власти в России в период укрепления и развития современного переходного государства // Актуальные проблемы юридической науки. Часть 1. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева. 2012. С. 66.

[5] Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР: Закон СССР от 09.04.1990 г. № 1417-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 276.

одновременно являются и органами государственной власти и структурами местного народного самоуправления[1]. Согласно оценке И.В. Бабичева, принятие закона реализовало идею местного самоуправления без слома советской системы на местах. Местные Советы фактически стали органами самоуправления, гарантировались их самостоятельность, независимость и выборность. Кроме того, закон заново определял компетенцию Советов, наделив их широкими финансовыми и бюджетными правами, а также внес существенные коррективы в их финансовую базу, предоставив полномочия в налоговой сфере[2].

В ходе реорганизации местной власти новую роль приобрели исполкомы. Теперь они находились в подчинении только у соответствующих Советов народных депутатов, а Советы, в свою очередь, получили возможность самостоятельно образовывать и реорганизовывать подчиненные им органы управления, изменять их структуру и самостоятельно определять штаты. Вмешательство вышестоящих государственных органов в процессы принятия местных бюджетов, согласно статье 16 данного закона, не допускалось. Эта норма представляла собой гарантию самостоятельного функционирования местных Советов и исполкомов в хозяйственной сфере, что в сложившейся экономической ситуации должно было стать подспорьем в их работе[3]. Финансовая и хозяйственная автономия местных Советов также подкреплялась положениями Закона «О собственности в СССР», вводившими понятие собственности административно-территориальных образований[4]. В их собственность отходили средства местного бюджета, жилищный фонд и жилищно-коммунальное хозяйство местного Совета, широкий спектр предприятий, учреждений народного

---

[1] Черноситов В.А. Советы народных депутатов в СССР на рубеже 1990-х гг.: правовой статус и роль в процессе расширения института местного самоуправления // Общество и право 2008. № 1. С 57.

[2] Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап // Местное право. 2010. № 2. С. 99.

[3] Ширко Т.И. Формирование вертикали исполнительной власти в России в 1990-1993 гг.: региональный аспект // Вестник ТГУ. 2012. № 364. С. 91.

[4] Годун П.А. Разработка законодательства о местном самоуправлении в СССР и России в 1983-1993 годах // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 12. С. 65.

образования, культуры, здравоохранения, а также иное имущество, необходимое для экономического и социального развития территорий[1].

С принятием Закона «Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР» обозначилась ключевая роль местных Советов в принятии управленческих решений на местах. Закон по-новому решал вопросы децентрализации управления и оговаривал меры по передаче прав и полномочий, в первую очередь по обеспечению хозяйственного развития территорий, от центральных органов к местным территориальным в лице Советов и исполкомов. В данном случае широкие экономические права и полномочия считались залогом успешного решения вопросов местного масштаба, поскольку в этом случае от них не требовалось согласования решений с органами власти вышестоящей административно-территориальной единицы. Наконец, в условиях постепенного перехода местного хозяйства на самофинансирование и хозрасчет новый закон открывал перспективы для комплексного развития территорий с учетом их экономического потенциала. На городском и районном уровне отныне были сосредоточены полномочия по управлению торговлей, жилищно-коммунальным хозяйством, обеспечению функционирования общественного транспорта, учреждений народного образования, здравоохранения и культуры[2].

Окончательно был положен конец ранее повсеместной практике подмены советских органов местными партийными структурами КПСС[3]. Несмотря на то, что в момент принятия закона вертикаль подчинения вышестоящим органам воспринималась скорее как препятствие на пути к полновластию местных Советов и считалась помехой, лишающей их инициативы, закон с поправками от 23 октября 1990 г. всё же сохранил норму, согласно которой решение вышестоящих Советов оставались обязательными для исполнения

---

[1] О собственности в СССР: Закон СССР от 06.03.1990 г. № 1305-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

[2] Васильев В.И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 9.

[3] Жилинский С.Э. Разграничение функций партийных и государственных органов // Правоведение. 1989. № 6. С.12.

нижестоящими. Таким образом, автономия местного самоуправления не стала всеобъемлющей[1].

Положения Закона «Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР» не распространялись на области и края, поскольку его разработчики сочли данные звенья системы административно-территориального деления слишком крупными для эффективного встраивания в структуру местного самоуправления. В связи с этим краевым и областным Советам и исполкомам была отведена роль координаторов работы городских и районных органов самоуправления[2].

Следует отметить, что в условиях стремления союзных республик к суверенитету и развитию собственного законотворчества, Закон «Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР» воспринимался скорее как комплекс общих указаний, допускавший локальные варианты его трактовки и переосмысления[3]. Более детально определить условия работы Советов, их полномочия и принципы взаимоотношений с государственными органами власти должен был республиканский закон о местном самоуправлении.

Руководство РСФСР летом 1990 г. также внесло существенные дополнения и изменения в систему власти и управления на местах[4]. Российские законодатели не ограничились копированием союзного документа, а избрали собственную стратегию выстраивания системы местного самоуправления, постепенно отдаляясь от положений общесоюзного закона.

Принципы взаимоотношения государственной и местной власти обсуждался в ходе I Съезда народных депутатов РСФСР. Съезд заложил основу для

---

[1] Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/533#_ftn20 (дата обращения: 17.07.2020).

[2] Васильев В.И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 10.

[3] Полынов М.Ф. Взаимоотношения союзного центра и российского руководства на завершающем этапе перестройки. 1990-1991 гг. // Труды Исторического факультета СПбГУ. 2013. № 15. С. 167.

[4] Лукичев А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. … канд. ист. наук. Вологда, 2004. С. 60.

дальнейшего развития российской модели местного самоуправления, приняв такие важные документы, как Декларация о государственном суверенитете РСФСР[1] и Постановление Съезда «О механизме народовластия в РСФСР»[2]. Эти правовые акты провозгласили возможность осуществления государственной власти в России народом как непосредственно, так и через представительные органы власти. Такими представительными органами и должны были стать обновлённые Советы народных депутатов.

Новым по сравнению с союзным опытом стало то, что, в целях общей демократизации российской системы взаимоотношения государства и общества был принят принцип разделения властей на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Кроме того, признавалась необходимость расширения прав автономных образований, входящих в состав РСФСР: автономных республик, автономных областей и автономных округов, а также предоставление дополнительных полномочий представительным и исполнительным органам краев и областей России[3].

Был запущен процесс разработки нормативных документов, позволяющих упорядочить организацию органов власти и управления на местах и определить их место в системе государственной власти. В ходе разработки оптимальной модели организации власти в регионах требовалось обеспечить взаимодействие между всеми уровнями власти и управления, поскольку кризисные явления во взаимоотношениях Советов различных уровней, а также Советов и исполкомов, неуклонно нарастали. Это проявилось на местах в многочисленных фактах дублирования функций Советов, президиумов и исполкомов на всех уровнях. Ситуация на местах во многом зависела от личности и деловых качеств

---

[1] О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12.06.1990 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

[2] О механизме народовластия в РСФСР: Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 20.06.1990 г. № 51-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 4. Ст. 52.

[3] Ширко Т.И. Формирование вертикали исполнительной власти в России в 1990-1993 гг.: региональный аспект // Вестник ТГУ. 2012. № 364. С. 92.

председателей Советов и исполкомов[1]. К тому же проводимые в стране реформы, постепенно вышли из-под контроля руководителей советского государства.

При подготовке к выборам народных депутатов в республиканские и местные Советы, состоявшемся весной 1990 г., в большинстве союзных республик, а также в регионах РСФСР наблюдалось несколько конкурирующих между собой политических сил. Во-первых, ещё сохраняла влияние и ресурсы Коммунистическая партия, выставившая во всех избирательных округах своих кандидатов. Во-вторых, оформились так называемые демократические оппозиционные движения[2]. В некоторых случаях, в особенности в союзных республиках, картину дополняли еще и объединения националистического толка. Предвыборная кампания по избранию местных Советов отличалась большой активностью граждан, значительным количеством демонстраций и митингов, которые всё чаще приобретали вид политического протеста. Широкий круг вопросов, поднимаемых кандидатами в депутаты в своих предвыборных программах, обсуждался на страницах периодической печати, на общественных собраниях и встречах избирателей с кандидатами[3].

Сформированные по итогам выборов Советы народных депутатов характеризовались значительным обновлением депутатского корпуса, которому стали присущи не только стремление к переменам, но и недостаток навыков решения практических управленческих задач. Наблюдалось снижение влияния коммунистов в большинстве Советов, несмотря на их количественное преобладание. При этом четко проявилась тенденция создания фракций и депутатских объединений[4].

---

[1] Барабашев Г.В. Самоуправление в начале пути // Народный депутат. 1990. № 4. С. 7.
[2] Смолеев А.А. Электоральная весна 1990: первые реальные выборы в провинции (на материалах Тамбовской области) // Вестник ТГТУ. 2014. № 1. С. 183.
[3] Бабичев И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап // Местное право. 2010. № 2. С. 118.
[4] Ориентир. 1991. № 5. С. 32.

Осенью 1990 г. состоялось принятие Закона РСФСР «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР»[1] и Закона РСФСР «О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям» от 21 ноября 1990 г[2]. Разработка новой концепции модернизации власти в России привела к введению поста Президента РСФСР. Подобная идея была высказана руководством России еще осенью 1990 г. и осуществлена в следующем году по инициативе председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина[3]. Важным фактором являлся проводимый со второй половины 1990 г. курс на подготовку и реализацию экономической реформы в РСФСР. Итогом такой реформы должен был стать переход к рыночным отношениям и структурная перестройка экономики по образцу ведущих стран мира[4].

Для обеспечения согласованной и оперативной работы органов власти всех уровней на подготовительном этапе реформы и при осуществлении экономических преобразований было необходимо решить сложную задачу – не покушаясь открыто на власть Советов, обеспечить при этом устойчивую вертикаль исполнительной власти[5]. Постановка этой задачи предопределила постепенный отказ от сохранения традиционной формы организации советской власти. Конкретные меры решения данного вопроса стали предметом обсуждения политиков, общественных деятелей, юристов в Москве и в регионах, выявив большой разброс мнений.

---

[1] О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 30.10.1990 г. № 283-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 23. Ст. 279.

[2] О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям: Закон РСФСР от 21.11.1990 г. № 343-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 332.

[3] Тарасова Е.П. Реформа государственной власти в СССР и РСФСР в начале 90-х годов XX века: политико-правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 5. С. 47.

[4] Ширко Т.И. Формирование вертикали исполнительной власти в России в 1990-1993 гг.: региональный аспект // Вестник ТГУ. 2012. № 364. С. 92.

[5] Румянцев П.А. Правовые основы реформирования региональных органов государственной власти в России в период укрепления и развития современного переходного государства // Актуальные проблемы юридической науки. Часть 1. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева. 2012. С. 68.

В ходе преобразований предполагалось существенным образом перераспределить полномочия между Советами и их исполнительными органами, вплоть до формирования исполнительной власти, независимой от Советов и основанной на выборности руководителей населением на всех уровнях, в том числе региональном, городском и районном. Так, в декабре 1990 г. на IV Съезде народных депутатов СССР прозвучало предложение ввести прямые выборы предателей исполкомов, а также идея учредить институт наместников Президента СССР в регионах. Обсуждалось и внедрение подобного государственного института в РСФСР, однако было признано специалистами нецелесообразным их опасений избыточной централизации[1].

Более умеренные предложения, высказанные депутатами и специалистами в области государственного управления, были положены в основу разрабатываемых законопроектов. Оставляя за Советами как представительными и законодательными органами власти право решать ключевые вопросы на подконтрольной им территории, руководство РСФСР продвигало идею передачи дополнительных полномочий от Советов к исполкомам как первый шаг к усилению исполнительной власти на всех уровнях. Кроме того, в качестве необходимого условия устойчивости исполнительной власти, постепенно восстанавливался принцип двойного подчинения исполнительных комитетов вышестоящим органом. Это потребовалось для обеспечения обязательного выполнения решений вышестоящих структур, направленных на преодоление кризиса и стабилизацию ухудшающегося экономического положения[2].

При этом оставался нерешённым важный вопрос о чётком распределении полномочий законодательной и исполнительной власти. Это привело к тому, что к конфликтам между Советами и исполкомом разных уровней в вопросе разграничения полномочий по вертикали добавились трения между Советами и исполкомами одного уровня. Таким образом, главная задача, заключавшаяся в

---

[1] Овсепян Ж.И. О ходе конституционной реформы в СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 3. С. 18.

[2] Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. СПб.: Норма, 2008. С. 56

разграничении полномочий и устранении дублирования управленческих функций, не была решена[1].

Очередной виток реформ последовал с разработкой и принятием Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР». Отдельные его положения предполагали существенную модернизацию исполнительной власти на местах. В соответствии с новым Законом, на место исполкомов, работавших как коллегиальные органы, должны были прийти администрации краев, областей, а также входящих в их состав городов и районов[2]. Причем по образцу президентской власти предполагалось избирать главу местной администрации путем прямых выборов. В целом, учреждение в РСФСР президентской власти по союзному образцу имело большой резонанс на местах, так как границы полномочий Президента РСФСР в отношении Советов, исполкомов и принципы взаимодействия с органами местного самоуправления оставляли много вопросов. Впоследствии, уже после распада СССР, это во многом предопределит возникновение серьезного конфликта между президентской властью и Советами.

Параллельно с введением поста Президента РСФСР в систему власти на местах также были внесены существенные изменения, связанные с учреждением в Москве, Ленинграде и Северодвинске должностей мэров и с проведением их прямых выборов одновременно с выборами Президента РСФСР. Принятие нормативных актов, определяющих полномочия, функции и статус мэров городов, коренным образом меняли систему власти, внося в неё элементы, напрямую позаимствованные у «буржуазных» стран, и всё больше отдаляя её от положений союзного Закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». В случае успешной реализации проекта данный

---

[1] Матвеев М.Н. Проблема встраиваемости местного самоуправления в государственную вертикаль. Правовой аспект и исторические традиции // Юрист Поволжья. 2009. № 11-12. С.32.

[2] О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 06.07.1991 г. № 1550-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. С. 1010.

эксперимент имел все шансы послужить образцом для внедрения в других городах России[1].

Закон «О местном самоуправлении в РСФСР», принятый 6 июля 1991 г. Верховным Советом РСФСР, окончательно определил новую модель организации органов местной власти в России. В городах, районах и сельских поселениях, помимо традиционных представительных органов власти в лице Советов народных депутатов, создавались местные администрации, возглавлять которые должны были всенародно избранные главы администраций, наделенные широким кругом полномочий[2].

Что касается краев и областей, входящих в состав РСФСР, то в их отношении предполагалось принять отдельный Закон «Об управлении краем, областью в РСФСР», который летом 1991 г. ещё находился в стадии разработки. Причиной подобного промедления явились возникшие разногласия по вопросу о процедуре избрания или назначения глав администраций[3]. На этапе подготовки закона обсуждалось несколько вариантов полномочий Президента РСФСР в отношении глав администраций краев и областей. Они сводились к следующему: либо главы регионов избирались независимо от мнения Президента путем всенародного голосования, либо назначались им по согласованию с Советами соответствующих территорий. До августа 1991 г. эту проблему решить так и не удалось[4], и принятие нового закона было отложено на полгода. В итоге соответствующие правовые нормы были внедрены в российское законодательство лишь в марте 1992 г[5].

---

[1] Ширко Т.И. Формирование вертикали исполнительной власти в России в 1990-1993 гг.: региональный аспект // Вестник ТГУ. 2012. № 364. С. 94.

[2] О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 06.07.1991 г. № 1550-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. С. 1010.

[3] Ширко Т.И. От глав администраций к губернаторам: эволюция статуса главы исполнительной власти края, области в Российской Федерации в 1990-1999 гг. Тамбов: Грамота. 2013. № 10. С. 211.

[4] Кандоба Д.В. Органы государственной власти на переходном этапе в 80-е – нач. 90-х гг. XX в. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2011. № 2. С. 16.

[5] О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации: Закон РФ от 05.03.1992 г. № 2449-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. С. 663.

Таким образом, реформирование системы Советов и их исполнительных органов, а затем создание на их базе новой модели региональной власти и местного самоуправления стало одной из важных политических задач перестройки. Предпосылкой для трансформации системы Советов стало признание высшим руководством страны необходимости внедрения новых подходов в управлении территориями, решения социальных и народнохозяйственных вопросов на местах, а также взаимодействия с населением в условиях продолжающегося кризиса и намеченных экономических преобразований. По мере углубления реформ, к первоначальным задачам добавилась идея демократизации политической жизни страны.

Изменения структуры и полномочий Советов, проходившие с 1988 г., являлись реакцией на новые политические и экономические вызовы. Дальнейший поиск подходов в деле преобразования региональной власти и местного самоуправления привел к идее внедрения несвойственных ранее советской системе элементов и управленческих практик. В результате произведённых трансформаций к середине 1991 г. модель региональной власти и местного самоуправления, всё еще основанная на ведущей роли Советах народных депутатов, находилась в переходном состоянии.

Практическое воплощение новых идей позволяет сделать вывод о том, что в условиях радикальных экономических и политических преобразований реализация принципа полновластия Советов конца 1980-х гг. обернулась к 1991 г. их глубоким кризисом. Наблюдалась неопределенность в работе Советов и исполкомов, вызванная реформированием их внутренней структуры, изменением нормативной базы и перераспределением полномочий, а также ожиданием дальнейшего коренного переустройства системы государственной власти местного самоуправления.

1.2 Советы народных депутатов Приморья в контексте демократических преобразований институтов государственнй власти и местного самоуправления

С началом перестройки органы советские органы власти и управления Приморского края развивались в русле общегосударственных тенденций. С середины 1980-х гг. в краевом Совете, местных Советах и исполкомах в повестке дня всё чаще значились дискуссии о недостатках существующей практики управления, вносились первые предложения по её реформированию.

На первом этапе работа Советов виделась местным лидерам в русле политики «ускорения» и не выходила за рамки традиционно отведенной им роли проводников политики партийно-государственного руководства. Ещё в 1985 г. секретарь Приморского краевого совета профсоюзов В.В. Зеленцов отмечал в своем докладе, что в ближайшем будущем ведомствам и местным Советам на Дальнем Востоке предстоит решать задачи, требующих от их руководителей навыков выполнения долгосрочных программ, но в то же время и инициативы, умения оперативно реагировать на вызовы современности. Речь шла в первую очередь, о традиционных для дальневосточного региона вопросах: о наращивании темпов жилищного строительства, улучшении системы снабжения населения продовольствием и товарами народного потребления, совершенствовании сферы услуг, о нуждах здравоохранения и образования[1]. Кроме того, партийные и советские лидеры Дальнего Востока использовали геополитическое положение в интересах региона, что позволило рассматривать его как зону интенсивных международных контактов. При этом особое положение Дальнего Востока в региональной политике СССР не исключало из повестки дня вопросы рационального использования природных ресурсов, а также привлечения и закрепления населения[2].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 54. Л. 69.

[2] Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985 – 1990-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2011. С. 53

В последующие годы звучало всё больше критических замечаний о работе Советов народных депутатов и хозяйственных органов края, его районов и городов. В этой связи актуальным становился вопрос о реформировании внутренней структуры Советов: создании новых и реорганизации старых управлений и отделов. То же касалась исполнительных комитетов, которые должны были взять на себя решение текущих вопросов по управлению территориями. Несмотря на то, что Советы народных депутатов в целом сохранили прежнюю структуру, некоторые нововведения были внедрены. К примеру, в 1987 г. решением сессии Приморского краевого Совета был образован отдел исполкома по вопросам комплексного экономического и социального развития края. В том же году краевой Совет, подводя первые итоги работы местных органов власти и управления края в условиях начавшихся реформ, отметил, что в работе Советов народных депутатов и исполнительных органов ещё не произошло коренной перестройки[1]. Не внесли принципиальных изменений в работу органов власти Дальнего Востока выборы в местные Советы, состоявшиеся летом 1987 г.[2] В отчете крайисполкома, посвящённом перестройке работы в свете требований XXVII Съезда КПСС, отмечались неоднозначные результаты проделанной работы по ускорению социально-экономического развития края[3].

Положительные изменения наметились в снабжения местными Советами подведомственных территорий. Дополнительные хозяйственные полномочия были использованы для организации выпуска товаров народного потребления, развитии сферы услуг, капитального строительства и природоохранной деятельности. Повысилась ответственность Советов и исполкомов в деле удовлетворения потребностей населения в продовольствии, промышленных товарах, а также в жилье, коммунально-бытовых и прочих услугах. Наряду с этим,

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 784. Л. 149.

[2] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 18.

[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 228.

отмечались и негативные тенденции: многим советским и хозяйственным руководителям не хватало навыков работы в условиях нарастающей демократизации и гласности. Они не отрешились от канцелярских методов работы, редко проводили встречи с людьми непосредственно на производстве, плохо представляли свою роль в условиях хозяйственных трансформаций, внедренных с принятием Закона СССР «О Государственном предприятии (объединении)». Низко оценивалась исполнительская дисциплина, у значительной части советских работников сохранилось стремление перекладывать ответственность на других, осталась неизменной приверженность к «бумаготворчеству и заседательству»[1].

Детальная оценка работы краевых советских органов власти, а также рекомендации по дальнейшему развитию края были даны депутатами в апреле 1988 г. в принятом решении «О задачах Совета народных депутатов, хозяйственных органов по совершенствованию управления народным хозяйством Приморского края». Как отмечали депутаты, в крае значительное количество управленческих структур работали недостаточно эффективно, а в деятельности многих управлений и ведомств еще сохранялись методы, допускающие вмешательство в оперативную деятельность предприятий[2]. Для преодоления негативных тенденций краевой Совет признал целесообразным упрощение структуры и сокращение числа звеньев управления, а также создание в случае необходимости межхозяйственных и межотраслевых территориальных и производственных объединений. Перед руководящим составом советских органов была поставлена задача – добиться сокращения аппарата управления не менее чем на 30%[3]. Звучали также предложения сократить управленческий аппарат почти наполовину[4].

Говоря о местных Советах, краевые депутаты нередко отмечали их недостаточную работу по выполнению решений вышестоящих союзных,

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 228.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 899. Л. 91.
[3] Там же. Л. 93.
[4] Там же. Л. 49.

республиканских и краевых органов власти и управления[1]. В качестве примера можно привести критические замечания, прозвучавшие в марте 1988 г. в адрес Ольгинского райисполкома, который не сумел добиться коренных изменений в своей работе. В решении местных вопросов проявлялось иждивенчество, улучшений не наблюдалось за исключением природоохранной деятельности и озеленения населённых пунктов[2].

Начало нового этапа в работе Советов Приморья было связано с выборами 1990 г. Состоявшиеся весной 1990 г., они представляли собой один из важных рубежей проводимой политической реформы. Впервые за многие десятилетия выборы в краевой Совет проводились на альтернативной основе. Активное участие в подготовке выборов, выдвижении кандидатов и в предвыборных дискуссиях принимали трудовые коллективы, общественные организации и другие объединения граждан, а также военнослужащие подразделений Вооружённых сил, расквартированных на территории края. Во время предвыборных встреч кандидатов в депутаты с гражданами были подняты многочисленные проблемы развития региона, оформленные затем в виде наказов избирателей, и отраженные затем в предвыборных программах кандидатов[3].

Выборы депутатов Приморского краевого Совета проводились по 220 избирательным округам. По сравнению с предыдущими выборами количество депутатских мандатов уменьшилось на 60, что было характерно не только для Приморья. Так, в Амурской области число депутатских мест сократилось с 170 до 140, в Сахалинской – со 150 до 120. В соседнем Хабаровском крае численный состав депутатского корпуса остался неизменным – 250 человек[4].

Подготовка к выборам и отличалась открытостью и гласностью всех предвыборных процессов. На протяжении избирательной кампании активно работали инициативные группы по выдвижению кандидатов и их доверенные

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 924. Л. 108.
[2] Там же. Л. 109.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1107. Л. 55.
[4] Хачатурян Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990-1994 гг.): к истории вопроса // Вестник ИрГТУ. 2012. № 1. С. 318.

лица. В ходе агитации широко использовать листовки, плакаты, в некоторых случаях и видеофильмы. В дни самих выборов, 4 и 18 марта 1990 г., на избирательных участках при проведении заседаний избирательных комиссий по подсчету голосов присутствовали доверенные лица кандидатов в депутаты, представители общественных организаций и трудовых коллективов, работники печати радио и телевидения[1].

В отдельных избирательных округах Приморского края количество кандидатов на одно депутатское место достигало 6 человек. Всего на 220 депутатских мандатов было выдвинуто 923 претендентов, из них регистрацию в окруженных избирательных комиссиях прошли 846 кандидатов в депутаты. В ходе предвыборной кампании свои кандидатуры сняли 52 человека. Вместе с тем при довольно высоком уровне конкурентной борьбы, среди 220 избирательных округов всё же оказалось 14, где баллотировалось по одному кандидату в депутаты.

В состоявшемся голосовании приняли участие 1 208 501 человек, что составляло 75,9% от числа включенных в списки избирателей. В первом туре, состоявшемся 4 марта, было избрано 53 депутата. По 141 избирательному округу, где ни один из кандидатов не получил необходимого количества голосов, было проведено повторное голосование. В оставшихся 26 округах, где ни один из кандидатов не был избран, краевая избирательная комиссия назначила довыборы на 22 апреля 1990 г. Таким образом, к началу работы краевого Совета 3 апреля 1990 г. из 220 округов выборы состоялись в 194[2].

Мандатная комиссия краевого Совета, проверив предоставленные протоколы окружных избирательных комиссий по выборам народных депутатов, отмечала, что в краевую избирательную комиссию во время её работы поступило 138 письменных жалоб и предложений по вопросам организации выборов. Жалобы подавались на необоснованный отказ в регистрации кандидатов в депутаты и организационные проблемы при ведении предвыборной кампании.

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1429. Л. 4.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1107. Л. 57.

Краевая и окружные избирательные комиссии также в ходе своей работы рассматривали жалобы на неравные условия для кандидатов в доступе к средствам массовой информации. Также сообщалось о различных фактах информационного давления на избирателей и необъективном освещении предвыборной кампании в СМИ[1].

В Приморский краевой Совет по итогам состоявшихся выборов были избраны представители всех городов и районов края. По партийной принадлежности 74,7% являлись на тот момент членами или кандидатами в члены КПСС[2]. Партийный состав краевого Совета мало отличался от прочих Советов, избранных в 1990 г., и в целом следовал общероссийским тенденциям. Так, среди народных депутатов РСФСР, 76% были членами или кандидатами в члены КПСС. Среди депутатов краевых и областных Советов коммунисты составляли 85%, городских и районных Советов – 75%. Однако, в отличие от предыдущих выборов, наличие партийного билета теперь далеко не всегда отражало реальные политические взгляды народных избранников. Более того, в условиях стремительной демократизации оказалось невозможно удержать многих из них в партийных рядах либо хотя бы обеспечить их приверженность генеральной линии партии[3].

Избранные депутаты были представлены девятью национальностями и широким спектром профессий. Среди депутатов был 51 работник промышленности транспорта, строительства и связи, 29 депутатов в своей профессиональной деятельности представляли науку и образование, 20 человек являлись партийными работниками или советскими служащими. Среди депутатов были представлены рабочие и колхозники – 22 человека, работники здравоохранения и медицины – 13 человек, работники сельского хозяйства – 8 человек, работники средства массовой информации – 6 человек, кроме того, среди депутатов оказалось 18 военнослужащих и 9 человек, представлявших

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1107. Л. 58.
[2] Там же. Л. 57.
[3] Котляров М.В. КПСС в период перестройки: пределы политической адаптации // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 235.

правоохранительные органы. В Совет прошли 17 руководителей промышленных предприятий и 7 председателей колхозов и совхозов. Из 9 депутатов в возрасте до 30 лет трое были членами ВЛКСМ. Среди избранных народных депутатов оказалось 15 женщин. Образовательный уровень депутатов был достаточно высок: более 85% имели высшее и незаконченное высшее образование. Среди избранных депутатов числилось 13 кандидатов и докторов наук. Новый состав краевого Совета отличался большим количеством депутатов, которые были избраны туда впервые – 91,2%[1].

Мандатная комиссия, подводя итог выборов, выразила надежду на то, что данный состав краевого Совета обеспечит благоприятные условия для решения большинства стоящих перед ним задач по развитию экономики, социальной сферы, культуры и по решению экологических проблем края. 3 апреля 1990 г. первая сессия Приморского краевого Совета своим решением признала полномочия народных депутатов, избранных 4 и 18 марта 1990 г. по соответствующим избирательным округам. Документ заверил своей подписью сопредседатель сессии В.В. Зорин[2].

Подтвердив полномочия избранных депутатов и приняв после непродолжительного обсуждения подготовленный регламент ведения сессии, Совет приступил к избранию председателя. Выступавший от секретариата Совета депутат В.В. Зорин напутствовал депутатов: «Мы выбираем человека, который будет в дальнейшем определять политику развития нашего Приморского края, развития тех демократических начал, которые только стали проявляться, и поэтому, я думаю, мы должны отнестись к этому с полной серьезностью. Мы выбираем человека на пять лет, должны знать его деловые моральные и все остальные качества»[3].

На должность председателя краевого Совета изначально были выдвинуты 16 кандидатов. Фаворитом считался А.А. Волынцев – в тот момент первый

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1107. Л. 57-59.
[2] Там же. Л. 14, 105.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1108. Л. 1-3.

секретарь Приморского краевого комитета КПСС[1]. Его выдвижение поддержали 18 коллективов. Среди прочих претендентов значились: А.А. Исаев – генеральный директор объединения «Дальвент», беспартийный, выдвинул свою кандидатуру самостоятельно и был поддержан четырьмя коллективами; В.В. Зорин, за которого высказалось 5 трудовых коллективов; Н.Н. Дубинин – руководитель лаборатории нестандартных методов обучения школы-интерната № 2[2]; Ю. Г. Диденко – генеральный директор производственного объединения Дальморепродукт, получивший поддержку 3 коллективов; В. Я. Семёнкин – первый секретарь Владивостокского горкома КПСС, за него высказался один трудовой коллектив и группа рабочих-избирателей; Н. А. Пашутин – командир взвода ВГСЧ из Красноармейского района, его кандидатура была предложена одним трудовым коллективом. Среди других кандидатов фигурировали А.С. Воропаев – генеральный директор ДАЛЬСО, В.С. Храмцов – директор Лазовского государственного заповедника, Н.И. Литвинов – председатель Уссурийского райисполкома, В.М. Мазур – начальник Дальводстроя, В.П. Барыкин – председатель Большекаменского горисполкома, В.Я. Клоков – заведующий отделом крайкома КПСС, П.М. Довгонюк – преподаватель средней школы[3], А.А. Заболотников – кандидат геолого-минералогических наук[4], ученый секретарь бассейновой секции «Тихий океан» при президиуме Дальневосточного отделения Академии Наук СССР, один из организаторов несанкционированного митинга 2 декабря 1989 г. местной ячейки «Демократического Союза»[5].

Свою кандидатуру на обсуждение выставил и будущий мэр Владивостока В.И. Черепков, однако в этот момент он не произвел на депутатов Совета впечатление человека, способного занять руководящую должность. Выступавший

---

[1] Ориентир. 1990. № 2. С. 2.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1112. Л. 25.
[3] Там же. Д. 1107. Л. 105.
[4] Дудченко Г.Б. Из истории учёного сообщества СССР: Движение во власть на примере дальневосточного региона в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. № 1. С. 214.
[5] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 42.

по этому поводу депутат В.П. Барыкин передал доминирующее настроение: «Думаю, несерьезно выставлять свою кандидатуру ради того, чтобы составить кому-либо альтернативу»[1].

Из предложенных кандидатов часть взяли самоотвод: В.В. Зорин, Ю.Г. Диденко, В.Я. Семёнкин, Н.А. Пашутин, А.С. Воропаев, В.С. Храмцов, Н.И. Литвинов, В.М. Мазур, В.П. Барыкин, В.Я. Клоков, П.М. Довгонюк и Н.Н. Дубинин. Кроме того, В.И. Черепков и А.А. Заболотников в ходе предварительного обсуждения тоже отозвали свои кандидатуры, но затем всё же приняли решение участвовать в выборах. Также поступили предложения выдвинуть кандидатуры депутатов В.А. Гильгенберга и В.А. Хинжинского, но последний в итоге снял свою кандидатуру. Таким образом, в борьбе за ответственный пост приняли участие пять человек: А.А. Волынцев, В.А. Гильгенберг, А.А. Заболотников, А.А. Исаев и В.И. Черепков[2].

По причине довольно продолжительного времени, ушедшего на заслушивание программ кандидатов, окончательное решение было принято только 5 апреля. По результатам тайного голосования, из 190 депутатов, получивших на руки бюллетени, 117 отдали свои голоса А.А. Волынцеву[3], обеспечив ему существенный отрыв от конкурентов и благополучное избрание председателем краевого Совета[4]. В целях концентрации своих усилий на работе в Совете А.А. Волынцев отказался от совмещения партийной и государственной должностей, уступив пост первого секретаря крайкома партии А.С. Головизину[5].

До конца апреля был утвержден состав постоянных комиссий Приморского краевого Совета. Всего их насчитывалось 16[6].

Аппарат краевого Совета был представлен отделом по вопросам работы Советов, включавшим три сектора: сектор системной деятельности Советов

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1108. Л. 209.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1107. Л. 106.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1109. Л. 4.
[4] Там же. Л. 5.
[5] Буянов Е.В. О состоянии организаций КПСС на Дальнем Востоке России в 1989 – 1991 гг. // Вестник АмГУ. № 12. Благовещенск. 2001. С. 55.
[6] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1112. Л. 6.

народных депутатов; сектор по вопросам работы органов, образуемых Советами народных депутатов, и содействия депутатом в осуществлении ими своих полномочий и сектор содействия развитию в крае органов местного самоуправления. Отдел строил свою работу в тесном контакте с городскими, районными, поселковыми и сельскими Советами. При этом в аппарате отдела за каждым из работников было закреплено по три-четыре района края, а также постоянная комиссия краевого Совета, Работники отдела осуществляли связь с городами и районами, оказывали квалифицированную помощь и давали консультации депутатам местных Советов. Для более детального ознакомления с обстановкой и обмена опытом отдел также готовил и проводил ежемесячные семинары и совещания председателей Советов, а также ежеквартальные совещания заведующих отделами городских и районных Советов[1].

Подготовка и проведение каждой сессии краевого Совета ложилось на плечи отдела по вопросам работы Советов. Перед сессией он первым делом формировал повестку дня с учетом мнения депутатов и членов крайисполкома. Следующим шагом становилось составление плана мероприятий по подготовке и проведению сессии, в ходе которого кураторы постоянных комиссий готовили материалы для изучения и подготовки проектов решений, оказывали консультационную помощь, а при необходимости привлекали специалистов для проработки различных вопросов. Планирование и организационно-техническая сторона подготовки сессии также велось отделом по вопросам работы Советов. Его работники оказывали помощь секретариату, редакционным и счетным комиссиям. Помимо этого, отдел вёл работу по информационному обеспечению депутатов, выпускал бюллетень краевого Совета и сборники статистических материалов. После доработки документов постоянными комиссиями и отделом по работе Советов, принятые решения публиковались в газете «Утро России»[2].

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1112. Л. 2.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1429. Л. 5-6.

Всего за 1990-1991 гг. состоялось 8 сессий краевого Совета, на которых было принято 207 решений, из них поставлены на контроль 73 решения[1]. В ходе своей деятельности краевой Совет, помимо регулярных сессий, прибегал к таким формам работы как заседания народных депутатов по секциям и совместные заседания нескольких постоянных комиссий. Реже применялась практика выездных заседаний постоянных комиссий[2].

Что касается местных Советов Приморья, то в 1990 г. состоялось 145 сессий городских и районных Советов народных депутатов, а в 1991 г. – 154. Среди рассматриваемых местными Советами вопросов преобладали организационные проблемы, затем шли депутатские запросы, вопросы землепользования, жилищно-коммунального хозяйства, охраны природы и правопорядка. Далее значились проблемы общественного питания, здравоохранения, социального обеспечения, народного образования и сельского хозяйства[3].

В целях всесторонней проработки материалов краевым Советом периодически проводились совещания с привлечением руководителей предприятий и организаций. Чаще всего на подобных совещаниях поднимались вопросы развития топливно-энергетического комплекса края, поддержки сельскохозяйственного производства и борьбы с правонарушениями[4].

Исполнение решений краевого Совета и распорядительные функций возлагались на исполнительный комитет крайисполком (полное наименование – исполнительный комитет Приморского краевого Совета народных депутатов), избираемый Советом и подотчетный ему в своей работе. В соответствии с решением краевого Совета от 7 апреля 1990 г. «О председателе исполнительного комитета краевого Совета народных депутатов» крайисполком возглавил В.С. Кузнецов, не входивший в депутатский корпус и бывший на тот момент заместителем директора Института экономических и международных проблем освоения океана Дальневосточного отделения Академии наук СССР. Его

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1429. Л. 15.
[2] Там же. Л. 8-10.
[3] Там же. Л. 7.
[4] Там же. Л. 8.

кандидатура была одобрена 100 народными избранниками из 187, участвовавших в голосовании. Этого перевеса ему хватило, чтобы опередить в борьбе за пост председателя крайисполкома депутатов А.М. Васяновича, В.В. Зорина, К.Л. Исаковича, С.М. Кучеренко, В.М. Мазура[1].

Свое мнение о политической и социально-экономической ситуации в крае В.С. Кузнецов изложил в программе, предоставленной депутатам Совета. Отвечая на вопрос о том, сторонником какой экономической школы он является и каково его понимание формулы «Вся власть Советам», В.С. Кузнецов охарактеризовал себя как представителя марксистской школы, добавив деталь: «У нас это часто понимают излишне упрощенно и ищут в «Капитале» или других произведениях Маркса, Энгельса и Ленина ответы на все вопросы. В условиях сегодняшнего дня это невозможно. Поэтому я всегда проявлял и сегодня проявляю интерес к изучению трудов западных экономистов». В особенности В.С. Кузнецов отметил М. Фридмана, отдав ему должное как одному из авторов «рейганомики». В его трудах новоизбранный председатель нашел ряд полезных рекомендаций, которые, по его мнению, могли найти применение в условиях Приморского края[2].

На поступившие от депутатов вопросы «Как практически осуществить отторжение Приморья от министерств и ведомств?» и «Поддерживаете ли вы идею организации на всей территории Приморья свободной экономической зоны?» В.С. Кузнецов ответил, что подобный процесс будет зависеть от того, какая политика будет проводиться на общесоюзном и общероссийском уровне, а ведущую роль в этом процессе должны играть Съезды народных депутатов СССР и РСФСР. По вопросу свободной экономической зоны В.С. Кузнецов высказался положительно, при этом сделав акцент на огромный объем работ, которые предстояло провести в ходе разработки и реализации этого проекта.

Отвечая на вопрос о путях перехода к рынку и проблемах обеспечения потребительского рынка товарами первой необходимости, председатель крайисполкома выступил в поддержку коренного переустройства экономики края.

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1111. Л. 1, 4.
[2] Там же. Л.18.

Он отстаивал идею развития отраслей, демонстрирующих наибольшую пользу и эффективность. Проблему он видел в неуклонном разрушении общесоюзного рынка. Себя В.С. Кузнецов позиционировал как новатора, опирающегося на практику и опыт. Главной задачей он считал поиск и внедрение новых решений[1].

Несмотря на сложную социально-экономическую обстановку в крае, крайисполком решал вопросы без нарушения существующей схемы исполнительной власти на местах. К середине 1991 г. в структуре крайисполкома функционировали 9 отделов, 12 управлений и 5 комитетов. Произошли и отдельные изменения: были упразднены Управление снабжения и быта и Управление жилищно-коммунального хозяйства, вместо них образованы Приморское акционерное снабженческое общество «АКСО» и Приморский государственный концерн «Жилкомхоз». Вместо организационного, общего и хозяйственного отделов исполкома было создано единое Управление делами[2].

По мере изменения законодательства о местном самоуправлении и расширения управленческих задач, в составе исполнительного комитета были созданы Управление по природопользованию, Комитет по управлению собственностью и приватизации, Комитет по земельной реформе, Комитет по сельскому хозяйству и продовольствию. В связи с передачей региональным властям дополнительных полномочий по выдаче лицензий на экспорт товаров, значительно увеличился объем работы отдела внешней связи. В этой связи В.С. Кузнецов предлагал обратиться к опыту других стран, где внешнеэкономическими вопросами в регионах занимались специальные департаменты. Председатель исполкома считал целесообразным создание отдельного управления внешнеэкономических связей по примеру Хабаровского края и Сахалина[3].

В целях улучшения положения дел в экономике края, получения дополнительных рычагов влияния на отдельные её отрасли, в первую очередь

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1111. Л. 20-23.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л.4-7.
[3] Там же. Л.8-9.

связанные с удовлетворением потребностей населения, предполагалось реорганизовать действующие Планово-экономическое управление. В составе управления создавались отдел баланса ресурсов, отдел анализа и прогнозирования внешних связей и предпринимательства, отдел топливно-энергетического комплекса, отдел местного хозяйства, промышленных комплексов, транспорта, связи и дорожного хозяйства, а также группа потребительского рынка и социальных гарантий. Всё это привело к значительному увеличению численности работников управления. От исполкома поступали предложения о создании Комитета по экономике, которому должны были быть переданы функции главного планово-экономического управления[1].

Общей тенденцией стало увеличение числа подразделений и количества сотрудников аппарата исполкома. Кроме того, депутатами краевого Совета и должностными лицами исполкома вносились предложения об образовании дополнительно Комитета по приватизации и муниципальной собственности, отделов по делам молодежной политики, по межнациональным отношениям, по делам семьи и демографической политике, по делам науки и высшей школы и так далее. Тенденция роста численности аппарата, необходимого для функционирования новых структур исполкома, не встретила понимания у жителей края[2].

Таким образом, исполнительный комитет находился в состоянии реорганизации с целью приспособить его управленческие структуры к новым социально-экономическим условиям. Однако, по оценке председателя крайисполкома В.С. Кузнецова, сложившаяся система исполнительной власти в крае ещё далека от оптимальной. Он рассчитывал, что структура крайисполкома будет и далее совершенствоваться по мере изменения законодательства[3].

Постоянная комиссия краевого Совета по делам советов, развитию местного самоуправления и национальным вопросам, заслушав и обсудив предложения

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 9.
[2] Там же. Л. 10.
[3] Там же. Л. 11.

В.С. Кузнецова, своим решением от 23 марта 1991 г. в целом одобрила предложенные им меры по совершенствованию работы крайисполкома, предложив вернуться к данному вопросу после принятия Закона «О местном самоуправлении в РСФСР». Комиссия также сформировала пакет предложений, необходимых при разграничении полномочий краевых органов власти и федеральных структур[1].

Период 1990-1991 гг. стал испытанием для новых для форм организации власти, которая, будучи по названию советской, на практике всё больше отдалялась от прежних образцов и подвергалась значительной модификации.

Переживала глубокий кризис и структура, бывшая ещё недавно не просто политической силой, а центральным элементом существовавшей в то время модели власти и управления – Коммунистическая партия Советского Союза. В последние годы перестройки политическое влияние КПСС (включая недавно оформившуюся внутри неё республиканскую структуру – КП РСФСР) неуклонно снижалось. Параллельно происходила утрата партией прежних властных и управленческих ресурсов[2]. Началось оформление альтернативных политических движении, а также формирование оппозиционных течений и платформ внутри самой КПСС[3]. Падение авторитета партии, наблюдавшееся в годы перестройки, существенно ускорилось с отменой в марте 1990 г. статьи 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли партии.

К этому времени КПСС уже перестала быть монолитом и допускала в своей среде оформление идеологических течений, идущих вразрез с генеральной линией партии. Социальная неоднородность общества и разброс мнений относительно перспектив развития страны передались КПСС, результатом чего

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 51.
[2] Буянов Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988–1995 гг.) Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 77.
[3] Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918; 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998. С. 174.

стало появление внутри партии так называемых платформ. Поляризация настроений внутри КПСС продолжалось весь 1990 г. и первую половину 1991 г[1].

Новые испытания обрушились на партию летом 1991г. Так, основной кандидат от КПСС Н.И. Рыжков потерпел поражение на выборах Президента РСФСР 12 июня 1991 г., даже не пройдя во второй тур. Прочие кандидаты-коммунисты выступили ещё менее удачно[2]. Вслед за тем катастрофически осложнил положение Компартии Указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 20 июля 1991 г. «О прекращении деятельности организационных структур политических партий в массовых общественных и государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР»[3]. Данный указ существенно снизил влияние местных комитетов КПСС на производственную сферу, что неизбежно повлекло за собой потерю источников финансирования[4].

Процесс ослабления КПСС не обошёл стороной и Приморский край. Аппарат Коммунистической партии с 1990 г. постепенно отстранялся от принятия управленческих решений, реже наблюдалась ранее повсеместная практика совмещения постов председателей Советов и секретарей местный комитетов партии. Хотя большинство современников оценивали это явление в целом положительно, нельзя обойти стороной негативные последствия подобной перемены. Важнейшим из них стало заметное сокращение количества профессиональных управленцев, их распыление между советскими и партийными структурами. Данное обстоятельство отрицательно сказалось на эффективности принимаемых решений, а также качестве и скорости их исполнения. Большое значение имела утрата такого рычага влияния на должностных лиц, как партийная

---

[1] Иванов А.М. Возникновение в КПСС политических движений и их деятельность // Via in tempore. История. Политология. 2014. № 8. С. 102-103.

[2] Сельцер Д.Г. Модель распада СССР через потерю КПСС кадрового контроля // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. № 4. С. 13.

[3] О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР: Указ Президента РСФСР от 20.07.1991 г. № 14 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1035.

[4] Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. С. 182.

дисциплина[1], хотя меры административного воздействия по партийной линии во многих случаях и ранее не принесли желаемого результата, продемонстрировав недостаточную эффективность ещё на начальном этапе перестройки[2].

В дальнейшем в регионах РСФСР отмечалось значительное снижение количества вызовов директоров предприятий и хозяйственных работников в партийные комитеты различного уровня для заслушивания их отчетов[3]. С 1989 г. в партийных организациях регионов Дальнего Востока прекратился рост числа новых членов КПСС[4]. Всё заметнее становился отток из партии. Приморский крайком КПСС потерял за 1990 г. более 26 тыс. человек, из них более 20 тыс. прекратили свое членство в КПСС добровольно[5]. Особенно сложная обстановка сложилась в городских организациях Арсеньева, Большого Камня и Дальнегорска, а также в Кавалеровской, Пожарской, Красноармейской и Надеждинской районных парторганизациях. По количеству вышедших из партии лидировала Дальнегорская городская парторганизация, причем помимо рядовых партийцев её покинули 11 членов горкома. Среди оставшихся членов КПСС наметилась тенденция к образованию фракций внутри партии[6].

Вместе с тем КПСС и её региональные структуры по-прежнему оставались важным субъектом экономических отношений, держателем и распорядителем материальных средств, включая финансовые активы, движимое и недвижимое имущество. В условиях экономического кризиса, отказа от прежней централизованной системы и внедрения элементов рыночной экономики, существенно возросло значение производственно-хозяйственной деятельности

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 19.

[2] Савченко А.Е. Региональная власть на первом этапе перестройки (на примере Приморского края) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 137.

[3] Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918; 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998. С. 111.

[4] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 46.

[5] Васильев В.Г. Первичная партийная организация в новых условиях // Ориентир. 1991. № 4. С. 52.

[6] ГАПК. Ф. П-68. Оп.117. Д. 1107. Л. 62.

партии как источника финансирования её организационных структур. Однако имущественное положение партийных комитетов осложнялось обострением общественно-политической ситуации и попытками оппонентов, включая государственные органы власти и управления РСФСР, ограничить и подорвать материальную базу КПСС, а также добиться принудительного отчуждения партийного имущества[1].

В 1990-1991 гг. Приморский комитет КП РСФСР (такое наименование он официально получил в марте 1991 г[2].) столкнулся с перспективой имущественных претензий со стороны своих оппонентов, в частности, Демократической платформы КПСС, выдвинувшей идею замены партийных комитетов демократическими координационными органами[3] и ещё во второй половине 1990 г. поднявшей вопрос о разделе имущества между членами партии[4]. Заявления координационного совета Демократической платформы сопровождались угрозой провести отчуждение в судебном порядке[5]. Решительно отвергая любые посягательства на своё имущество, партийные организации на местах в соответствии с инструкцией секретариата ЦК КПСС также готовились отстаивать свои интересы через суд[6].

Сохраненная за парткомами собственность должна была стать залогом эффективной хозяйственной деятельности партии в условиях перехода к рынку. Хотя для региональных партийных лидеров были характерны небезосновательные опасения в том, что «приватизация основных производственных фондов, вместо безвозмездной передачи трудящимся фабрик и заводов, тоже играет на руку тем, кто скупит за бесценок богатства, накопленные трудящимися многих

---

[1] Волгин Е.И. «Война законов» и коммерческая деятельность КПСС в России (1990-1991 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 3. С. 86.
[2] Владивосток. 1991. 21 марта. С. 4.
[3] Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918; 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998. С. 172.
[4] ГАПК. Ф. П-68. Оп.117. Д. 1107. Л. 63.
[5] Ориентир. 1990. № 9. С. 33.
[6] ГАПК. Ф. П-68. Оп.117. Д. 1107. Л. 65.

поколений»[1], стремительно меняющаяся обстановка способствовала всё возрастающей вовлеченности структур КПСС в коммерческую деятельность. Летом 1991 г. управляющий делами Приморского крайкома КП РСФСР В.Г. Финтисов представил на рассмотрение крайкома проект создания «производственного внедренческого предприятия» в форме акционерного общества закрытого типа и передачи ему части, а в перспективе и всех объектов собственности КПСС с дальнейшим обслуживанием партийных комитетов на договорной основе[2]. Проект, однако, не были реализован до августа 1991 года, а затем утратил актуальность.

В 1990-1991 гг. всё чаще отмечалось, что параллельное существование исполкомов и президиумов Советов порождает многочисленные конфликты и противоречия[3]. Наблюдалась низкая ответственность должностных лиц, в результате чего в РСФСР на всех уровнях сменилось 103 председателя исполкома. В Приморском крае почти 20 кандидатов отказались занять должность руководителя комитета по сельскому хозяйству и продовольствию, возникли трудности при выборе заместителя председателя крайисполкома по социальным вопросам и начальника управления природопользования. Причина низкой ответственности и слабой заинтересованности определялась отсутствием перспектив карьерного роста и твёрдых социальных гарантий, а также проигрыш в зарплате и отменой ранее существовавших льгот и привилегий.

В ряде городских, районных, сельских и поселковых Советов края в 1990 – начале 1991 гг. произошли структурные изменения, в том числе противоречащие действующему законодательству. В шести Советах городского и районного звена председатель Совета одновременно возглавлял исполнительный комитет, в одном случае председатель исполкома являлся заместителем председателя Совета. Всего было зафиксировано 55 случаев совмещения должностей, что было недопустимо.

---

[1] ГАПК. Ф. П-3. Оп. 30. Д. 381. Л. 150.
[2] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1107. Л. 30-31.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 20, 21.

Существенной проблемой, препятствующей эффективной работе районных и городских властей, являлась практика подмены полномочий и путаница между президиумами районных и городских Советов, и соответствующими исполкомами. 23 Совета районно-городского звена наделили свои президиумы правами решать хозяйственные вопросы и работать параллельно исполкомам. В 32 Советах были упразднены исполкомы, а их функции переданы президиумам[1].

Власти края относились к данным многочисленным фактам нарушения законодательства с тревогой, но одновременно с пониманием, поскольку считали, что на местах путем проб и ошибок идет поиск наиболее эффективной структуры управления. Подобные инициативы порождали неразбериху и безответственность, в связи с чем В.С. Кузнецов предлагал краевому Совету дать указание районным и городским Советам о прекращении подобных нарушений. По итогам проверки, президиум краевого Совета обязал городские и районные Советы, самовольно изменившие структуру, привести её в соответствие с действующими законами. Это относилось к Хорольскому, Михайловскому, Пожарскому районным Советам и Лесозаводскому городскому Совету[2].

Примечательно, что на второй год работы Советов нового созыва наметилась определенная тенденция к снижению посещаемости депутатами сессий местных Советов всех уровней. Если в 1990 г. посещаемость составляла 82,2%, то в следующем снизилась до 73,6%. В крае фиксировались случаи невозможности проведения сессии вследствие неявки депутатов. В 1991 г. было отмечено 66 подобных эпизодов[3].

В первой половине 1991 г. особенно заметно ослабла связь крайисполкома с городскими и районными исполкомами. Положения статьи 6 Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР» затруднили координацию усилий вышестоящего и нижестоящих Советов и их исполнительных органов, привели к утрате прежних отработанных методов

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 6-7.
[2] Там же. Л. 52.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1429. Л. 7.

управления территориями[1]. Руководители крайисполкома и ответственные работники всё чаще вынуждены были выезжать в районы и города для изучения положения дел на местах и постоянно проводить работу по восстановлению связей. Она велась, главным образом, путем систематического проведения совещаний с должностными лицами городских и районных исполкомов[2].

С другой стороны, председатель комиссии по делам Советов В.П. Барыкин докладывал о трудностях осуществления контроля и проверки исполнения решений на местах, о случаях принятия юридически и экономически необоснованных решений краевыми властями без согласования с нижестоящими исполкомами. Констатировалось отсутствие постоянного контакта руководителей края с председателями районных и городских исполкомов. По его словам «Половина из них друг друга в глаза не знает»[3]. Комиссией отмечалось также отсутствие слаженной работы между председателем крайисполкома В.С. Кузнецовым и председателем краевого Совета А.А. Волынцевым.

В конце 1990 г. – начале 1991 г. крайисполком рассматривал возможность пересмотра схемы исполнительной власти с учетом возможного введения губернаторской формы правления в крае. Согласно этому проекту, исполнительная власть должна была сосредоточиться в руках губернатора или «исполнительного председателя», руководящего аппаратом и подотчетными ему функциональными подразделениями. Предложенная модель обладала определёнными достоинствами – она отличалась персональной ответственностью в принятии решений и их реализации, что выгодно отличало её от коллективной формы руководства и коллективной ответственности исполкома. Главным препятствием на пути введения губернаторской системы являлось отсутствие необходимой законодательной базы. Тем не менее, крайисполком в конце 1990 г. разработал и направил в краевой Совет предложения, рассчитывая в дальнейшем вернуться к рассмотрению проекта реорганизации исполнительной власти.

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 20.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 53.
[3] Там же. Л. 83.

Не дожидаясь решений руководства РСФСР, в начале 1991 г. комиссия по делам Советов, развитию местного самоуправления и национальным вопросам рассмотрела весьма радикальную программу перехода к новой модели организации власти в крае. Она строилась на предложениях заместителя председателя крайисполкома В.Г. Батурина[1].

Предполагался следующий механизм передачи полномочий: в городах и районах края должны были пройти сессии Советов с последующим их самороспуском и образованием избирательных комиссий городов и районов по всенародному избранию мэров. Следующим шагом должно было стать проведение одновременных выборов губернатора края, мэров городов и районов. Примечательно, что, согласно проекту, и глава города, и глава района именовался мэром без принципиальных различий статуса. После избрания руководителей края, городов и районов, они в течение двух-трех недель на контрактной основе должны были подобрать себе вице-губернаторов и вице-мэров, предоставив им возможность определить кандидатуры руководителей отделов, комитетов и управлений. Срок полномочий всех должностных лиц и новых органов власти был определен в 5 лет, после чего последовал бы цикл кадрового обновления[2].

Идея сосредоточения исполнительной власти в руках главы администрации, избираемого путем прямого волеизъявления граждан, затронула и региональный центр Приморья – Владивосток. В данном случае образцом стали первые результаты работы мэров в крупных столичных городах – Москве и Ленинграде – в первой половине 1991 г[3].

Власти Владивостока и ранее внимательно изучали опыт других города в организации власти, в особенности – Ленинграда. Ещё в конце 1990 г. для ознакомления и проведения консультаций по вопросам разделения функций и полномочий городских и районных Советов президиум Владивостокского городского Совета командировал в Ленинград заведующую информационным

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 17.
[2] Там же. Л. 19.
[3] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 77.

отделом Совета С.В. Пастернак. Итогом командировки стал подробный отчет о работе Ленинградского городского Совета и его председателя А.А. Собчака[1].

На основании результатов опроса общественного мнения, проведенного 12 июня 1991 г., одновременно с выборами Президента РСФСР, Владивостокский городской Совет начал разработку положения о главе местной администрации – мэре города Владивостока и обсудил возможную дату предстоящий выборов[2].

Результаты опроса общественного мнения выглядели следующим образом: в голосовании приняли участие 68,4% избирателей, из них утвердительно ответили на вопрос о необходимости избрания мэра 84,9%. Такой процент голосов «за» был довольно высок по сравнению с аналогичными опросами в других городах России. В этой связи С.С. Соловьёв предлагал принять результаты опроса как подлинное отражение настроений горожан, однозначно высказавшихся за реформу исполнительной власти и введение должности мэра, избираемого всеобщим голосованием. Одновременно с вопросом о мэре жителям Владивостока предлагалось ответить и на второй вопрос – является ли необходимым существование районных Советов на территории города. Из 66,9% участвовавших в опросе избирателей 58,9% ответили, что такие Советы не являются необходимыми, их следует упразднить, оставив только территориальную администрацию[3].

На сессии горсовета 8 июля в качестве одного из главных вопросов депутаты обсуждали предстоящие перспективы реформирования системы власти и возникающие при этом трудности. Основными докладчиками по этому вопросу выступили исполняющий обязанности председателя городского Совета С.С. Соловьев и председатель исполкома Е.М. Блинов[4].

В ходе разработки проектов реформирования местной власти вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования районных Советов народных депутатов и их президиумов в городах Приморского края был внесен в повестку

---

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 41. Л. 37.
[2] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 2.
[3] Там же. Л. 75.
[4] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 12.

гораздо раньше, чем выборы мэра. Впервые эффективность работы и перспективы существования районных Советов в городах стали предметом обсуждения ещё в 1990 г. В городах с районным делением, в том числе и во Владивостоке, в соответствии с Законом СССР «Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР»[1] складывалась трехступенчатая система органов местного самоуправления, состоящая из органов территориального общественного самоуправления микрорайонов, районных Советов и городского Совета. При этом два последних звена по закону были наделены одинаковыми полномочиями, но вместе с тем являлись практически независимыми друг от друга. Каждый Совет самостоятельно мог утверждать свою структуру, определять свои полномочия, наделять исполнительные органы соответствующей компетенцией, устанавливать функции президиума, принимать окончательные решения по широкому кругу вопросов. При таком положении дел не исключались ситуации, когда каждый из пяти районных Советов и городской Совет будут действовать, противореча друг другу. Что, в свою очередь, создаст значительные трудности в координации действий подразделений местного хозяйства, определении собственности каждого Совета и, в конечном итоге, в реализации принятых решений[2].

Положение осложнялось тем, что во Владивостоке функционировала единая система градостроительства, жизнеобеспечения города, единая социальная и производственная инфраструктура. Нарушение их целостности было недопустимо. В этих условиях среди депутатов Советов разных уровней возобладало мнение о нецелесообразности сохранения подобной трехступенчатой системы. В конце августа 1990 г. председатель Ленинского районного Совета города Владивостока В.И. Таланцев в записке на имя председателя Приморского краевого Совета и председателя Владивостокского горсовета поставил вопрос о реформировании системы местного самоуправления во Владивостоке. Ключевой

[1] Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР: Закон СССР от 9.04.1990 г. № 1417-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 276.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 87.

идеей, высказанной в его записке «О целесообразности дальнейшего функционирования районных (в городе) Советов народных депутатов и их президиумов», стало доказательство неэффективности трехступенчатой системы народного представительства. Более рациональной выглядела система из двух ступеней управления, включавшей в себя органы территориального общественного самоуправления в микрорайонах (нижнюю ступень) и городской Совет народных депутатов (верхнюю ступень), взаимоотношения между которыми должны были строиться на договорной основе[1].

Районные Советы и их президиумы подлежали упразднению, а депутатов районных Советов предполагалось закрепить в переходный период за органами территориального общественного самоуправления в микрорайонах. Депутаты должны были помочь организовать работу этих органов и одновременно решить проблемы жителей по своим избирательным округам. По проекту В.И. Таланцева, на базе районных исполкомов следовало образовать районные территориальные производственно-хозяйственные управления горисполкома. Начальник такого управления мог быть заместителем председателя горисполкома и отвечать за жизнеобеспечение объектов социальной инфраструктуры в соответствующем районе.

Районные отделы народного образования, здравоохранения, коммунального хозяйства, учета и распределения жилья, отдел внутренних дел и прочие структуры должны были стать подразделениями соответствующих отделов и управлений горисполкома. Что касается средств районных бюджетов, то их следовало сконцентрировать в едином городском бюджете и использовать для нужд всего города. Районные территориальные производственно-хозяйственные управления имели бы двойное финансирование из городского бюджета и за счет собственной хозяйственной деятельности. В долгосрочной перспективе они должны были полностью перейти на хозрасчет. Преимуществом новой системы являлась возможность сократить лишние звенья управления, а вместе с ними и

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 87-88.

численность работников аппарата, тем самым повысив эффективность управления городом, увеличив городской бюджет и создав единые городские службы. В теории всё это должно было привести к повышению ответственности городского Совета перед жителями Владивостока[1].

Ознакомившись с предложениями, изложенными в записке В.И. Таланцева, постоянная комиссия Приморского краевого Совета народных депутатов по делам Советов, развитию местного самоуправления и национальным вопросам признала предложенные меры целесообразными и своим решением рекомендовала председателю Владивостокского городского Совета рассмотреть этот проект на ближайшей сессии, а президиуму краевого Совета – оказать всестороннюю помощь в осуществлении данных предложений[2].

Летом 1991 г. эти проекты были близки к воплощению в жизнь. Исполняющий обязанности председателя Владивостокского городского Совета С.С. Соловьёв отмечал, что в ходе опроса 12 июня 1991 г. были получены результаты, которые соответствовали политической позиции руководителей горсовета и исполкома, поэтому были восприняты С.С. Соловьёвым, Е.М. Блиновым и разделявшими их взгляды депутатами с воодушевлением. Городской Совет должен был утвердить общую схему управления городом, принимая во внимание численность населения, исторические, социально-экономические, географические и другие особенности города, «…исходя из его социально-экономической целостности как места проживания и трудовой деятельности городского населения…».[3] Обновлённую схему управления после детальной проработки предполагалось включить в новое положение о самоуправлении города. Владивостокский городской Совет рассмотрел два варианта реформирования представительной и исполнительной власти в городе. Оба варианта предполагали введение должности главы местной администрации (мэра)

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1342. Л. 89.
[2] Там же. Л. 86.
[3] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 75-76.

и наделение его широким кругом полномочий. Относительно представительной власти в городе допускалось несколько возможных решений.

Первый вариант предусматривал деление города на районы с образованием в них местных администраций при сохранении районных Советов. Такая схема управления шла наперекор пожеланиям большинства горожан, однако не требовала досрочного прекращения полномочий депутатов районных Советов.

Второй вариант предусматривает деление города на районы с образованием только местных администраций и упразднением районных Советов. При этом депутаты райсоветов оказывались «не у дел». В случае принятия второго варианта предполагалось несколько путей решения этой проблемы. Либо, по примеру города Северодвинска, депутаты ликвидируемых районных Советов могли сохранить свой статус и работать в своих округах (но без возможности вынесения решений), либо допускалось создание городского Совета из двух палат. В этом случае вторая палата формировалась бы из депутатов прежних районных Советов, и любое решение горсовета могло быть принято только после ратификации обеими палатами. Последний вариант обсуждался на встрече представителей города с Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным и его помощником Г.Э. Бурбулисом, причем у представителей властей РСФСР принципиальных возражений по этому поводу не возникло[1]. Некоторые депутаты предполагали и более глубокую реформу городской власти. Помимо поддержки концепции введения должности мэра города, депутат Б.А. Дьяченко предполагал, что горсовет должен превратиться в муниципалитет или городскую думу[2].

С.С. Соловьёв критически относился к предложениям о полной ликвидации Советов и роспуска депутатского корпуса, либо лишения его всех полномочий. Он предупреждал депутатов об опасности монополии одной власти, как представительной, так и исполнительной. Иными словами, власть Совета в городе предполагалось существенным образом реформировать, создав баланс между городским Советом и городской администрацией. Во всех вариантах намечалось

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 77-78.
[2] Там же. Л. 80.

существенное перераспределение полномочий между представительной и исполнительной властью в городе. В компетенции городского Совета оставались вопросы социально-экономического развития, приватизации (общее руководство), бюджет города, местные налоги и аренда городской собственности.

При обсуждении механизмов выборов мэра города главным вопросом, волновавшим депутатов городского Совета, стал круг прав и обязанностей главы города. Возникли опасения, что избираемый мэр в своих правах не будет отличаться от председателя исполкома, что считалось недопустимым, так как выборы мэра предполагалось сделать всеобщими, в то время как председатель исполкома избирался депутатами городского Совета. С другой стороны, предоставление мэру значительных полномочий могло привести к фактической узурпаций им власти в городе. При этом депутатский корпус, не имея эффективных рычагов влияния на мэра, сталкивался с перспективной превратиться в машину для голосования, автоматически утверждающую решения главы города[1].

В любом случае, вопрос о полномочиях мэра оказался ключевым. Предполагалось наделить мэра правом создавать по своему усмотрению городскую администрацию. Если между мэром и городским Советом возникали непреодолимые разногласия, которые не удастся преодолеть путем переговоров и взаимных компромиссов, Президент РСФСР должен был выступить в качестве посредника и назначить новые выборы Совета и мэра. Препятствием на пути к избранию мэра депутаты видели необработанность механизма реализации Закона РСФСР «О местном самоуправлении», который только недавно был принят и ещё не был опробован на практике в регионах страны. В качестве образцовой модели были взяты положения о мэре Москвы и Ленинграда. Именно на ленинградский опыт предлагал опереться С.С. Соловьёв, приводя в качестве примера недавно избранного мэра Ленинграда А.А. Собчака и его подходы в управлении городом, которые С.С. Соловьёв описал так: «уволить всех и заключить контракт с теми,

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 81.

кто работает нормально, и положить соответствующую зарплату, и спрашивать с них»[1].

При проведении аналогии с крупными городами, выступавший в поддержку выборов мэра депутат Е.И. Егоров привел следующий аргумент: в случае Москвы и Ленинграда в системе управления город стоит над областью. Владивосток, по его оценке, напротив, оказался в положении придатка края, причем краевые органы власти перехватывали полномочия в принятии ключевых решений у городских[2]. Данное утверждение имело под собой определенное основание. К примеру, Владивосток являлся на тот момент единственным городом Приморья, который не имел собственного городского управления торговли. Это влекло за собой необходимость постоянного рабочего контакта с краевыми властями в деле снабжения города.

По мнению депутата В.Г. Дмитриева, будущий мэр не сумеет эффективно претворять свои решения в жизнь, так как горисполкому (и предполагаемой городской администрации как его прямому преемнику) на тот момент не были подчинены службы обеспечения жизнедеятельности города, остававшиеся в ведении краевого Совета и крайисполкома. В связи с этим в качестве необходимой меры предполагалось создать комиссию по вопросам разграничения полномочий между краевыми и городскими органами власти[3].

Серьёзные опасения депутаты городского Совета высказывали по поводу предполагаемой даты выборов главы городской администрации – 29 сентября 1991 г. Исполняющий обязанности председателя городского Совета С.С. Соловьёв аргументировал такой выбор следующими мотивами: ранее этой даты избрание мэра нежелательно, так как кандидатам невозможно будет провести полноценную предвыборную кампанию. На более поздние сроки выборы отодвигать тоже было нецелесообразно, так как допускалась вероятность второго тура, что дополнительно заняло бы еще две недели. Фактически, избрание мэра

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 83.
[2] Там же. Л. 60, 91.
[3] Там же. Л. 83.

могло затянуться до конца октября. В этом случае у главы города не останется времени, чтобы сформировать свою администрацию и наладить подготовку города в зиме[1].

Однако выбор даты 29 сентября всё же вызвал существенные нарекания. Депутат Н.И. Любарец указал на то, что с 1 по 29 сентября подготовка избирательных участков в школах города совпадет с началом учебного года. Также следовало принять во внимание, что молодые избиратели из числа студентов будут в сентябре находиться на сезонных сельскохозяйственных работах, поэтому не сумеют полностью реализовать свое право на участие в выборах. Поступило предложение перенести дату выборов на три недели и избрать мэра в октябре. Со стороны депутатов также прозвучала идея передать вопрос о дате выборов мэра Владивостока на усмотрение Верховного Совета РСФСР, который должен был утвердить решение горсовета о назначении выборов главы городской администрации[2]. Данные предложения не получили широкой поддержки со стороны депутатов.

Окончательно городской Совета в своём решении «О выборах главы местной администрации – мэра г. Владивостока» просил Президиум Верховного Совета РСФСР назначить избрание мэра Владивостока на 29 сентября 1991 г[3]. Однако намеченные выборы не состоялись в связи со стремительно меняющейся после событий 19-21 августа политической обстановкой в стране, а также принципиально новой моделью формирования институтов местного самоуправления, принятой руководством РСФСР[4]. Остается добавить, что выборы главы администрации Владивостока тесно связывались с предстоящим открытием города.

Ещё во второй половине 1990 г. в повестку дня Приморских властей был внесен вопрос об изменении статуса города Владивостока. К этому времени

---

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 127. Л. 77.
[2] Там же. Л. 93-94.
[3] Там же. Л. 12.
[4] Петров Н.В. Разделенный суверенитет по-российски: Взаимоотношения Москвы и регионов // Практика федерализма. М.: Весь мир, 1999. С. 134.

город-порт всё ещё сохранял «закрытый» статус и был ограничен для посещения иностранцами, а также гражданами СССР, не имевшими местной прописки. В годы перестройки в условиях новой внешнеполитической и экономической обстановки такое положение воспринималось как рудимент эпохи «холодной войны». 19 сентября 1990 г. депутаты Владивостокского городского Совета приняли решение о необходимости открытия краевого центра. «Осознавая необходимость значительного повышения уровня жизни жителей Владивостока – говорилось в документе, – желая превратить Владивосток в кратчайшие сроки в международный центр культуры, науки, торговли и туризма, конкурентоспособной наукоемкой промышленности, ориентируясь на формирование условий для свободного предпринимательства и перехода к рыночной экономике, понимая важность укрепления демократической власти путем создания социальной стабильности и новых основ местной финансовой политики»[1].

Владивосток провозглашался городом, открытым для въезда и проживания граждан и подданных любой страны. Предполагалось открыть порты Владивостока для захода иностранных судов. Территория города Владивостока объявлялась открытой для свободного предпринимательства, в том числе с участием иностранного капитала. Для утверждения данных предложений депутаты горсовета обратились в Верховный Совет и Совет Министров РСФСР с просьбой о снятии ограничений, препятствующих открытию города[2]. Однако в тот момент эта просьба не была исполнена.

Помимо решения вопросов местного самоуправления, депутаты Приморского краевого Совета приняли деятельное участие в разработке новых принципов организации власти и распределения полномочий между центральными, региональными и местными органами власти и управления. Причина, по которой власти Приморского края взялись за решение несвойственных ранее им политических вопросов, связанных с государственным

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 23.
[2] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 26. Л. 17.

устройством России, заключалась в стремлении защитить свои интересы в ходе разработки новой Конституции России[1]. Работа над её проектом началась летом 1990 г. и сопровождалось широкой дискуссией вокруг положений будущего Основного закона[2].

Решение о создании Конституционной комиссии и разработке новой Конституции было принято 16 июня 1990 г. на завершающем этапе I Съезда народных депутатов РСФСР. Конституционная комиссия под председательством Б.Н. Ельцина включала 100 народных депутатов РСФСР[3]. В их число вошёл народный депутат РСФСР А.А. Волынцев, одновременно занимавший пост председателя Приморского краевого Совета. Его работа проходила в подкомиссии № 2, отвечавшей за разработку положений, касающихся избирательной системы, высших органов государственной власти и местного самоуправления[4].

Участие края в работе над Конституцией также выразилось в рекомендациях, подготовленных постоянной комиссией по делам Советов, развитию местного самоуправления и национальным вопросам Приморского краевого Совета. По заключению членов комиссии, рассмотревших ранний проект Конституции, некоторые основополагающие разделы, такие как основы конституционного строя, система государственной власти, федеративное устройство, по заключению комиссии, нуждались в широком всенародном обсуждении и утверждении на референдуме. Некоторые положения проекта, по заключению депутатов, явно опирались на опыт буржуазной государственности, а многие статьи не имели должной юридической проработки[5].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1344. Л. 152.

[2] Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.) Т. 1 / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, Фонд конституционных реформ, 2007. С. 23.

[3] Об образовании Конституционной комиссии: Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 16.06.1990 г. № 37-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 3. Ст. 24.

[4] Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) Т. 1 / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, Фонд конституционных реформ, 2007. С. 80.

[5] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1344. Л. 152.

Одной из первоочередных задач по совершенствованию и упорядочению взаимодействия государственных органов власти РСФСР, включая территориальные структуры общероссийских ведомств, с руководящими органами краев и областей, было признано чёткое и недвусмысленное разграничение полномочий различных уровней власти. Согласно проекту, разработанному краевым Советом, предполагалось оставить в исключительной компетенции властей Приморского края полномочия по проведению выборов в органы власти, управления и суда Приморского края, по определению структуры и функций этих органов, по регулированию торговли и руководству краевой милицией. Планировалось также предусмотреть возможность регионам участвовать в ратификации поправок в Конституции России. Федеральные органы власти России не имели права изменять границы субъектов без их согласия, вводить прямые и косвенные налоги без согласия краевых властей, предоставлять льготы одним субъектам Федерации в ущерб другим. Со стороны регионов не допускалось нарушение Конституции и законов РСФСР, основанных на федеративном договоре, а также самостоятельное заключение международных соглашений и присоединение к уже существующим[1].

Депутатам краевого Совета также выпала возможность выразить свою позицию в отношении набиравшего обороты конфликта между руководством СССР и РСФСР. Очередной виток «войны законов» был связан с попыткой российских властей осенью-зимой воплотить на законодательном уровне положения Декларации о суверенитете РСФСР, в том числе взять под контроль финансовые потоки и имущество на территории республики, а также добиться приоритета российских законов над союзными[2].

На сессии Приморского краевого Совета 2 ноября 1990 г. большинством голосов депутаты приняли решение, в котором указали на то, что союзное правительство в условиях тяжелейшего экономического кризиса показало свою

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1344. Л. 109, 152.
[2] Тарасова Е.А. «Война законов» РСФСР-СССР в 1990-1991 гг. // Научный диалог. 2016. № 9. С. 235.

несостоятельность в управлении и руководстве государством. Власти СССР, по мнению депутатов, демонстративно игнорировали суверенные права России и противодействовали преобразованиям, направленным на вывод республики из экономического и политического тупика. Краевой Совет решил поддержать требования Верховного Совета РСФСР об отставке союзного руководства и постановил в своей работе принимать решения на основе законодательных актов РСФСР, а также тех законов СССР и постановлений союзного правительства, которые ратифицированы Верховным Советом России[1]. По результатам голосования из 156 депутатов 109 проголосовали «за», 38 – «против». Председатель крайисполкома В.С. Кузнецов поддержал решение, в то время как председатель краевого Совета А.А. Волынцев голосовал против[2].

Событием, ставшим своеобразным индикатором общественного мнения и показателем политических настроений граждан стали выборы первого Президента РСФСР, закончившиеся убедительной победой Б.Н. Ельцина в первом туре. В среднем по стране за Б.Н. Ельцина проголосовали 57,3% избирателей[3]. В Приморье ему выразили доверие 61,45% избирателей[4], во Владивостоке уровень поддержки составил 69,79%. Лишь четверть избирателей, участвовавших в выборах, отдали свои голоса кандидатам-коммунистам (Н.И. Рыжкову, А.М. Макашову, В.Н. Бакатину, А.М. Тулееву)[5]. Аналогичные результаты с поправкой на несколько большее количество голосов, поданных за Н.И. Рыжкова в некоторых районах края, были характерны и для Приморья в целом[6].

Подводя итоги организационного развития советской власти Приморья в 1990-1991 г., можно сделать вывод, что местные Советы народных депутатов краевого, городского и районного уровней, сформированные по результатам

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 28.
[2] Там же. Л. 33.
[3] Борисов Н.А. Учреждение института Президента России: правила игры в условиях неопределенности // Ars Administrandi. 2016. № 1. С. 32.
[4] Буянов Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988–1995 гг.) Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 71.
[5] ГАПК. Ф. П-3. Оп. 30. Д. 408. Л. 89.
[6] Там же. Л. 90.

выборов весной 1990 г. в целом отражали общероссийские тенденции. Депутатский корпус обновился за счет значительного количества новых людей, не имевших до этого опыта работы в Советах. Партийный и идейный состав Совета перестал быть монолитным, в нём появились различные группы депутатов, отстаивающих противоположные интересы и имевших собственные взгляды на будущие политические и экономические преобразования в крае. При сохранении в Советах значительного депутат числа депутатов, состоящих в КПСС или бывших кандидатами в члены компартии, наблюдалось падение авторитета партийных структур и снижение влияния Приморского комитета компартии на работу Советов и исполкомов. В Приморском краевом Совете были представлены организованные группы демократической оппозиции и отдельные депутаты, выступавшие за переориентирование региональной власти с политики союзного правительства на позицию руководства РСФСР, а также в целом за ускорение политических и экономических преобразований.

Формирование руководящих органов Советов и исполкомов проходила в условиях широкого обсуждения предложенных кандидатур, однако руководящие посты в краевом Совете достались представителем устоявшиеся региональной партийно-государственной элиты, к которой принадлежал председатель Совета А.А. Волынцев и его ближайшее окружение. Оппозиционным депутатам, несмотря на участие в голосовании, не удалось провести своих кандидатов.

Вместе с тем при формировании крайисполкома должность его руководителя была предложена В.С. Кузнецову, который ранее был научным работником и не занимал высоких управленческих постов в исполнительных структурах Советов. Для региональных исполкомов 1990 г. это было нетипичное назначение, свидетельствующее о том, что краевой Совет готов к кадровому обновлению своих исполнительных органов и испытывает нужду в управленцах, способных за счёт новаторских подходов вывести регион из кризисного положения.

Общесоюзные и общероссийские политические процессы отразились на деятельности Приморского краевого Совета возможностью участия местных

депутатов в разработке рекомендаций Конституционной комиссии РСФСР. В деятельности самой комиссии с лета 1990 г. принимал участие председатель краевого Совета А.А. Волынцев.

В дальнейшем процесс реформирования системы Советов и внесения в неё новых компонентов, направленных на усиление исполнительной власти на местах, нашел отклик среди депутатов краевого, городских и районных Советов Приморья. Поиск новых организационных форм власти на местах не был простым и выявил существенные проблемы во взаимодействии Советов и исполкомов краевого, городского и районного уровней. Дальше всех в разработке новых подходов к организации местного самоуправления продвинулись власти города Владивостока. Используя опыт столичных городов, а также возможности, предоставленные новым законодательством, депутаты Владивостока вплотную подошли к осуществлению проекта по реорганизации исполнительной власти.

Начавшееся противостояние российского и союзного центров власти, а также прошедшие выборы Президента РСФСР показали, что Приморский край следует в русле общероссийских тенденций – происходит постепенное падение авторитета союзной власти. Вместе с тем наиболее радикальные идеи руководителей РСФСР по коренному государственному и общественному переустройству страны и разрыву с социалистической моделью пока воспринимались настороженно и не получили однозначной поддержки у депутатов Приморского краевого Совета.

Глава 2 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРЬЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРЕСТРОЙКИ (1990-1991 ГГ.)

2.1 Экономические проблемы региона в работе Советов народных депутатов Приморья

Возросшие запросы населения побудили власти СССР в 1980-е гг. внести коррективы в социально-экономическую политику в отношении Дальнего Востока. На состоявшейся в декабре 1985 г. сессии Приморского краевого Совета народных депутатов активно обсуждались вопросы экономического и социального развития подотчетных территорий[1]. Наряду с присущим тому времени заявлениями о предстоящей большой работе по ускорению развития народнохозяйственного комплекса, были озвучены и некоторые конкретные проблемы, стоящие перед краевым руководством. В частности, депутат П.М. Назаров констатировал, что в 1985 г. бюджет края выполнялся с большим напряжением. Председатель плановой бюджетной комиссии А.А. Ткачев отмечал, что в 1985 г. управлениями местной и пищевой промышленности не были выполнены планы по производству многих видов продукции, а большинство торгующих организаций края не справились с планом товарооборота. Не выполнен был также план бытовых услуг населению[2]. Выступавший с докладом заместитель председателя крайисполкома В.Е. Ломоновский так охарактеризовал процесс: «Идет, образно говоря, всенародная инвентаризация нашего большого общего хозяйства, выявляются резервы, так нужные для ускоренного движения вперёд»[3].

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 54. Л. 97.
[2] Там же. Л. 30, 35.
[3] Там же. Л. 11.

В дальнейшем задачи, стоящие перед краевым Советом и его крайисполкомом, были конкретизированы в решении четвертой сессии от 19 марта 1988 г. «О задачах Советов народных депутатов и хозяйственных органов края по реализации долговременной программы развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года»[1]. Принимаемые меры развития подведомственных территорий оценивались как недостаточные.

К 1989 г. стало очевидно, что разработанная в рамках централизованной системы долговременная государственная программа не может быть выполнена без существенных корректировок. Стратегия развития края и её ключевые направления в последующие годы формировались в условиях кардинальной перестройки экономической системы[2]. При обсуждении вариантов экономического и социального развития края принимались во внимание такие первоочередные проблемы, как стабилизация потребительского рынка, оздоровление финансов и восстановление эффективного денежного обращения, осуществление комплексных мер по формированию структур рыночной экономики и отработка рыночных механизмов на практике, социальная переориентация экономики с целью улучшения условий жизни населения[3].

В 1990 г. началось снижение абсолютных объемов производства в ряде отраслей народного хозяйства, составившее в регионах Дальнего Востока от 3 до 5%. Одновременно с этим наблюдалось снижение уровня жизни населения[4]. В Приморском крае сложилось тяжелое положение с обеспечением населения товарами народного потребления, в особенности – продовольствием. Разрыв между потребительским спросом и предложением товаров стремительно

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 232.

[2] Савченко А.Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987-1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краев) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 130.

[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 5.

[4] Бакланов П.Я. Дальневосточный регион: общее экономическое положение и проблемы развития // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. С. 8.

увеличивался. Крайне тяжелое положение складывалось и в производстве непродовольственных товаров, собственным производством край мог себя обеспечить всего на 29%. При этом отдельные предприятия допустили сокращение выпуска товаров народного потребления[1].

Итоги развития народнохозяйственного комплекса края в конце 1980-х гг. и в 1990 г. свидетельствовали о нарастании кризисных явлений в экономике края, затрагивающих почти все её отрасли. Наблюдался дальнейший спад производства, острая нехватка продовольствия, товаров народного потребления, нарушение баланса в финансовой сфере. Снижение объемов выпуска продукции имело место почти во всех отраслях производства. Причину подобных явлений власти края видели в нарушении договорных обязательств, недостатке материальных ресурсов, падении дисциплины. Сложившаяся обстановка существенным образом отразилось на подготовке краевых органов управления к работе в 1991 г[2].

К началу 1991 г. народно-хозяйственный комплекс Приморского края переживал серьёзные трудности. По сравнению с 1990 г. упали показатели заготовки древесины, производства пиломатериалов, цемента, кирпича, большинства видов пищевых продуктов, в том числе и рыбных. 62% предприятий края снизили объемы производства, а более 30% не сумели обеспечить выполнение договорных обязательств. В 1991 г. процесс снижения объемов производства продолжился. Многие предприятия и организации края оказались не готовы к работе в новых условиях, а также не располагали достаточными средствами на содержание объектов социальной сферы, находящихся у них на балансе[3].

Своим решением от 7 февраля 1991 г. Приморский краевой Совет расставил приоритеты развития народнохозяйственного комплекса следующим образом: на первом месте – стабилизация потребительского рынка, оздоровление финансов и

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1315. Л. 5.
[2] Там же. Л. 6.
[3] Победа. 1991. 23 апреля.

восстановление денежного обращения. Далее – меры по формированию структур рыночной экономики и отработка рыночных механизмов на практике, социальная переориентация экономики с целью улучшения условий жизни населения. Совет поручил крайисполкому совместно с городскими и районными исполкомами и промышленными предприятиями увеличить производство товаров народного потребления продовольственной и непродовольственной групп за счет использование льготных экономических условий[1].

Приморский край в начале 1991 г. остался без официально утверждённого бюджета. Его пришлось разрабатывать и принимать в условиях начавшегося перехода к рынку. Согласованные в итоге статьи краевого бюджета по большинству показателей доходов носили скорее характер прогноза, а не правовой нормы. При определении суммы ожидаемых поступлений доходов за основу были приняты налоговые методы регулирования экономики. Соответственно, структура поступающих доходов изменилась. Теперь налоговые поступления должны были обеспечить 95% доходов бюджета, что намного превышало показатели прошлых лет, когда налоги давали только 65% доходов. В ходе обсуждения проекта бюджета Приморского края, вынесенного на сессию краевого Совета, недовольство проявляли представители многих городов и районов края. Начальник финансового управления крайисполкома Н.Г. Садомский констатировал, что при распределении бюджетных средств оказалось невозможно учесть все местные интересы. Оставался нерешенным вопрос получения дополнительных 150 млн. рублей, необходимых для обеспечения населения продовольствием и выполнения программы возрождения села[2].

Возникли трудности в товарной отрасли края, выразившиеся в невозможности насыщения рынка товарами народного потребления и удовлетворения потребностей жителей края в продуктах питания. Наблюдалось резкое снижение товарных запасов на складах, рос список дефицитных товаров.

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1314. Л. 6.
[2] Знамя труда. 1991. 23 апреля.

Всё это вело к соответствующему росту неудовлетворенности граждан и к падению авторитета власти[1].

Несмотря на то, что зима 1990-1991 гг. для жителей городов и сел Приморья, а также промышленных и сельскохозяйственных предприятий прошла относительно благополучно, вследствие недостатка топлива и электроэнергии широко распространилась практика отключения отопления и электричества. В 1991 г. ожидалось обострение ситуации в топливно-энергетическом комплексе. Согласно прогнозу, производство угля могло снизиться минимум на 5%, а древесины и пиломатериалов – на 20% (по причине несовершенства системы лесозаготовок). Существенной проблемой в области энергоснабжения стал возрастающий дефицит угля – более 4,5 млн. тонн, усугубившийся отсутствием отработанного механизма ресурсосбережения. Для восполнения нехватки угля потребовался его ввоз из других регионов страны, что предполагало, в свою очередь, повышение транспортных расходов. Главную причину создавшегося кризисного положения депутаты краевого Совета видели в невыполнении заданий по вводу энергетических мощностей и продолжавшееся сокращение добычи угля в Приморье. Для частичной ликвидации последствий катастрофического ухудшения ситуации в этой отрасли предполагалось вложить в топливно-энергетический комплекс 654 млн. руб., что в ценах 1991 г. выходило в полтора раза больше, чем в прошлом году. Для снижения дефицита электроэнергии была поставлена задача форсировать строительство Приморской ГРЭС, Владивостокской ТЭЦ-2, Уссурийской ТЭЦ, а также постройку и реконструкцию ряда других объектов топливно-энергетического комплекса[2].

Еще в сентябре-ноябре 1990 г. краевой Совет признал ситуацию, сложившуюся в агропромышленном комплексе края, критической и заявил о необходимости принятия чрезвычайных мер по завершению уборки урожая, заготовке кормов, подготовке животноводства к зимовке и обеспечению населения края продовольствием. Он требовал от местных Советов совместно с

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1130. Л. 18.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 10-11.

заготовительными и торговыми организациями срочно изыскать и завезти из других регионов недостающее количество продовольствия, в частности, овощей и картофеля[1]. Крайисполком получил указание обратиться в Совет Министров РСФСР с предложением о выделении дополнительных объемов добываемой и производимой продукции в распоряжение краевых властей для заключения бартерных сделок с другими регионами страны и соседними государствами для улучшения продовольственной ситуации[2].

Положительных изменений, однако, не наблюдалось. План производства отдельных продовольственных товаров на 1991 г. оказался ниже уровня 1990 г. на 22 млн. рублей, в том числе по мясным продуктам, картофелю и овощам. Темпы роста производства товаров народного потребления отставали от запросов населения. К началу 1991 г. планируемый товарооборот обеспечивался выпускаемыми в крае товарами народного потребления только на 76%, что было на 8% меньше, чем в 1990 г[3].

В агропромышленном комплексе ожидались существенные перемены в связи с постановлением Совета Министров РСФСР от 20 декабря 1990 г. «О продовольственном налоге и государственном заказе РСФСР на поставку сельскохозяйственной продукции в 1991 г.». Приморскому краю был определен продналог на уровне 40% производства 1988-89 гг., составлявший в натуральной продукции 70 тыс. тонн зерна, 34 тыс. тонн сои, 32 тыс. тонн продукции животноводства и птицеводства, 110 тыс. тонн молока. Поставки сельскохозяйственной продукции в счет продовольственного налога должны были оплачиваться по государственным закупочным ценам, которые повышались в 1991 г. в 2-3 раза. Для обеспечения гарантированных поставок отдельных видов продовольствия для крупных промышленных центров и предприятий общественного питания на 1991 г. устанавливался государственный заказ[4].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1130. Л. 18.
[2] Там же. Л. 37.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1142. Л. 58.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 17.

По расчетам краевых властей, уровень жизни в скором времени мог измениться, причем не в лучшую сторону. Его показатель напрямую зависел от сбалансированности денежных доходов и расходов населения. В 1991 г. прогнозировался прирост доходов на 5%, а увеличение потребительских расходов – на 6,5%. Запланированное увеличение ввоза в край товаров на 27% за счёт внешнего и внутреннего рынка не могло кардинальным образом улучшить ситуацию[1].

Для изыскания дополнительных ресурсов, закупки и ввоза недостающих товаров, а также в целях повышения заинтересованности коллективов в изыскании необходимой продукции за пределами края, предполагалось заручиться помощью и содействием организации потребительской кооперации[2]. Также было принято решение о создании товарообменного фонда края. Фонд был создан решением сессии Приморского краевого Совета народных депутатов от 19 сентября 1990 г. Главной целью стало насыщение рынка товарами, не производимыми на территории края, и удовлетворение потребностей жителей в продуктах питания, недополученных в колхозах и совхозах из-за стихийных бедствий. Товарообменный фонд создавался из продукции, пользующейся спросом за пределами края. Фонд должен было получать 10% продукции, вырабатываемой ключевыми предприятиями Приморья[3].

Однако значительное число предприятий, ссылаясь на трудности, связанные с необеспеченностью производства сырьем и материалами, не приступили к наполнению товарообменного фонда. Многие предприятия не информировали крайисполком о работе с заграничными партнерами и о заключенных с ними контрактах, ссылаясь на то, что содержание договоров относится к коммерческой тайне. В связи с этим не представлялось возможным оценить полезность данных

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 22.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1142. Л. 58.
[3] Там же. Л. 58.

контрактов для краевой экономики[1]. Проект наполнения товарообменного фонда оказался невыполнимым на практике.

Помимо прочего, пользуясь законом РСФСР «О хозяйственных связях на 1991 г.», почти каждое предприятие стремилось реализовать самостоятельно 20% выпущенной продукции для собственных нужд. Дефицит сырья на предприятиях края, специализирующихся на товарах народного потребления, к концу 1990 г. составлял от 40 до 70% к установленным планам[2].

Несформированная система оптовой торговли, низкая рентабельность производства и отсутствие гарантированных поставок ресурсов под госзаказ приводило к сокращению производства товаров народного потребления почти всеми крупными предприятиями Приморского края. В результате в 1991 г. ожидалось снижение объемов производства по сравнению с прошлым годом до 10%, а в некоторых районах, например Черниговском – даже больше[3].

Нарастающие признаки кризиса Советов и исполкомов как органов управления можно проследить по изменению повестки заседаний президиума краевого Совета и крайисполкома, а также по перечню вопросов, вызвавших наиболее острые дискуссии. В ходе работы открывшейся 26 июня 1991 г. 5-й сессии, одним из главных вопросов стал отчет о работе крайисполкома[4]. В своем докладе В.С. Кузнецов констатировал неуклонное нарастание кризисных тенденций. Говоря о ранних прогнозах, предполагавших, что в ближайшие 2-3 года ситуация существенно не изменится, он с сожалением признал, что подобные ожидания оказались чрезмерно оптимистичными. Столь масштабного распада хозяйственных связей предвидеть было невозможно.

К концу 1990 – началу 1991 гг. оказались разрушенными все основные элементы единого экономического пространства, а именно: финансовая система и денежное обращение, плановое хозяйство, отраслевое управление, исполнительская и договорная дисциплина. Обстановка на территории

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1507. Л. 47.
[2] Там же. Л. 23.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 24.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 1.

Приморского края, как и в других регионах, всё отчётливее выходила из-под контроля Советов. В стране наблюдалось усиление политической нестабильности, центробежных тенденций. Усугубляло ситуацию прекращение выполнения обязательства регионами – производителями сельскохозяйственной продукции, которые во многих случаях прекратили поставки в союзные и республиканские фонды[1]. Край на 57% снабжался привозным продовольствием, что ставило его в зависимость от поставщиков, которые, в свою очередь, всё чаще не выполняли свои договорные обязательства[2]. К началу 1991 г. наблюдались факты недопоставок продуктов и несвоевременного заключения договоров о поставках, а то и полное их отсутствие[3].

Крайисполком обращался в Государственный комитет по экономике РСФСР с просьбой об увеличении дотаций на пищевые продукты, однако положительного ответа не получил. В этой связи сохранение прежнего уровня потребления многих продуктов представлялось маловероятным. Это усугубилось также ростом розничных цен[4].

Ещё одна задача краевых властей заключалась в снижении напряжённости на рынке услуг. Эту проблему нельзя было решить ни за счёт существующих запасов, ни путём ввода из других регионов страны или из-за границы. Ухудшению ситуации способствовала также пассивная позиция исполкомов городских и районных Советов, занятая ими в вопросах формирования объемов платных услуг. Во многих случаях исполкомы шли на поводу у предприятий, соглашаясь с их предложениями и не учитывая потребности населения городов и районов[5].

Для того чтобы в 1991 г. стабилизировать потребительский рынок, крайисполком поставил перед собой задачу добиться от Верховного Совета РСФСР принятия закона о приоритетном развитии Дальневосточного

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп .37. Д. 1323. Л. 12-13.
[2] Знамя труда. 1991. 23 апреля.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 18.
[4] Там же. Л. 19.
[5] Там же. Л. 26.

экономического региона. Такой закон должен был предусмотреть льготное налогообложение, существенные капитальные вложения в развитие социальной сферы, а также освобождение предприятий и организаций от платежей в союзный бюджет. Кроме того, для проведения структурной перестройки ряда отраслей хозяйственного комплекса необходимо было, по мнению крайисполкома, поставить вопрос перед властями РСФСР и СССР об оставлении на десятилетний срок в распоряжении Приморского края всей валютной выручки, получаемой предприятиями и организациями, действующими на его территории[1].

Из основных задач первой половины 1991 г. особого внимания требовали две: разработка концепции развития края и создание условий для реализации внешнеэкономического потенциала региона. Для решения этих вопросов потребовалась помощь Дальневосточного отделения Академии наук СССР и координация с другими регионами Дальнего Востока в рамках Дальневосточной ассоциации Советов, однако единая концепция развития Приморского края в 1990-1991 гг. так и не была разработана, её принятие откладывалось на начало следующего года. Существенную проблему в работе Совета и исполкома края представляли внешнеэкономические и международные связи. Два работника исполкома – заместитель председателя по внешним связям В.К. Лозовой и начальник отдела внешних связей В.П. Туманов – не справлялись с грузом работы. Требовалось больше квалифицированных специалистов, которых в тот момент найти не удалось[2].

Помимо прочего, крайисполком вплотную занялся обсуждением экономической реформы, необходимость и неизбежность которой отстаивало руководство РСФСР. Однако конкретные цели, содержание и методы осуществления планируемой реформы оставались предметом ожесточённых споров и дискуссий, приняв в итоге характер серьезной политической борьбы. В.С. Кузнецов цель реформы видел в установлении единых правил для всех субъектов хозяйственной деятельности, поскольку процесс распада, по его

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 29.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 21.

оценке, зашёл столь далеко, что «многие считают, будто в каждом регионе могла бы быть проведена своя реформа»[1].

К началу 1991 г. краевые власти, опираясь на принципы рыночной экономики, приступили к формированию инфраструктуры поддержки предпринимательства и новых экономических форм, к демонополизации, разгосударствлению и поощрению предпринимательской инициативы. На практике это проявилось в их содействии созданию Дальневосточной биржи. Обсуждалось создание ещё двух универсальных товарно-фондовых бирж и Дальневосточного банка развития. К лету 1991 г. в крае работало более 2200 кооперативов. Объём продаж товаров и услуг кооперативного сектора экономики превысил 1 млрд. 200 млн. руб., что составило примерно 1/10 часть валового продукта региона. По прогнозу крайисполкома кооперативы могли «в ближайшие два-три года удовлетворить потребности жителей в товарах народного потребления»[2], что на деле оказалось неоправданным оптимизмом. Кроме того, далеко не все кооперативы действовали в правовом поле, соблюдая установленные законом ограничения. Так, ещё с 1989 г. неоднократно фиксировалось их участие в организации незаконного видеопроката и издательской деятельности[3].

В.С. Кузнецов отмечал исключительно быстрый рост числа малых предприятий: если в начале 1990 г. их были единицы, а за весь год было зарегистрировано около 300, то за первые 4 месяца 1991 г. появилась ещё более 700 предприятий, что стало прямым следствием поддержки этой формы экономической деятельности. Был дан старт созданию акционерных обществ, однако отсутствие рынка ценных бумаг препятствовало превращению этого процесса в массовый. Содействие также оказывалось объединениям, союзам и

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 20.
[2] Там же. Л. 17.
[3] Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: от «барахолки» к рынку // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 105.

ассоциациям. Поддержка этих форм экономической деятельности должна была помочь преодолеть систему административно-командного диктата[1].

Активно включались в развитие новых экономических форм города и районы края. К примеру, на начало 1991 г. в Красноармейском районе было зарегистрировано 44 кооператива, 5 малых предприятий, ассоциация бытового обслуживания. В их работе было задействовано около 1 тыс. человек. Решением Красноармейского райисполкома был утвержден социальный заказ кооперативам на строительство жилья, объектов социально-культурного и бытового назначения, типографии, музыкальной школы и радиомастерской. В целях регулирования процессов перехода предприятий к рынку и установлению многообразия форм собственности, сессия районного Совета создала комитет по приватизации, разгосударствлению и экономической реформе. Было проведено два заседания, в том числе одно выездное в поселке Восток на крупнейшем предприятии района – Приморском горно-обогатительном комбинате, выработаны общие с администрацией и специалистами предприятий подходы для самостоятельного выхода на зарубежный рынок[2].

В соответствии с постановлениями Кабинета Министров СССР и Совета Министров РСФСР, в стране проводилась активная работа по пересмотру оптовых цен на продукцию материально-технического назначения, а также закупочных цен на продукцию сельского хозяйства. Во многих случаях требования пересмотра цен исходили от самих производителей: шахтеров, нефтяников, работников сельского хозяйства и других отраслей. В докладе заместителя председателя крайисполкома А.И. Иваненко, посвященном развитию села и улучшению обеспечения населения продовольствием, в отношении розничных цен был озвучен следующий факт: цены на большинство промышленных и производственных товаров, за исключением винно-водочной продукции, не покрывали затрат на их производство[3].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 17.
[2] Коммунист. 1991. 20 июля.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1312. Л. 25.

Одной из новых задач в работе краевых властей стало проведение земельной реформы. Этому способствовала и решительность российских законодателей, позволившая в короткий срок развернуть работы по инвентаризации неиспользуемых и нерационально используемых земель. В Приморье на середину 1991 г. было создано более 1200 крестьянских и фермерских хозяйств. По темпам реализации земельной реформы Приморский край был признан одним из лидеров среди регионов России, что, впрочем, не исключало конфликтов, активного и пассивного сопротивления административного аппарата. Тяжело решался вопрос материально-технического обеспечения крестьянских хозяйств[1]. Комитету по земельной реформе следовало ускорить работу по предоставлению населению края земельных участков в длительную аренду для возделывания сельскохозяйственных культур[2].

Представления о необходимости полного пересмотра существующих отношений собственности и неизбежности предстоящих перемен в начале 1990-х гг. постепенно обрели конкретные очертания и привели к идее разгосударствления и приватизации. Важным этапом на пути к пересмотру традиционных советских принципов имущественных отношений стало принятие «Основ законодательства Союза СССР и союзных республик об аренде»[3], где впервые допускалась возможность выкупа трудовыми коллективами имущества предприятий[4], а также Законы «О собственности в СССР»[5] и «О предприятиях в СССР»[6].

В 1990 г. идеи полной перестройки экономической системы приобрели влиятельных сторонников в новом руководстве РСФСР, предпринявшем в скором

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 17.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 30.
[3] Основы законодательства Союза СССР и союзных республик об аренде // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 25. Ст. 481.
[4] Карпов А.В., Кусяпкулова О.М. Развитие законодательства о приватизации в Российской Федерации // Дайджест-финансы. 2006. № 7. С. 39.
[5] О собственности в СССР: Закон СССР от 6.03.1990 г. № 1305-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164.
[6] О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4.06.1990 г. № 1529-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.

времени ряд политических шагов, приблизивших приватизацию[1]. Вступление в силу в конце 1990 г. Закона «Об обеспечении экономического суверенитета РСФСР»[2] и Закона «О собственности в РСФСР»[3], а также принципиальное решение Верховного Совета России проводить экономические преобразования на основе принципов программы «500 дней» закрепили курс на пересмотр отношений собственности как один из важнейших элементов перехода к рыночной экономике[4].

В это же время мнение о необходимости разгосударствления и приватизации распространилось среди представителей региональных и местных элит Дальнего Востока. Не стал исключением и Приморский край. С конца 1990 г. проблема разгосударствления и предстоящей приватизации все чаще появлялась в повестке дня сессий Советов народных депутатов. Региональные руководители Советов и исполкомов не оказывали противодействия будущим реформам[5], напротив, через их усилиями идеи разгосударствления стали внедряться и в трудовых коллективов предприятий[6].

К последовательным, хотя и осмотрительным сторонникам приватизации относил себя и В.С. Кузнецов[7]. Он смотрел на приватизацию с чисто теоретической позиции, ожидая получить от неё скорый экономический эффект. Впоследствии, на рубеже 1991-1992 гг. он обосновывал приватизацию как

---

[1] Берсенёв В.Л. Приватизация как символ современной экономической реформы в России // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: УрО РАН. 2018. Т. 1. С. 296.

[2] Об обеспечении экономического суверенитета РСФСР: Закон РСФСР от 31.11.1990 г. № 293-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 22. Ст. 260.

[3] О собственности в РСФСР: Закон РСФСР от 24.12.1990 г. № 443-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

[4] Полынов М.Ф., Тарасова Е.А. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989-1991 гг. // Новейшая история России. 2017. № 1 С.120.

[5] Ващук А.С. Роль архивных источников в изучении истории российской приватизации // Архонт. Электронный научный журнал. 2018. № 3. URL: https://www.arkhont.ru/2018-3 (дата обращения: 04.03.2020).

[6] Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 60.

[7] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1111. Л. 18.

основной путь привлечения иностранных инвестиций и создания свободных экономических зон в Приморье[1].

Уже 19 октября 1990 г. Главное планово-экономическое управление крайисполкома выпустило «Положение о разгосударствлении торговли, общественного питания и сферы услуг», ставшее первым нормативным актом, затронувшим данную сторону предстоящей экономической реформы.

Заметную активность проявили и власти краевого центра, проявившие еще большее рвение в деле продвижения идеи разгосударствления. С разгосударствлением связывали надежды на улучшение экономической ситуации председатель городского Совета В.Я Семёнкин и председатель горисполкома Е.М. Блинов[2]. Примечательно, что уже в конце 1990 г. руководители Владивостока заподозрили власти края в попытке притормозить реформы, «маскируясь под фиктивные действия разгосударствления» и тем самым добиться «сохранения существующей структуры под новой вывеской»[3].

21 ноября 1990 г. на сессии Владивостокского городского Совета состоялась обширная дискуссия по вопросам экономических реформ. Обмен мнениями наглядно продемонстрировал довольно туманное представление городских руководителей и большинства депутатов Владивостокского горсовета о способах и механизмах этого процесса. Сессия проходила в то время, когда население края со всей остротой ощущало кризис снабжения. Фактически большинство депутатов горсовета в то время видели выход из данного кризиса не столько в переходе к рынку, сколько в налаживании жесткого контроля над распределением. Это в большей степени соответствовало управленческим практикам предшествующих лет. Однако политическая борьба вокруг Программы «500 дней», прорыночная риторика властей РСФСР побудила многих из них, несмотря на слабую информированность о конкретных положениях программы перехода к рынку, поддержать реформаторов. При выработке решения 21 ноября

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1404. Л. 132.
[2] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 109-114.
[3] Там же. Л. 41.

1990 г. они подошли к нему, как к процедуре выполнения политического указания[1]. Депутаты явно были уверены в том, что имеют реальные возможности «защиты своих интересов и прав трудящихся» в период приватизации. В.Я. Семёнкин заявил: «Мы должны сами о себе думать и защитить своих избирателей при переходе к рынку». Даже бюрократический язык документа свидетельствует о доминировании взглядов на приватизацию как на честную процедуру: «Та программа действий, которую мы сейчас приняли,… явится не только руководством действовать, но и будет мероприятием социальной защиты»[2]. Депутаты приняли проект решения, который больше напоминал набор академических тезисов.

Тем не менее городской Совет в дальнейшей своей работе решил следовать плану действий по практической реализации программы перехода к рынку, дополнив его рекомендациями по разгосударствлению[3]. Поскольку в это же время активно обсуждался проект свободной зоны во Владивостоке, в короткие сроки было разработано «Дополнение к концепции развития города Владивостока в условиях зоны свободного предпринимательства». В соответствии ним в городе предстояло провести широкомасштабную инвентаризацию имущества и запустить приватизацию через акционирование предприятий[4].

Проявленный энтузиазм и подготовленные предложения на начальном этапе подготовки приватизации столкнулись с затруднениями, вызванными отсутствием нормативной базы на всесоюзном и республиканском уровне. Проблема работы в общесоюзном правовом поле вскоре потеряла актуальность вместе с ослаблением и фактической ликвидацией осенью-зимой 1991 г. сперва союзных структур власти, а затем и самого СССР[5]. Одновременно с этим реформаторский блок российского правительства спешно готовил правовую базу

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 5-8.
[2] Там же. Л. 7.
[3] Там же. Л. 41.
[4] Там же. Л.30.
[5] Коваленко С.Г. Распад СССР и новая вертикаль власти: 1990–1993 гг. (на примере Дальнего Востока России) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. № 1. С. 49.

приватизации, попутно решая и политическую задачу: заставить на местах «старые кадры» и вновь пришедших во власть людей на волне демократизации принять идеи приватизации. Политическое руководство Приморья в целом приняло эти идеи без возражений.

Принятый 3 июля 1991 г. Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР»[1] оживил работу в этом направлении, несмотря на то, что в последующие месяцы грядущая приватизация всё же отошла на второй план на фоне начавшейся реорганизации исполнительной власти и разграничения государственной собственности (включая бывшее имущество КПСС[2]) между органами власти и управления различных уровней[3]. Вместе с тем, подготовка властей Приморья к приватизации не прекращалось и была направлена, как подчеркивал и.о. председателя краевого Совета Д.Н. Григорович, в первую очередь на преодоление дефицита квалифицированных кадров[4].

Руководители Владивостока также использовали вторую половину 1991 г. для решения организационных и кадровых вопросов. «Первое, что мы должны создать, – отмечалось в обращении нового председателя городского Совета С.С. Соловьёва – это комитет по управлению городским имуществом, провести полностью инвентаризацию всего городского имущества. Собрать туда умных, инициативных людей, создать им все условия, оснастить необходимой техникой. И только после этого, убедившись, что у нас есть в наличии, приватизировать, проводить разгосударствление и т.д.»[5].

В конце декабря 1991 г. работа местных властей вновь получила дополнительный импульс, чему поспособствовал Указ Президента России «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»,

---

[1] О приватизации государственных и муниципальных предприятий: Закон РСФСР от 3.07.1991 г. № 1531-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.
[2] Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 25.08.1991 г. № 90 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1164.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1494. Л. 86-88.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 63.
[5] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1494. Л. 155.

утвердивший «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 г.» [1].

Принятые региональными и местными властями меры не сумели предотвратить злоупотреблений в ходе дальнейшей массовой приватизации. Процесс передела собственности вполне ожидаемо привлек представителей теневых и криминальных структур. Условия для их деятельности сформировались ещё до начала приватизации. К началу перестройки и сопутствующих ей социально-экономических преобразований в регионах СССР уже сложились предпосылки для появления организованных преступных группировок, специализирующихся в первую очередь на экономических преступлениях: хищениях, присвоении и растрате социалистической собственности. В отличие от предшествующих десятилетий, в годы перестройки наличие теневой экономики уже не ставилось под сомнение и официально не отрицалось государством. В перестроечные годы наблюдался устойчивый рост экономических преступлений, а также их масштаб[2].

По оценкам М.И. Леденёва, в СССР с 1985 по 1989 гг. количество зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. чел. увеличилась с 987 до 1096. Для регионов Дальнего Востока рост уровня преступности был почти в полтора раза выше – в Приморском крае количества преступлений возросло с 1339 до 1606[3].

В сентябре 1990 г., в ходе обсуждения вопроса о первоочередных мерах по укреплению правопорядка, депутаты краевого Совета констатировали, что, положение в правоохранительной деятельности в крае не улучшается. Опасным показателем, свидетельствующим о новых масштабах кризиса, стал рост

---

[1] Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий: Указ Президента РФ от 29.12.1991 г. № 341 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 3. Ст. 93.

[2] Крушанова Л.А. Экономическая преступность в России и её проявления на Дальнем Востоке (1985-1991 гг.) // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации. 2015. С. 175.

[3] Леденев М.И. Социальный фактор в концепции освоения и экономического развития Дальнего Востока // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. С. 15.

преступности в городах и районах Приморья. В 1990 г. значительно возросло количество корыстных, дерзких и групповых актов насилия, в том числе, совершаемых подростками. Устойчивый характер приобрели организованная преступность и рэкет, зачастую сопряжённые с неповиновением службам общественной безопасности. Более двух третей преступлений оставались нераскрытыми[1].

Также наблюдался рост числа противоправных действий, чему способствовало прекращение деятельности общественных формирований для помощи милиции, в том числе народных дружин. В связи с этим усложнилось пресечение хулиганских действий в общественных местах. На улицах городов и сёл в 1991 г. количество совершенных преступлений возросло на 16%. Число зарегистрированных умышленных убийств превысило прошлогодние показатели на четверть, количество случаев хищения государственного имущества возросло на 60%, число совершенных квартирных краж, грабежей и разбойных нападений увеличилась в среднем на 40% по сравнению с прошлым годом. Еще больше было зарегистрировано случаев мошенничества. По сообщению пресс-службы Управления внутренних дел Приморского края, всё чаще среди нарушителей закона выявлялись должностные лица, злоупотребляющие служебным положением. В сфере экономики было выявлено 1117 преступлений, в том числе 317 случаев хищения и 210 фактов спекуляции[2].

Объяснялось это не только кризисными явлениями в обществе и экономике, но также недостатками в работе правоохранительных органов. С возможным переходом края на режим Свободной экономической зоны в 1991 г. ожидалось ещё большее обострение преступности. В то же время средства из бюджета края, необходимые для поддержания правопорядка и обеспечения безопасности граждан, в полном объеме не направлялись[3]. В результате материальная база и

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 49. Л. 7.
[2] Знамя труда. 1991. 21 сентября.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1128. Л. 14.

техническая оснащенность органов правопорядка, уголовной юстиции и экспертных учреждений не соответствовала современному уровню.[1].

С учетом подготовки в СССР и в РСФСР государственных программ по борьбе с преступностью, краевой Совет посчитал необходимым разработать и принять на 1991-1995 гг. меры по укреплению правопорядка в крае и улучшению материально-технической базы в правоохранительных органах. Крайисполкому под руководством В.С. Кузнецова поручалась разработка краевой программы по борьбе с преступностью и создание фонда борьбы с преступностью[2].

Для обеспечения безопасности граждан в местах общественного пользования и на улицах городов края в 1991 г. была увеличена штатная численность патрульно-постовой, конвойной и дорожно-патрульной служб. Для нужд патрульно-постовой службы дополнительно было выделено 200 единиц автотранспорта.

С начала 1991 г. согласно официальной отчётности, снижение количества преступлений было зафиксировано в Пожарском, Чугуевском, Ольгинском и Тернейском районах. В городе Шкотово-17 (ныне Фокино) преступность сохранилась на уровне 1990 г. Во всех остальных городах и районах Приморского края количество преступлений возросло в среднем на 31%. Наиболее сложная ситуация сложилась во Владивостоке, Дальнегорске, Находке, в Хорольском, Лазовском, Михайловском, Надеждинском, Октябрьском, Партизанском, Пограничном, Уссурийском и Черниговском районах[3].

Чтобы снизить количество краж, краевой Совет предписал руководителям предприятий и учреждений, имеющим в своем ведении магазины, склады и торговые точки, обеспечивать охрану всех подведомственных организаций с помощью систем централизованного наблюдения. Данная мера, однако, не получила широкого применения в связи с отсутствием возможностей приобретения и подключения соответствующего оборудования. В связи с этим

---

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 49. Л. 7.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1128. Л. 15.
[3] Знамя труда. 1991. 21 сентября.

пришлось ограничиться охраной объектов силами сторожей, с обязательным внедрением автономных средств охранной и пожарной сигнализации[1].

В целях оказания помощи лицам, страдающим алкоголизмом, и для борьбы с набирающей обороты наркоманией и токсикоманией, началась разработка сети амбулаторных и стационарных отделений, а также центров социальной реабилитации для лиц, освобожденных из мест лишения свободы и лиц без определенного места жительства. Ответственными за реализацию принятых решений были назначены председатель крайисполкома В.С. Кузнецов и председатель постоянной комиссии по законности и охране правопорядка В.Н. Антонов. Для достижения поставленных целей на период с 1990 по 1995 гг. была разработана программа укрепления социалистической законности и правопорядка в Приморском крае, которая конкретизировала и уточнила детали работы по повышению эффективности правоохранительной системы[2].

В целом рост преступности оставался неотъемлемым атрибутом ухудшающейся социально-экономической обстановки в Приморском крае в переходный период. Принятые руководством края меры по повышению эффективности органов правопорядка не привел к снижению уровня преступности. Это неизбежно создавало дополнительную социальную напряженность в городах и районах края.

2.2. Проблемы социальной защиты населения в работе Советов народных депутатов Приморья

В условиях набиравшего обороты системного кризиса, охватившего страну к началу 1990-х гг., серьёзное испытание предстояло пройти практикам социальной защиты населения, сложившимся в предшествующий период. На юге Дальнего Востока в 1970-80-е гг. советскому руководству удалось выработать и осуществить принципы социальной политики, хоть и не лишенные недостатков,

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1128. Л. 16-17.
[2] Там же. Л. 19.

но в целом способные оградить регион от социальных потрясений и обеспечивающие определенное доверие к власти. Можно согласиться с утверждением А.С. Ващук, детально исследовавшей динамику социальных отношений на Дальнем Востоке в советский период, что система социально-экономических мер обеспечила дальневосточникам небогатую, но стабильную жизнь и способствовала поддержанию приемлемого уровня жизни, а характер социальной политики в целом соответствовал мировоззренческим устоям общества[1].

Важную роль в осуществлении социальной политики на местах играли Советы народных депутатов и их исполнительные структуры, в том числе органы трудоустройства, социального обеспечения и социально-экономического прогнозирования. Помимо органов Советской власти функции социальной защиты граждан также возлагались на предприятия и профсоюзные организации. Сфера деятельности Советов включала координацию усилий по социально-бытовому обслуживанию населения, строительству, производству товаров народного потребления, землепользованию и управлению трудовыми ресурсами.

Приморский краевой Совет определял социальную защиту населения как комплекс юридических, психологических, социальных и экономических мер, направленных на полное удовлетворение и сбалансированность материальных, духовных, культурных и национальных потребностей каждого человека. Целью социальной защиты являлось предотвращение социальных конфликтов путём учёта интересов различных групп населения, устранение противоречий и диспропорции экономического развития. Основными факторами социальной напряженности в Приморье к началу 1990-х гг. признавались резкие экономические изменения, падение уровня жизни, в том числе из-за стремительного повышения цен и дифференцирования доходов населения[2].

---

[1] Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 181-183.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 31.

Итоги развития народнохозяйственного комплекса края в конце 1980-х гг. свидетельствовали о нарастании кризисных явлений в экономике, затронувших почти все её отрасли, а, следовательно – и занятых в них граждан[1]. Ранее, в середине 1980-х гг. доходы приморцев продолжали расти, несмотря на присущие советской системе недостатки – борьбу ведомственных интересов, несовершенство контроля за распределением материальных ресурсов, а также сохранявшуюся проблему обеспечения населения жильём[2]. В 1990 г. началось снижение абсолютных объемов производства в ряде отраслей народного хозяйства, составившее в регионах Дальнего Востока от 3 до 5%. Одновременно с этим наблюдалось снижение уровня жизни населения[3].

Стратегия развития края разрабатывалась в условиях кардинальной перестройки хозяйственной системы. При обсуждении вариантов реализации экономической и социальной политики принимались во внимание такие первоочередные проблемы как стабилизация потребительского рынка, оздоровление финансов и восстановление эффективного денежного обращения, формирование структур рыночной экономики и отработка рыночных механизмов на практике, социальная переориентация экономики с целью улучшения условий жизни населения[4]. «Каждый гражданин нашего края должен быть защищён от негативного воздействия на него со стороны общества в целом» – гласила резолюция постоянной депутатской группы координационного совета по переводу экономики Приморья на рыночные отношения[5].

Аналогичными принципами руководствовались городские и районные Советы Приморья. Устанавливая критерии эффективной деятельности, депутаты Владивостокского городского Совета провозгласили главной целью своей работы

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 5.
[2] Власов С.А. Реализация государственных социальных программ на Дальнем Востоке в годы перестройки // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 81.
[3] Бакланов П.Я. Дальневосточный регион: общее экономическое положение и проблемы развития // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. С. 8.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 5.
[5] Там же. Л. 31.

достижение высоких стандартов социальной защиты населения, основанных на максимальном содействии роста потребительской корзины при условии обязательного обеспечения прожиточного минимума для всех социальных групп: «Всякое действие Совета оценивается по вкладу в «корзину потребления» (сегодняшнюю или завтрашнюю), происходящему по результату принятых им решений»[1].

К началу 1991 г. на благосостоянии приморцев было подорвано тяжёлым положением в обеспечении товарами народного потребления, в особенности продовольствием. Разрыв между потребительским спросом и предложением стремительно увеличивался. Председатель крайисполкома В.С. Кузнецов отмечал нарастающие тенденции к натурализации экономических связей[2]. Повышение розничных цен на потребительские товары и услуги, ставшее неизбежным в условиях внедрения элементов рыночной экономики, сделало еще более актуальной задачу государственной поддержки уязвимых и социально незащищённых категорий граждан[3]. На протяжении всего 1991 г. в крае наблюдался дальнейший спад производства, острая нехватка продовольствия и товаров народного потребления. Снижение объемов выпуска продукции имело место почти во всех отраслях[4].

Еще до старта денежной реформы 1991 г. на положении малоимущих и социально незащищённых граждан стали сказываться последствия роста цен на продовольствие. Особенно ощутимо от нововведений пострадали малообеспеченные категории граждан, получающих пенсии и пособия меньше 75 руб. в месяц. В их числе оказались получатели пенсий по возрасту, инвалидности и потере кормильца, а также одинокие матери. По оценке краевых властей, требовалось около 4 млн. руб. ежемесячно для компенсации им денежных средств, причем компенсации должны составить не менее 17 руб. в месяц на каждого человека. Изыскание необходимых средств легло на плечи финансового

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 73.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 13.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 24.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1314. Л. 5.

управления крайисполкома, а также городских и районных Советов и их исполнительных органов. Финансирование производилась за счет местных бюджетов и внебюджетных фондов, включая доходы от местных займов, лотерей и аукционов, а также за счёт добровольных взносов и пожертвований предприятий, организаций и отдельных граждан[1].

В новых условиях требовалось создать единый механизм социальной защиты, независимый от форм собственности предприятий или организаций, на которых были заняты работники. Признавалась необходимость поддержать крестьянские, фермерские, кооперативные хозяйства и совхозы в зоне рискованного земледелия системой дотаций, льготных кредитов и финансированием из специальных фондов возрождения села. В соответствии с Законом РСФСР «О социальном развитии села», предусматривались дополнительные инвестиции, финансовая, кредитная и ресурсная помощь[2]. В случае повышения оптовых цен на материально-технические ресурсы и тарифов на услуги, крайисполкому следовало регулярно производить индексацию цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты и выплачивать компенсации затрат[3].

Необходимость решения социальных вопросов существенно прибавила работы местным Советам и исполкомам: им следовало в кратчайшие сроки уточнить установленные денежные нормы на содержание детей в домах ребенка, детских домах и домах-интернатах, нормы расходов на питание, медикаменты и иные нужды в домах престарелых и инвалидов. Предусматривались дополнительные меры поддержки – освобождение (полное либо или частичное) социально незащищённых граждан от оплаты лекарств, жилья и коммунальных услуг, организация сети столовых бесплатного питания для пенсионеров и инвалидов[4].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1130. Л. 34.
[2] О социальном развитии села: Закон РСФСР от 21.12.1990 г. № 438-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 411.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 32.
[4] Там же. Л. 25.

В связи с большим объемом предстоящей работы в 1991 г. во всех городах и районах края намечалось создание и укомплектование до штатной численности подразделений государственной службы трудоустройства, управлений труда и социальной защиты. По рекомендациям Министерства труда РСФСР численность службы определялась в 10-15 работников на 100 тыс. населения, но не менее трех человек на район или город[1].

Стремительный выход ситуации из-под контроля и растущие опасения социального взрыва внесли в повестку дня вопрос о введении карточной системы распределения товаров первой необходимости[2]. Введение этой чрезвычайной меры не обошлось без предварительной дискуссии. Поступавшие еще летом 1990 г. обращения отдельных депутатов и членов крайисполкома к председателю краевого Совета А.А. Волынцеву, председателю крайисполкома В.С. Кузнецову и председателю Владивостокского горисполкома Е.М. Блинову первоначально не встретили у них сочувствия[3]. Однако в мае следующего года карточки всё же были введены. Такое развитие событий оказало мощное деморализующее воздействие на общество и обусловило рост разочарования и недовольства властью. Протестные настроения, по выражению В.С. Кузнецова, «в очередной раз, как уже бывало в истории, приняли форму лихорадочного поиска виноватого, врагов, саботажников и тому подобное»[4].

Выполняя решение краевого Совета от 13.февраля 1991 г. «О введении в Приморском крае карточной системы снабжения населения основными продовольственными товарами», крайисполком приступил к внедрению практики нормированной продажи основных продуктов питания. Был принят перечень из десяти наименований товаров, включавший мясопродукты, сливочное и растительное масло, маргарин, жиры, муку, сахар, крупу, макароны, кондитерские изделия и алкоголь. Предполагалось, что часть ограничений не будет применяться к гражданам, пользующимся правом льготного товарного обеспечения, лицам,

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 33.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1315. Л. 27.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1148. Л. 64.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 20.

необоснованно репрессированных в 1930-40-е гг. и начале 1950-х гг. и реабилитированных в установленном законом порядке, а также больным сахарным диабетом и принимавшим участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС[1]. В мае 1991 г. крайисполком по просьбе краевого совета ветеранов войны и труда установил повышенные нормы продажи продуктов питания для ветеранов, инвалидов и престарелых нетрудоспособных граждан[2].

В 1990 г. в Приморском крае была запущена специальная целевая комплексная программа «Забота-1990», призванная облегчить решение задачи социальной помощи инвалидам войны, семьям погибших военнослужащих и одиноким нетрудоспособным гражданам. В реализации программы участвовали отделы социального обеспечения исполкомов совместно с общественными организациями[3]. Всего по состоянию на 1 декабря 1990 г. в Приморье было зарегистрировано 3687 инвалидов войны, 32438 инвалидов труда, 451 инвалид с детства и 8107 одиноких нетрудоспособных граждан[4]. Следует сделать оговорку, что реальное количество инвалидов могло быть большим, поскольку право на одновременное получение пенсий по инвалидности, старости и потере кормильца не было предусмотрено законодательством, что лишало многих пожилых людей стимула к получению статуса инвалида[5].

В ходе выполнения программы единовременную материальную помощь получили 7949 малообеспеченных пенсионеров; 5056 пенсионеров, имевших пенсию ниже 75 руб., получили доплату от 85 до 100 руб.; 2349 человек были обеспечены топливом на льготных условиях; 2.644 одиноких нетрудоспособных граждан получили социальную помощь на дому[6]. Кроме того, еще в мае 1990 г. крайисполком принял меры по улучшению производства протезно-

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1481. Л. 30-33.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1484. Л. 41.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1477. Л. 111.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Л. 115.
[5] Демьянова А.В. Социальная политика в сфере защиты прав инвалидов в России. URL: https://wp.hse.ru/data/2015/10/19/1076582141/WP3_2015_09_____.pdf (дата обращения: 03.06.2020).
[6] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1477. Л. 111.

ортопедических изделий, кресел-колясок и средств малой механизации для инвалидов. Владивостокскому протезно-ортопедическому предприятию была предоставлена шефская помощь со стороны заводов «Варяг», «Дальприбор» и «Дальзавод»[1].

В ходе Всероссийской акции милосердия в 1990 г. из фондов социальной помощи поступило более 1 млн. руб. Из этой суммы 70% было израсходовано на оказание помощи малообеспеченным одиноким пенсионерам, в том числе на приобретение одежды, обуви и предметов бытового назначения, а также на ремонт жилья и придомовых построек. Наиболее активно работа проводилась в крупных городах – Владивостоке, Находке, Уссурийске и Артёме, а также в Большом Камне и в Хорольском районе[2]. В 1989-1990 гг. Владивостокский горисполком получил немало ходатайств о выделении земельных участков для организации садоводческих товариществ от ветеранов и инвалидов войны, ветеранов труда и пенсионеров Вооружённых сил. Около ста человек получили земельные участки и были приписаны к различным садоводческим товариществам, однако ввиду дефицита территории, пригодной для садоводства, дальнейшее выделение участков замедлилось[3].

Вместе с тем, работа органо власти и управления была далека от совершенства, а нужды инвалидов всё ещё требовали долгой и кропотливой работы. Многие их них продолжали испытывать трудности с получением медицинской помощи, трудоустройством, и социально-бытовой реабилитацией. Крайисполком отмечал, что «ещё нередки случаи равнодушия, бюрократического отношения к инвалидам со стороны работников органов соцобеспечения, руководителей советских и хозяйственных органов». К середине июля 1990 г. около 600 инвалидов и одиноких нетрудоспособных граждан состояли в очереди на получение места в домах-интернатах. При этом выполнение плана

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1268. Л. 147.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1477. Л. 111.
[3] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 139. Л. 116.

строительства домов-интернатов и реконструкции уже существующих производилась с отставанием и с 1986 г. неуклонно снижалось[1].

В деле обеспечения жильем программа были выполнены чуть более чем наполовину, а работа исполнительных комитетов Владивостока, Дальнереченска, Лесозаводска, Спасска, а также Партизанского, Хасанского, Черниговского и Пограничного районов была признана неэффективной. В 1990 г. инвалиды войны и одинокие граждане получили 297 квартир вместо предусмотренных 489; ремонт был произведен в 562 квартирах вместо 986 запланированных[2]. В очереди на получение жилплощади стояли также 498 семей погибших военнослужащих. Недостаточными признавались усилия по медицинскому обслуживанию инвалидов. Отмечалось, что ежегодные осмотры проводились формально, а качество протезно-ортопедической помощи зачастую оказывалось неудовлетворительным[3]. Также недостаточной признавалась помощь малообеспеченным и одиноким пенсионерам со стороны предприятий, организаций, совхозов и колхозов, в которых они ранее работали. Так, не везде были установлены доплаты к пенсиям, и не осуществлялась шефская помощь. Предприятия торговли и общественного питания также не сумели удовлетворить потребности пенсионеров в доставке продуктов и товаров на дом[4].

Выявленные недостатки крайисполком попытался устранить в ходе подготовки новой комплексной программы «Забота об инвалидах и одиноких нетрудоспособных гражданах на 1991 г.» («Забота-1991»). Ответственность за её выполнение была возложена на исполкомы районных и городских Советов совместно с хозяйственными органами и общественными организациями. Кроме того, большую организаторскую работу предстояло провести отделу социального обеспечения крайисполкома. Он взял на себя координацию действий райисполкомов и горисполкомов, их отделов социального обеспечения, а также предприятий и организаций. В качестве мер социальной поддержки за счет

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1268. Л. 58.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1477. Л. 111.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1268. Л. 59.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1477. Л. 112.

предприятий предусматривалась доплата к пенсиям – для 5071 человек, единовременная материальная помощь – 4364, скидка при оплате коммунальных услуг – 789, льготное обеспечение топливом – 2083, выделение жилья – 334, ремонт жилья – 577, бесплатное питание – 181, санаторно-курортное лечение – 674[1].

Городским и районным властям следовало оказать поддержку пенсионерам и инвалидам в следующем объеме: доплата к пенсиям – 51109 гражданам, единовременная материальная помощь – 5045, скидка на стоимость коммунальных услуг – 174, льготное обеспечение топливом – 692, выделение жилья – 286, ремонт жилья и построек – 374, установление телефонов – 424, бесплатное питание – 2035 и санаторно-курортное лечение – 85. Социальное обслуживание на дому было предусмотрено для 2887 граждан, доставка продовольствия – для 2832. В 1991 г. программой намечалось создание 34 специализированных магазина для малообеспеченных граждан, большая часть из которых должна быть создана в небольших городах и в сельской местности[2].

В первом квартале 1991 г. руководителям предприятий предписывалось при заключении коллективных договоров включать в них пункт о доплатах к пенсиям для ветеранов труда, оказывать денежную и шефскую помощь в обеспечении топливом, предоставлении бесплатного питания, оплаты жилья и коммунальных услуг. В разработке и реализации мероприятий по социальной защите приняли участие главное планово-экономическое управление и управление торговли крайисполкома, Крайпотребсоюз, Крайрыболовпотребсоюз, краевое производственное жилищно-ремонтное объединение и управление бытового обслуживания населения. Крайагропромсоюз и отдел социального обеспечения крайисполкома были ответственны за внесение в краевую программу возрождения села специального раздела о социальной защите малообеспеченных

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1477. Л. 113-116.
[2] Там же. Л. 117-119.

инвалидов и одиноких нетрудоспособных ветеранов сельскохозяйственного производства[1].

Отдел здравоохранения крайисполкома с января 1991 г. занимался улучшением медицинского обслуживания инвалидов войны и труда. Большую работу требовалось проделать по усовершенствованию сети домов-интернатов. За счёт капитальных вложений следовало завершить строительство Екатериновского детского дома-интерната на 355 мест, продолжить строительство психоневрологического дома-интерната в селе Заречном, ликвидировав отставание за прошлый год, начать строительство специального жилого дома для одиноких граждан в Уссурийске, завершить проектирование дома-интерната на 310 мест в Артёме, спроектировать корпус на 500 мест и общежитие при Седанкинском доме-интернате, начать проектирование строительство комплекса из двух специальных жилых домов для одиноких граждан с блоком помещений для их обслуживания во Владивостоке[2].

Предполагалось начать строительство специального жилого дома для одиноких престарелых граждан в Находке, дома для обслуживающего персонала Покровского дома-интерната, дома-интерната для ветеранов труда, новых объектов психоневрологического дома-интерната в посёлке Зарубино на 450 мест, дома-интерната для ветеранов угольной промышленности на 152 места, дома-интерната для ветеранов труда ССО «Главдальводстрой» на 56 мест, а также корпуса на 100 мест при Седанкинском доме-интернате за счёт Дальневосточного морского пароходства. В планах также фигурировал проект небольшого дома-интерната для ветеранов сельскохозяйственного производства на 10-20 мест и строительство таких домов в совхозах края[3].

В апреле 1991 г. В.С. Кузнецов взял на себя контроль над ходом строительства объектов социального обеспечения. Несмотря на это, план вскоре был скорректирован в пользу увеличения сроков исполнения программы. В

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1477. Л. 123-124.
[2] Там же. Л. 125.
[3] Там же. Л. 126.

особенности это коснулось капитальных объектов строительства – сроки проектирования, начала и завершения их строительства были существенно сдвинуты во времени и перенесены на 1992-1993 гг[1].

Существенным препятствием в реализации социальной политики стало изменение трудовой политики предприятий, вынужденных осваивать новые методы хозяйствования. Наметилась тенденция к снижению приема на работу инвалидов, либо даже полному отказу от использования их труда. Альтернативой могли стать специализированные предприятия, цеха и участки, однако работа по их организации велась медленно и к концу 1991г. – началу 1992 г. не принесла желаемых результатов[2].

В июне 1991 г. в отчете председателя крайисполкома о социально-экономическом положении края прозвучали неутешительные итоги выполнения первого этапа программы социальной защиты. Лишь частично удалось выполнить задание по улучшению жилищных условий, осталась нереализованной программа строительства домов-интернатов и специальных жилых домов для одиноких престарелых граждан. В то же время определенный прогресс наблюдался в компьютеризации социальной службы края и создании краевого пенсионного фонда. Помощь в решении задач социальной защиты была получена от правительства РСФСР. На основании постановления Совета Министров «О реформе розничных цен и социальной защите населения» край дополнительно получил 865,2 млн. руб[3].

Крайисполком вновь обратил внимание на необходимость возмещения разницы в ценах при организации помощи престарелым и нетрудоспособным гражданам, выделив на это почти 3 млн. руб. К категории одиноких престарелых нетрудоспособных малообеспеченных граждан были отнесены лица, не имеющие близких родственников по месту проживания и получающие пенсию до 120 руб. в

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1483. Л. 95.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1268. Л. 59.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1486. Л. 49-57.

месяц[1]. Дополнительные средства получили все города и районы края, в том числе Уссурийск – 836,5 тыс., Владивосток – 705,8 тыс., Находка – 139,9 тыс., Лесозаводск – 106,8 тыс. Другие города края получили суммы менее 100 тыс. руб. Из сельских местностей наибольшую поддержку выделили малообеспеченным гражданам Красноармейского района – 77,8 тыс. руб., наименьшую получили Партизанский и Ханкайский районы – по 6,4 тыс. руб[2].

Порядок торгового обслуживания престарелых нетрудоспособных граждан предусматривал их прикрепление по спискам органов социального обеспечения к магазинам по месту жительства. Продажа товаров производилась по предъявлению пенсионных удостоверений, а также удостоверений социальных работников, производящих обслуживание на дому. В перечень, определённый нормами продажи продуктов питания, вошли: хлеб (1 кг. ежедневно), крахмал (500 г. в месяц), картофель (9 кг. в месяц), овощи (9 кг. в месяц), фрукты свежие или консервированные (3 кг. в месяц), рыба (3 кг. в месяц), молоко (0,5 л. в день), кефир (0,5 л. в день), творог (1,5 кг. в месяц), сметана (1 кг. в месяц), яйца (10 штук в месяц), чай (1 пачка в месяц) и соль (1 кг. в месяц). Нормы продажи также предусматривали 13 (для женщин – 11) наименований одежды и нательного белья, 2 вида обуви и 7 видов постельных принадлежностей[3].

2 июля 1991 г. крайисполком утвердил план мероприятий по выполнению закона СССР «Об основных началах социальной защищённости инвалидов в СССР»[4], принятого еще в конце прошлого года[5]. План предусматривал создание условий для беспрепятственного доступа инвалидов к социальной инфраструктуре, обеспечению медицинской, профессиональной и социальной реабилитации инвалидов[6]. В период с 1991 г. по 2000 г. требовалось приспособить транспорт, жилые и общественные здания к беспрепятственному использованию

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1487. Л. 40.
[2] Там же. Л. 46.
[3] Там же. Л. 41-48.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1488. Л. 50.
[5] Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР: Закон СССР от 11.12.1990 г. № 1826-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 51. Ст. 1115.
[6] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1488. Л. 51-59.

инвалидами. В первую очередь реконструкции подлежали здания железнодорожных вокзалов, аэропортов и морских портов, междугородных автобусных станций. Также в срок до 1 января 1993 г. следовало оснастить поезда вагонами, доступными для инвалидов, а также приспособить для их транспортировки отдельные самолеты и морские суда[1].

Что касается трудового обеспечения инвалидов, то в этом вопросе в продолжение ранее принятых решений крайисполкома был провозглашён курс на создание специализированных предприятий, цехов и участков для инвалидов, на поощрение их индивидуальной трудовой деятельности. Закон предусматривал бронирование рабочих мест не менее 5% от численности всех работников[2].

Осознавая проблемы материальной базы домов-интернатов для престарелых и инвалидов, крайисполком принял решение об экономическом стимулировании строительных организаций, осуществляющих постройку объектов социального обеспечения. Для них был установлен повышенный коэффициент к сметной стоимости строительства (до 30%[3]), а также освобождение от налога на прибыль, выделение автомобилей, комплектов мебели и телеаппаратуры, снабжение их промышленными товарами повышенного спроса[4].

В конце ноября 1991 г. примеру края последовал Владивостокский городской Совет и его исполком, разработав план мероприятий по улучшению и социально-бытового обслуживания инвалидов войны и труда[5]. Исполкомам городских районов Владивостока, а также отделу по труду и социальным вопросам было предписано выявить и поставить на учёт малообеспеченных инвалидов и одиноких нетрудоспособных граждан. С января следующего года данные категории получали льготы по бытовому и коммунальному обслуживанию. Предполагалось начать строительство дома-интерната для

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1488. Л. 52.
[2] Там же. Л. 56-59.
[3] Демьянова А.В. Социальная политика в сфере защиты прав инвалидов в России. URL: https://wp.hse.ru/data/2015/10/19/1076582141/WP3_2015_09_____.pdf (дата обращения: 03.06.2020).
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1492. Л. 150-151.
[5] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 299. Л. 5.

ветеранов войны и труда, а также выделить помещение Владивостокской городской организации общества слепых[1].

Со стороны Приморского краевого правления Всероссийского общества инвалидов также предпринимались действия по привлечению внимания к проблемам социально уязвимых категорий граждан. 14 декабря 1991 г. общество провело акцию под лозунгом «Вы не хотите нас видеть, но мы есть» на Центральной площади города. Городские власти данной акции не препятствовали[2].

В 1991 г. Приморский краевой Совет был вынужден признать, что переход к рыночным отношениям и сопровождающая его растущая безработица создают угрозу обострения демографической проблемы. Поступали предложения создать в исполкоме отдел семьи и демографической политики, целью которого стала бы реализация государственных программ улучшения здоровья населения и демографической ситуации в Приморском крае, а также выработка механизма практической помощи семьям[3]. Во Владивостоке еще в 1988 г. на общественных началах был создан отдел содействия многодетным семьям, однако к середине 1991 г. он фактически прекратил работу. Медленно решался вопрос улучшения жилищно-бытовых условий многодетных семей, их торгового и медицинского обслуживания. Существенные недостатки в работе с данной категорией граждан были выявлены по результатам состоявшейся 14 июля 1991 г. встречи руководителей горисполкома с родителями многодетных семей. По итогам встречи с сентября 1991 г. началась перерегистрация семей, имеющих трех и более детей. В дальнейшем они могли рассчитывать она помощь во вступлении в жилищно-строительные кооперативы, выделении участков для строительства домов и получении кредитов на приобретение мебели и детских товаров[4].

Большую тревогу вызывало состояние социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, испытывающих трудности в

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 299. Л. 7-9.
[2] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 301. Л. 104.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 35.
[4] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 290. Л. 18-19.

умственном и физическом развитии. Во Владивостоке в начале 1990-х гг. ежегодно до 90 детей школьного и дошкольного возраста нуждались в устройстве, однако детский дом для них отсутствовал, вследствие чего за несколько лет более 500 детей распределялись в детские дома края. Кроме того, в городе отсутствовали специализированные школы-интернаты для детей с задержкой психического развития и с нарушением речи[1].

Весной 1991 г. крайисполком констатировал факт сокращения финансирования летнего отдыха детей и подростков. Ранее подобная деятельность велась предприятиями и профсоюзными комитетами, однако последние проявляли всё меньшую заинтересованность в том, чтобы поддерживать в надлежащем состоянии систему летнего отдыха. Возрастающие расходы на содержание летних лагерей привели к сокращению их числа и удорожанию стоимости путевок. С 1988 г. по середину 1991 г. в крае было закрыто 87 лагерей труда и отдыха, а также 5 загородных оздоровительных лагерей. В итоге количество детей, не прошедших оздоровление, возросло до 3 тыс. Нарастающий кризис летних лагерей наиболее серьёзно ударил по детям из малообеспеченных и многодетных семей, а также детям-сиротам, воспитанникам школ-интернатов и детских домов. Это дало основания крайисполкому обвинить некоторые предприятия и профсоюзы в проявлениях «ведомственного эгоизма и практики наживы за счёт детей»[2].

Серьёзной проблемой стало уменьшение числа врачей в лечебно-профилактических учреждениях Приморья. Так, в краевой столице в период с 1987 по 1991 гг. их количество уменьшилось с 2766 до 2352 человек. Среди медицинских работников сокращение приобрело не менее угрожающие масштабы – с 4052 до 3219. Причина подобной тенденции заключалась в нерешенности социально-экономических вопросов труда и быта. На 1990 г. средняя заработная плата в медицинской отрасли составляла 180 руб., что было на 60-65% ниже средней зарплаты по городу. Около 10% врачей и 20% средних медработников

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 273. Л. 47.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1483. Л. 115-116.

находились ниже черты бедности по душевому доходу. Подавляющее большинство было вынуждено работать на полторы ставки. Особенно остро стояла проблема обеспечения жильем работников здравоохранения, в том числе молодых специалистов. Медицинская отрасль также страдала от отсутствия собственных санаториев и домов отдыха, а также недостатка ведомственных детских садов и пионерских лагерей[1].

Медицинская отрасль также страдала от отсутствия собственных санаториев и домов отдыха, а также недостатка ведомственных детских садов и пионерских лагерей. Не был решен вопрос оснащения телефонами квартир медицинских работников, привлекаемых для оказания экстренной помощи. Владивостокский городской Совет в апреле 1991 г. распорядился выплатить дополнительно 200 тыс. руб. на возмещение расходов работникам здравоохранения, 300 тыс. на повышение квалификации медработников и 600 тыс. – на оплату проживания в общежитиях для обучающихся будущих специалистов здравоохранения. Была дана рекомендация исполкомам городских и районных Советов выделить до 10% жилой площади из своих фондов работникам здравоохранения и включить их в формируемые жилищно-строительные кооперативы[2].

В социальной поддержке в тот момент также остро нуждались учителя. По ним как и по прочим категориям граждан ударило резкое повышение цен, нестабильная экономическая ситуация и низкая заработная плата. Несмотря на выделение в 1990 г. 1 тыс. кв. метров жилья, бытовые условия работников образования оставались тяжёлыми, что привело к дефициту педагогических кадров[3]. В этой связи депутаты города Владивостока в ноябре 1991 г. были вынуждены поддержать их требование о повышении зарплаты и изыскать дополнительные средства для выплаты 50% надбавки к окладам[4].

---

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 140. Л. 20.
[2] Там же. Л. 22.
[3] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 272. Л. 132.
[4] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 145. Л. 5.

Социальные трудности дополнялись проблемами, вызванные стихийными бедствиями. К примеру, обрушившийся на Приморье летом 1990 г. тайфун Робин привел к необходимости в одном только Владивостоке расселить 110 отдельных строений и 38 квартир, попавших в зону затопления. Для этого следовало выделить 15632 кв. м жилья. Однако к лету 1991 г. городские власти смогли выделить только 11755 кв. м. или 221 квартиру. Оставалось расселить 22 квартиры и 43 отдельных строения. Выполнение этой задачи затруднялось низкими темпами введения в строй нового жилья[1]. В Приморье, как и целом по всему Дальнему Востоку, кризис в строительстве жилья наблюдался с 1990 года[2].

Безработица, ставшая серьезным поводом для беспокойства краевых властей и грозящая в ближайшее время обернуться социальным взрывом, воспринималась двояко. С одной стороны, по оценке крайисполкома, Приморье продолжало считаться трудонедостаточным регионом, испытывающим кадровый дефицит. Так, количество вакантных мест оценивалось в 14800 для рабочих и 2280 для руководителей, специалистов и служащих. С другой стороны, проводившиеся экономические преобразования сделали неизбежным поиск новых подходов для сбережения трудовых ресурсов и препятствования их перемещению в теневой сектор. Проблемы приобретения востребованных специальностей и трудоустройства, особенно ощутимые в молодёжной среде, заставили краевые власти задуматься об улучшении и упорядочении работы службы занятости[3].

Усилия местных исполкомов, объединений предпринимателей, общественных и профсоюзных организаций должен был направлять краевой координационный совет по рынку труда и социальной защите населения. Вместе со службами крайисполкома ему следовало взять на себя задачу определения перечня сельских и городских поселений с самым низким уровнем потребления и обеспечить выделение их жителям дополнительных средств в виде дотаций[4].

---

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 272. Л. 35.
[2] Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 176.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1507. Л. 6.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1311. Л. 33.

Далеко не все местные Советы и исполкомы сумели принять эффективные меры по борьбе с нарастающей безработицей и обеспечению занятости населения в условиях перехода к рыночной экономике. К примеру, в Спасске-Дальнем проблемы с трудоустройством затронули социально уязвимые категории населения: несовершеннолетних (их труд в летний период), женщин, имеющих малолетних детей, инвалидов III группы и лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Выход из сложившейся обстановки предполагалось найти в организации на местном уровне оплачиваемых общественных работ с покрытием затрат из специального городского фонда занятости, дополненных выплатами пособий по безработице[1]. Среди прочих задач в организации общественных работ предусматривалось обеспечение работой пожилых лиц пенсионного и предпенсионного возраста, инвалидов, утративших профессиональную и трудовую мобильность, трудовая реабилитация граждан, имевших перерыв в профессиональной деятельности в связи с воспитанием детей либо уходом за членами семьи, а также включение в трудовую деятельность молодёжи[2].

14 июня 1991 г. решением крайисполкома был создан краевой центр занятости, а также аналогичные центры и бюро в городах и районах Приморья. Основой для их работы послужили ранее существовавшие центры и бюро по трудоустройству, переобучению и профориентации населения. Работа службы занятости заключалась в сборе и публикации материалов о предложении и спросе на рабочую силу. Донесение информации до граждан осуществлялась через газеты, радио, телевидение, а также стенды, бюллетени и плакаты. Центры и бюро занятости выдавали чеки, подтверждающие право на получение пособия по безработице, которые затем обналичивались в местных отделениях Сбербанка[3]. Всего в службе занятости в Приморском крае по штатам, установленным в июне 1991 г., было задействовано 283 человека, в том числе 34 в краевом центре

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1483. Л. 180-181.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1487. Л. 113.
[3] Там же. Л. 104-105.

занятости, 154 в городских центрах занятости (Владивосток – 48, Уссурийск – 17, Артём – 15, Находка – 19, остальные – менее 10 в каждом) и 95 в районных бюро занятости населения[1].

Серьёзную озабоченность властей Приморья и краевого центра также вызывала необходимость социальной защиты населения в ходе начавшихся процессов разгосударствления и приватизации. Прорабатывая вопросы приватизации, региональные и местные власти столкнулись с необходимостью принять в расчёт предложения различных ведомств, администраций предприятий и трудовых коллективов, а также учесть возможное наступление негативных последствий и исполнить все социальные обязательства перед гражданами[2]. На декларативном уровне социальный аспект присутствовал в самых ранних документах. Ещё в 1990 г. Владивостокский городской Совет, составляя первую городскую программу разгосударствления, попытался предусмотреть отрицательные эффекты трансформации форм собственности предприятий. Был сделан ряд оговорок, запрещающих устанавливать коммерческие цены в столовых школ, ВУЗов и больниц, а также предусмотрен специальный перечень товаров и услуг, распределяемых по талонам[3].

Однако вскоре возможные социальные вопросы отошли на второй план на фоне ожидавшихся положительных экономических эффектов приватизации. Ускоренная приватизация должна была способствовать увеличению доходов краевого бюджета и «освобождение государства от бремени содержания наиболее неэффективных предприятий и объектов»[4]. Ожидалось, что вырученные в ходе приватизации средства пойдут на покрытие дефицита бюджета, а также поступят во внебюджетные фонды социальной защиты населения, охраны окружающей среды и развития инфраструктуры края[5].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1487. Л. 106
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 21.
[3] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 47.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 20.
[5] Там же. Л. 31.

Попытки придать социальную направленность программе приватизации прослеживались и в предложениях краевых властей. Поскольку в тот момент ещё не была выработана единая концепция приватизации, в Приморье активно обсуждался вариант приоритета трудовых коллективов (в том числе и пенсионеров, ранее работавшие на предприятиях) при распределении акций и управлении имуществом предприятий[1]. Однако к началу массовой приватизации эти предложения остались нереализованными.

Исследуя результаты принятых мер по осуществлению социальной защиты населения, следует по большей части признать справедливым неутешительный вывод, к которому пришёл в начале 1990-х гг. председатель крайисполкома, а впоследствии – первый глава администрации Приморского края В.С. Кузнецов: «Принятые на различных уровнях решения, призванные сохранить существующую систему социальной сферы, объективно не способны обеспечить эту задачу»[2]. Проблемы социальной защиты граждан тесно переплетались с экономическими трудностями и возможностью распоряжаться материальными ресурсами. Поскольку социальная политика осуществлялась государством в лице Советов народных депутатов и их исполнительных органов лишь частично, с большой долей участия ведомственных структур, предприятий и общественных организаций, возможности поиска новых решений для местных органов власти были весьма ограничены.

2.3 Участие Советов народных депутатов Приморья в разработке и реализации проектов внешнеэкономического и межрегионального сотрудничества

Дефицит внутренних ресурсов края и исчерпание резервов для их наращивания, а также отчётливые тенденции к кризису межрегиональных связей и нарушению единого экономического пространства страны вызвали в

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 26-29.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1325. Л. 96.

приграничных регионах Дальнего Востока всплеск интереса к поиску новых форм внешнеэкономической деятельности. В 1990-1991 гг. рассматривались различные варианты участия края в этом процессе с учётом новых возможностей, в том числе создание особых территориальных хозяйственных комплексов, ориентированных на ускоренное реформирование экономики[1]. Одной из мер, принятых руководством РСФСР для решения социально-экономических проблем регионов, стала организация зон свободного предпринимательства (ЗСП) или свободных экономических зон (СЭЗ)[2]. В нормативно-правовых актах и иных материалах делопроизводства в отношении одного и того же проекта на ранних этапах могли применяться оба понятия – ЗСП[3] и СЭЗ[4] (в некоторых случаях использовался третий вариант – специальная экономическая зона)[5]. Со второй половины 1990 г. новые структуры повсеместно именовались свободными экономическими зонами[6].

По мнению С.А. Иванова, исследовавшего истоки возникновения идеи СЭЗ в перестроечном СССР, инициатива создания свободных зон уходит корнями в 1988 г. Тезис о возможном создании на Дальнем Востоке «зон совместного предпринимательства» прозвучал в речи М.С. Горбачёва во время его визита 16 сентября в Красноярск. Несмотря на то, что планы создания таких структур фактически отсутствовали, и имелись лишь начальные теоретические наработки на основе опыта свободных экономических зон в КНР, такая спонтанная инициатива удачно вписалась в новую стратегию развития Дальневосточного экономического района. В скором времени идея СЭЗ была подхвачена

[1] Савин В.А. Формы экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 8.
[2] Уваров В.А. Свободные экономические зоны Востока России. Хабаровск: Информ-Этнос, 1994. С. 17.
[3] О создании зон свободного предпринимательства: Постановление Верховного Совета РСФСР от 14.06.1990 г. № 106-1 // Ведомости СНД и ВС РСФС. 1990. № 7. Ст. 107.
[4] О создании в Приморском крае в районе г. Находки свободной экономической зоны: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1990 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. С. 235.
[5] Гусев Б.С. Специальные экономические зоны сегодня // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 13.
[6] Павлов П.В. Правовые аспекты и исторические предпосылки создания института особых экономических зон в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 54.

региональными властями[1]. Определённая спонтанность возникновения идеи свободных зон в отечественной практике не помешало её скорму превращению из перспективного механизма экономической трансформации в политический инструмент, используемый центральной и локальной бюрократией в своих целях. Несколько регионов Дальнего Востока были выбраны в качестве площадок для формирования будущих свободных зон[2].

К концу советской эпохи были приняты решения о создании СЭЗ в Приморском крае, Сахалинской области (СЭЗ «Сахалин»)[3], Еврейской автономной области (СЭЗ «Ева»)[4] и в Читинской области (СЭЗ «Даурия»)[5].

Эти зоны представляли собой обособленную часть территории страны, на которой устанавливается особый правовой режим, включающий налоговые, таможенные, административные и гражданско-правовые льготы и гарантии участникам экономической деятельности.

Начало организационной работы по созданию особой зоны на территории Приморского края продолжением политики по внедрению новых экономических форм на основе зарубежного опыта. Менее чем за год, с июля 1990 г. по июнь 1991 г., под давление региональных элит, статус свободных экономических зон получили 11 регионов, охватывающих 7% территории страны общей площадью 1 млн. кв. км с населением 18,5 млн. человек[6]. Наиболее целесообразным выглядело последовательное развитие локальных экономических зон на базе тех территорий,

---

[1] Иванов С.А. Советские свободные экономические зоны как идея развития // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 90.

[2] Уваров В.А. Свободные экономические зоны Востока России. Хабаровск: Информ-Этнос, 1994. С. 11.

[3] О создании свободной экономической зоны «Сахалин» (СЭЗ «Сахалин»): Распоряжение Верховного Совета РСФСР от 27.05.1991 г. № 1343-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 793.

[4] О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны в Еврейской автономной области: Распоряжение Верховного Совета РСФСР от 3.06.1991 г. № 1357-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 23. Ст. 803.

[5] О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны Читинской области (СЭЗ «Даурия»): Распоряжение Верховного Совета РСФСР от 25.05.1991 г. № 1332-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР № 22. 1991. Ст. 789.

[6] Шмонов Н.Н. Историческое исследование проблем развития особых экономических зон. Казань: Изд-во КГУКИ, 2010. С. 25.

которые имели наибольшие к тому предпосылки и условия для создания необходимой инфраструктуры. К ним относился и Приморский край, особенно его южная часть с крупными городскими центрами: Владивостоком[1], Находкой[2] и прилегающими к ним районами.

Процесс создания ЗСП на территории Приморского края был запущен постановлением Верховного Совета РСФСР от 14 июня 1990 г. «О создании зон свободного предпринимательства»[3]. Вступление в силу данного документа вызвало определенный резонанс, заинтересовав открывающимися перспективами общественность, а также органы советской власти и управления Приморского края, его городов и районов. В этих зонах видели не только способ наращивания экспортного потенциала, но и средство отработки новых механизмов по переходу к рыночной экономике.

В конце лета – начале осени 1990 г. Приморский край активно включился в процесс подготовки программных документов по организации ЗСП на своей территории. В короткие сроки рабочая группа под руководством депутата краевого Совета Ю.Г. Диденко и заместителя председателя крайисполкома В.К. Лозового подготовила проект, представленный в сентябре 1990 г. для обсуждения на сессии Приморского краевого Совета. После необходимой доработки планировалось отправить его в Верховный Совет РСФСР, чтобы в дальнейшем власти республики приняли на его основе постановление о создании на территории Приморского края зоны свободного предпринимательства «Приморский край»[4].

Подобная оперативность позволяла рассчитывать на положительную реакцию со стороны руководства РСФСР, заинтересованного в сотрудничестве с регионами в деле разработки программ экономических реформ. В подготовке

---

[1] Савалей В.В. Приморье: поиск экономической ниши // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 5. С. 76.

[2] Наумов Ю.А. Исторические аспекты становления города Находка как транспортного мегакомплекса // Ойкумена. 2014. № 2. С. 70.

[3] О создании зон свободного предпринимательства: Постановление Верховного Совета РСФСР от 14.06.1990 г. № 106-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 7. Ст. 107.

[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 26.

рабочих документов помимо депутатов краевого Совета участвовали специалисты таможенной и пограничной служб, юристы, руководители предприятий и организаций, специализировавшихся на импортно-экспортных операциях[1].

Целью создания ЗСП являлось ускоренное комплексное социально-экономическое развитие края, дальневосточного региона и всей республики за счет свободного развития инициативы, поддержки предпринимательства, а также использования преимуществ географического положения края. Это в целом соответствовало реформаторским начинаниям правительства РСФСР по внедрению рыночных элементов. Высшим органом управления ЗСП, согласно проекту, объявлялся краевой Совет народных депутатов. Для создания и функционирования зоны Верховный Совет РСФСР должен был наделить краевой Совет дополнительными полномочиями в сфере принятия решений и утверждения нормативных документов, носивших характер законов на территории ЗСП[2].

Проект предусматривал самостоятельное определение структуры и численности правоохранительных и таможенных органов на территории ЗСП, а также порядка их содержания и материально-технического обеспечения. Исполнительную и распорядительную функцию в зоне свободного предпринимательства должен был осуществлять исполком Приморского краевого Совета. Он наделялся дополнительными полномочиями в вопросах разработки нормативных документов, определении порядка деятельности предприятий, организаций и учреждений, заключении договоров и соглашений с советскими и иностранными фирмами. Крайисполком также мог осуществлять выдачу и отзыв лицензий на ведение экономической деятельности[3].

В первоначальный период функционирования зоны, согласно проекту, на внутренней административной границе края устанавливался пропускной режим; г. Владивосток объявлялся открытым, а его аэропорт — международным.

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 172.
[2] Там же. Л. 25, 26.
[3] О зонах свободного предпринимательства // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1. С. 9.

Морские порты Приморья: Владивосток, Посьет, Зарубино, Преображение, Рудная Пристань, Ольга, Пластун и Светлая также объявлялись международными[1].

В ходе обсуждения проекта на сессии Приморского краевого Совета у депутатов возникли многочисленные вопросы, в том числе о правовом статусе новой зоны – будет ли она наделена правами самостоятельного юридического лица, какую ответственность будут нести её руководители перед государством. Оживленную дискуссию вызвал и вопрос о 200-мильной морской зоне, примыкающей к территории края, в которой краевые власти могли бы распоряжаться всеми морскими ресурсами. Участвовавший в разработке проекта СЭЗ Ю.Г. Диденко аргументировал отсутствие данного положения в проекте тем, что разделение морской акватории между приморскими регионами Дальнего Востока могло вылиться в экономическую войну между конкурирующими зонами.

Отдельные замечания депутатов касались социально-культурного развития края. Депутат В.А. Обертас предложил обязать все работающие в зоне предприятия: отечественные, совместные и иностранные – отчислять валютные средства на развитие социальных программ и удовлетворение культурных потребностей жителей края. В этом его поддерживал депутат С.С. Романов, предостерегавший народных избранников от стремления угодить иностранцам в ущерб интересам жителей Приморья[2].

Данные опасения не были беспочвенными, поскольку именно на иностранных предпринимателей делали ставку разработчики проектов ЗСП[3]. Депутат А.А. Исаев предложил наделить краевой Совет правом приостанавливать действие отдельных республиканских законов, не соответствующих интересам края[4]. Помимо этого, А.А. Исаев предложил дополнить проект пунктом о

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 30, 177.
[2] Там же. Л. 179, 183.
[3] Савин В.А. Формы экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 8.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 191.

применении уголовного права на территории СЭЗ, а также дать возможность местным Советам вносить уточнения в правовой статус зоны по мере наработки опыта. В этой связи он сравнил ситуацию с взаимоотношения между штатами и федеральным центром в США[1].

Это предложение иллюстрирует характерные для того времени центростремительные тенденции в регионах и стремление к приобретению максимальных полномочий в преддверии экономических преобразований[2]. С другой стороны, выдвигая программу приобретения максимальных полномочий, краевой Совет в перспективе мог рассчитывать на выигрышные стартовые позиции в ходе согласования с российскими и союзными властями более умеренных и реалистичных проектов создания СЭЗ в Приморье.

Краевой Совет постановил отправить проект на доработку, а после внесения необходимых изменений представить его на рассмотрение в Верховный Совет РСФСР[3]. Уже на стадии обсуждения в краевом Совете, предусмотренные проектом предложения были признаны трудновыполнимыми. Депутат В.В. Зорин, участвовавший в дискуссии, предположил, что центр не пойдет на столь обширные уступки, приводя в пример переговоры с председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным. По словам депутата, когда речь заходила о вопросах валютного регулирования, конкретных процентах отчислений в государственный бюджет, льготных подходах к налогообложению, у руководства России всегда находились возражения[4]. Это утверждение вполне справедливо, т.к. руководство РСФСР, допускавшее определенную региональную самостоятельность и инициативу, всё же стремилось сохранить за собой ключевые финансово-экономические рычаги влияния на региональные власти[5].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 190.
[2] Савченко А.Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987—1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краев) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 130.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 18.
[4] Там же. Л. 196.
[5] Хачатурян Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990-1994 гг.): к истории вопроса // Вестник ИрГТУ. 2012. № 1. С. 313.

Для дальнейшей доработки проекта и согласования его с властями РСФСР депутат Ю.Г. Диденко предложил создать специальную комиссию. Ключевую роль в её работе предполагалось отвести заместителю председателя крайисполкома В.К. Лозовому и председателю постоянной комиссии по международным связям, внешнеэкономической деятельности и межрегиональному сотрудничеству А.С. Воропаеву (в дальнейшем они оба примут участие разработкой нормативных документов и практических мер по организации СЭЗ «Находка»)[1].

Проект зоны свободного предпринимательства «Приморский край» в итоге остался невоплощённым. Главной причиной стало то, что власти РСФСР предпочли ограничить территорию зоны меньшей площадью. Вопрос заключался в определении конкретных территориальных рамок. Стремясь не упустить инициативу, депутаты Владивостоксого городского Совета предложили наделить правами свободной экономической зоны административный центр Приморья.

Горсовет посчитал, что особое место, занимаемое Владивостоком в социально-экономической структуре Приморского края, может служить весомым аргументом для создания такой зоны именно здесь[2]. Владивосток представлял собой относительно компактную территорию с развитым научно-техническим потенциалом и вписывался в общую концепцию СЭЗ[3].

Осенью 1990 г. городские власти занялись разработкой собственного документа. Результатом стала подготовка предложений руководству РСФСР в виде проекта постановления Верховного Совета РСФСР «О создании свободной экономической зоны города Владивостока» и довольно обширный и детализированный проект положения о СЭЗ. Еще одним документом стало «Дополнение к концепции развития города Владивостока в условиях зоны

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 173.
[2] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 28. Л. 23.
[3] Шмонов Н.Н. Историческое исследование проблем развития особых экономических зон. Казань: Изд-во КГУКИ, 2010. С. 25.

свободного предпринимательства», примечательное тем, что отдельные его пункты выходили далеко за рамки экономических преобразований[1].

В работе над проектами документов приняли участие председатель Владивостокского городского Совета В.Я. Семёнкин, его заместители С.С. Соловьев и Ю.А. Авдеев, председатель горисполкома Е.М. Блинов и начальник финансового управления И.В. Дейнеко. Активную работу вела планово-бюджетная комиссия (председатель А.Ф. Любченко), отдельные вопросы прорабатывали депутатские комиссии горсовета по вопросам работы Советов (А.П. Пулинец), по вопросам оборонной работы (Н.И. Мартынюк), по строительству и архитектуре (А.В. Грезев). Докладчиками по вопросам, связанным с проектами открытия города и организации СЭЗ, выступали председатель Совета В.Я. Семёнкин и депутат Г.Л. Бурлаченко[2].

Проект положения о свободной экономической зоне включал в себя шесть разделов. Первый был целиком посвящен правовому статусу и территориальным рамкам зоны. СЭЗ должна была охватывать существующие границы г. Владивостока с включением Владивостокского аэропорта и автомобильной дороги к нему. На территории СЭЗ должно было действовать общее законодательство РСФСР, постановления городского Совета и решения горисполкома в пределах их компетенции, включая дополнительные полномочия, дававшие право городу регулировать экономические и общественные отношения.

Второй раздел определял порядок посещения СЭЗ гражданами СССР и иностранцами, а также их перемещение в пределах её территории. Владивосток объявлялся городом, открытым для посещения, проживания и трудоустройства всех граждан СССР. Иностранные граждане и лица без гражданства, прибывающие в СССР на постоянной или временной основе, могли бы посещать город, проживать и работать на его территории явочным порядком[3]. Это во

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 17.
[2] Там же. Л. 61.
[3] Там же. Л. 17.

многом совпадало с ожиданиями руководителей краевого центра, видевшим в закрытом статусе помеху для динамичного развития города[1].

В соответствии с третьим разделом определялся порядок деятельности предприятий и организаций на территории СЭЗ. Все предприятия и коммерческие организации получали возможность работать в равных условиях на основе свободной конкуренции в условиях открытого рынка, с учетом предоставляемых Владивостокским городским Советом льгот в социально значимых отраслях экономики. На территории СЭЗ свободно могли действовать общественные организации, профсоюзы и политические партии.

Четвертый раздел посвящался инвестициям и передвижению капиталов в пределах СЭЗ. Право инвестировать в предприятия, расположенные на территории Владивостока, и при этом избирать любую сферу получали юридические и физические лица на равных основаниях. Налоговые отчисления должны были поступать в рублях и иностранной валюте, пропорционально объемам облагаемого капитала, прибыли и стоимости имущества коммерческих организаций. Городской Совет наделялся правом устанавливать скидки и льготы для отдельных областей ведения предпринимательской деятельности. Иностранные юридические и физические лица получали право свободно вывозить за пределы СЭЗ свою долю прибыли. В случае обмена иностранным лицом своей доли прибыли в рублях на иностранную валюту (для последующего вывоза из зоны) она облагалась налогом с прогрессивной ставкой. На территории СЭЗ должен быть установлен единый для всех предприятий и организаций стандарт бухгалтерского учета и единая система отчетности при гарантированном сохранении коммерческой тайны. Ценообразование на сырье, товары и готовую продукцию внутри зоны должно было устанавливаться, исходя из рыночных принципов баланса спроса и предложения.

Пятым разделом проекта регулировались социальная защита работников предприятий, действующих на территории зоны, и трудовые отношения. Их

[1] Воронцов В.Б., Мурадян А.В. Дальневосточный регионализм // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 13.

предполагалось строить на контрактной основе с выполнением правил охраны труда и производственной санитарии, при обязательном коммерческом страховании жизни и здоровья работников. Для регистрации и учета свободной рабочей силы, анализа потребностей в специалистах разного профиля, выплаты пособий по временной безработице создавалась единая для СЭЗ биржа труда[1].

Заключительный, шестой раздел рассматривал порядок вступления в силу и изменения отдельных пунктов данного положения. Нормативные документы, регулирующие взаимоотношения между органами управления и субъектами экономической деятельности в пределах СЭЗ, должны были утверждаться на сессии Владивостокского городского Совета и при необходимости совершенствоваться в процессе накопления опыта по функционированию зоны. Совет получал право определять порядок въезда, пребывания и трудоустройства советских, иностранных граждан и лиц без гражданства, открытие биржевых контор, страховых компаний, банков. Он также наделялся полномочиями по установлению процедур пограничного и таможенного контроля, а также – по руководству правоохранительными органами на территории СЭЗ[2]. Это может рассматриваться, как стремление изолировать город от различных проблем, которые связывались с неразумной политикой центра[3].

Согласно положениям проекта, Владивостокский городской Совет предполагалось наделить дополнительными полномочиями, делегированными Верховным Советом РСФСР и обеспечивающими правовое обеспечение особого правового режима на территории СЭЗ. Горсовет должен был стать единственным распорядителем городской коммунальной собственности, а его президиум – оперативным и ответственным органом, работающим на профессиональной основе. Не менее важной задачей являлось четкое разграничение полномочий между представительной и исполнительной властью, дабы исключить

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 18.
[2] Там же. Л. 20.
[3] Коваленко С.Г. Советская экономическая модернизации на Дальнем Востоке в эпоху перестройки: замысел и результат // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 37. С. 17.

дублирование функций и вмешательство их в деятельность друг друга. В структуре городских органов исполнительной власти следовало образовать подразделения по управлению собственностью, регулированию коммерческой деятельности. В частности, предполагалось создать консультативный экономический совет и экспертную службу[1].

С устранением двоевластия в городе связывалось переподчинение районных исполнительных органов городским на правах филиалов. В этой связи требовалось пересмотреть роль районных Советов. В перспективе районные Советы предполагалось заменить самоуправлениями на базе микрорайонов, сделав последние низовыми звеньями управленческой системы[2].

Для воплощения проекта в жизнь Владивостокский городской Совет и горисполком должны были обратиться к вышестоящим органам власти и управления РСФСР и СССР с предложениями об ускоренном и рассмотрении законопроектов на основе предложенных наработок. Верховный Совет РСФСР, однако, остановил свой выбор на альтернативном проекте и 24 октября 1990 г. постановил создать свободную экономическую зону в городе Находке и соседнем Партизанском районе[3], сосредоточив организационные усилия именно в этом направлении.

Приморский краевой Совет народных депутатов и крайисполком приняли деятельное участие в реализации этого проекта, создав 21 рабочую группу. Общую координацию осуществляли В.К. Лозовой и А.С. Воропаев, ранее занимавшиеся проектом ЗСП «Приморский край». Первым шагом в деле реализации данного начинания стало принятие Советом Министров РСФСР 23

---

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 34.
[2] Там же. Л. 35.
[3] О создании в Приморском крае в районе г. Находки свободной экономической зоны: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1990 г. // Ведомости СНД и ВС РСФС. 1990. № 21. Ст. 235.

ноября того же года Положения о свободной экономической зоне в г. Находке Приморского края[1].

Широкий круг вопросов, связанных с созданием и функционированием СЭЗ «Находка», обсуждался на сессии Приморского краевого Совета в июне 1991 г[2]. В ходе слушаний с докладом по данным вопросам выступил В.К. Лозовой, а в качестве содокладчика – А.С. Воропаев. Препятствием к быстрому и эффективному решению данного вопроса являлось несовершенство законодательства, противоречия в нормативно-правовых актах СССР и РСФСР.

В процессе создания экономической модели свободной экономической зоны требовалось использовать международный опыт. Определенные опасения возникали в связи с изучением последствий образования экономических зон в Китае. Депутат А.Г. Олейник отметил негативные тенденции, в частности, падение уровня жизни населения и безработицу. Те же опасности могли грозить и Находке. В.К. Лозовой считал подобную оценку недостаточно справедливой, так как оценивал китайский опыт более оптимистично[3]. Требовалось принять в расчет возможность ухода национальных богатств в условиях ослабления контроля со стороны властей[4]. Такие сомнения были уместны, однако положительные стороны всё же имели перевес над отрицательными. Сравнивая СЭЗ «Находка» с аналогичными зонами, создаваемыми внутри страны и не имеющими выхода к морю и внешним границам, В.К. Лозовой оценивал перспективы Находки особенно высоко[5].

В то же время вопрос о создании иных экономических зон не был окончательно закрыт. Помимо Находки, на получение особого статуса и специальных льгот претендовали и иные территории. В местной периодической

---

[1] О первоочередных мерах по развитию свободной экономической зоны в районе г. Находки (СЭЗ Находка) Приморского края: Постановление Совета Министров РСФСР от 23.11.1990 г. № 540 // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1991. № 4. Ст. 50.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1325. Л. 2.
[3] Там же. Л. 13.
[4] Гусев Б.С. Специальные экономические зоны сегодня // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 13.
[5] ГАПК. Ф. 26.Оп. 37. Д. 1325. Л. 26.

печати в 1991 г. по инициативе председателя Уссурийского городского Совета А.М. Васяновича обсуждался проект создания СЭЗ в Уссурийске и Уссурийском районе[1]. По оценке главы районного Совета Н.Н. Литвинова, учреждение СЭЗ могло дать городу и району возможность развивать свой торгово-экономический и научно-технический потенциал, рационально осваивать природные ресурсы и производить качественную продукцию[2].

А.С. Воропаев, рассматривая подобные инициативы, рассчитывал направить их в конструктивное русло. Сохраняя в качестве приоритетной задачи создание и развитие СЭЗ «Находка», он в то же время предлагал учредить локальные зоны в тех местах, где это не потребует значительных капиталовложений. В качестве перспективного шага рассматривался проект создания особой таможенной территории в районе поселка Пограничный в тесном сотрудничестве с КНР[3], а также в Хасанском районе[4]. Действительно, улучшение отношений с соседним Китаем положительно сказалось на оживлении трансграничных международных маршрутов, проходящих через южную часть Приморья, и развитии грузовых перевозок на данном участке российско-китайской границы. Перспективы экономического сотрудничества в приграничных районах Дальнего Востока и соседних провинциях КНР неоднократно обсуждались межгосударственными комиссиями и рабочими группами[5]. Однако в начале 1990-х гг. предложения по организации локальных свободных зон в приграничной полосе не были реализованы. Руководство РСФСР приняло решение сосредоточиться на развитии уже созданных СЭЗ и временно приостановило учреждение новых[6].

Приведенные материалы демонстрируют, что возможность создания свободной экономической зоны рассматривалась руководителями Советов

---

[1] Коммунар. 1991. 13 февраля. С. 2.
[2] Коммунар. 1991. 23 февраля. С. 2.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1325. Л. 34.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1280. Л. 14.
[5] Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России (середина 1980-х годов – начало XXI века). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. С. 207.
[6] Шмонов Н.Н. Историческое исследование проблем развития особых экономических зон. Казань: Изд-во КГУКИ, 2010. С. 25.

народных депутатов и исполкомов с большим энтузиазмом, а также получили поддержку большинства депутатов. СЭЗ воспринималась как своего рода эксперимент по ускоренному внедрению новых рыночных отношений. Именно на территории зоны должна была проходить апробация новых экономических подходов для дальнейшего их внедрения в масштабах всей страны. Статус СЭЗ связывался с долгожданным улучшением экономической ситуации в регионе.

Два наиболее амбициозных проекта по созданию ЗСП «Приморский край» и СЭЗ в г. Владивостоке отражали представление о том, что получение особого статуса позволит ускорить выход из кризиса за счет сочетания эффективного использования местных ресурсов и иностранной поддержки в виде инвестиций. Изучение конкретных положений обоих проектов показало стремление к получению экономической самостоятельности, дополнявшееся приобретением властями края и города дополнительных полномочий. В этой связи выглядит объективным утверждение В.В. Савалея, высказанное в 1991 г.: «Ложное чувство богатого шейха, сидящего на месторождениях нефти, газа, угля, руд, распоряжающегося запасами леса, рыбы привело к определенной крайности. За парадом суверенитетов последовал марш открытия свободных экономических зон»[1]. Несмотря на очевидные выгоды, которые могли бы извлечь край и город, проект уже на стадии рассмотрения вызвал существенные сомнения в возможности практической реализации. С принятием окончательного решения о создании СЭЗ «Находка» реализация альтернативных проектов была заморожена либо отложена на неопределенный срок.

В условиях ослабления связи с союзным центром усилились тенденции к поиску путей объединения усилий регионов, возникла необходимость межрегионального диалога[2]. В середине августа 1990 г. в Хабаровске состоялась встреча председателей Советов и исполнительных комитетов с целью обсуждения актуальных проблем социально-экономического развития Дальнего Востока и

[1] Савалей В.В. Приморье: поиск экономической ниши // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 5. С. 74.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1344. Л. 45.

выработки совместными усилиями мер по преодолению негативных последствий наступившего кризиса. Создание на Дальнем Востоке координационного органа открывало возможность коллегиального принятия решений, имеющих общее значение для большинства регионов Дальнего Востока без ущемления самостоятельности территорий, а также совместного отстаивания интересов перед республиканским и союзным министерствами и ведомствами.

Кроме депутатов Советов на этой встрече присутствовали ученые Дальневосточного отделения Академии Наук СССР и делегаты от крупных предприятий, связанных, с энергетикой и лесопромышленном комплексом. На совещании с участием специалистов шло обсуждение общих для всего Дальнего Востока проблемах: продовольственной, топливно-энергетической, вопросов ценообразования, лесного и строительного комплекса, минерально-сырьевой базы. В ходе совещания было заявлено, что центральные министерства и ведомства, в первую очередь, органы государственного планирования, зачастую игнорировали местные интересы, навязывая регионам свои условия. Это привело к деформации структуры региональной экономики, сохранившей преимущественно сырьевую направленность, породило несбалансированность товарного рынка, а так же сопутствующие проблемы. К их числу относились низкие темпы строительства жилья, бедственное состояние здравоохранения и культуры, резкое обострение экологической обстановки. Все эти факторы отрицательно повлияли на жителей регионов, формируя у них критическое отношение к власти[1].

Со стороны центральных областей допускались нарушения договорных обязательств по поставкам в дальневосточные регионы продовольствия и промышленной продукции, что ещё больше усугубляло непростую хозяйственную обстановку на местах и ставило регионы Дальнего Востока в исключительно сложное положение. Участники совещания констатировали, что речь идет, по существу, о выживаемости территории, поскольку принятая в 1987

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 46.

г. союзная программа долговременного комплексного развития производственных сил уже не могла исправить тяжёлое положение. Дополнительную актуальность межрегиональному диалогу добавил и начавшийся переход к рыночным отношениям, проявившимся, в том числе, во внешнеэкономических связях.[1].

От имени участников совещания было подготовлено и направлено в адрес правительств СССР и России предложение по улучшению продовольственного обеспечения с просьбой сохранить на 1991 г. порядок выделения и обязательной поставки продовольствия на Дальний Восток в объемах 1989 г. и на тех же условиях. Выбран был именно этот год, так как в следующем, 1990 г., поставки были резко сокращены и перестали удовлетворять местные нужды. Если правительство сочтёт невозможным решить данный вопрос за счет централизованных фондов, совещание представителей регионов предложило альтернативу: предоставить территориям Дальнего Востока право оставлять в своем распоряжении ресурсы и самостоятельно закупать недостающее продовольствие и товары на внутреннем и внешнем рынке[2].

Итогом встречи стало создание 11 августа 1990 г. Дальневосточной ассоциации Советов народных депутатов – добровольной межрегиональной организации, которая включала Приморский и Хабаровский края, Якутскую АССР (с 27 сентября в соответствии с Декларацией о суверенитете стала официально именоваться Якутская-Саха ССР[3]), Еврейскую автономною область (в тот момент – в составе Хабаровского края), Амурскую, Камчатскую, Магаданскую и Сахалинскую области. Главная задача нового объединения заключалась в защите интересов жителей Дальнего Востока, координации деятельности советских и хозяйственных органов по усилению экономической самостоятельности Дальневосточного экономического района и выработки новой

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 48.
[2] Там же. Л. 50.
[3] Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики от 27.09.1990 г. // Сборник законов Республики Саха (Якутия) за 1990-1991 гг. Ст. 7.

стратегии и тактики его работы с учетом общих экономических и социальных интересов[1].

Совет ассоциации возглавил председатель Хабаровского Совета Н.Н. Данилюк[2]. В координационный совет были делегированы председатель Приморского краевого Совета А.А. Волынцев и председатель крайисполкома В.С. Кузнецов[3]. На совещании в Хабаровске было принято обращение к Совету министров РСФСР. Правительство республики ставилось в известность о создании Дальневосточной ассоциации[4].

Приморский краевой Совет одобрил основные принципы социально-экономического сотрудничества в рамках новой организации. В ходе обсуждения перспектив ассоциации, тенденция к консолидации регионов Дальнего Востока заинтересовала депутатов, в том числе А.А. Заболотникова, который видел в создании новой координационной структуры возможность регионов выработать собственный план по выходу из кризиса и своими силами противодействовать распаду хозяйственных связей. Данный вопрос он предложил рассматривать в контексте разработки Конституции России и новых принципов федеративного устройства[5].

Примечательно, что в своем выступлении на сессии краевого Совета А.А. Волынцев, сообщая о целях и задачах августовского совещания в Хабаровске, упомянул следующий факт: первоначальный проект предполагал создание межрегионального союза с включением в него аппарата Госплана СССР по Дальневосточному экономическому району[6].

Действительно, сама идея создания межрегиональных ассоциаций не была собственной инициативой регионов, хотя и довольно быстро была ими одобрена.

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 46.
[2] Совещание руководителей территориальных ассоциаций РСФСР 20 марта 1991 г. Краткая запись встречи. URL: https://yeltsin.ru/uploads/upload/2015/03/27/f6_o1_d030_001.pdf (дата обращения: 12.09.2020).
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 9.
[4] Там же. Л. 46.
[5] Там же. Л. 57.
[6] Там же. Л. 46.

Концепция экономических ассоциаций зародилась ещё в начале 1990 г, и была предложена Институтом экономики Уральского отделения Академия наук СССР. Вскоре она была поддержана Советом Министров РСФСР, после чего рекомендована Госпланом и Министерством юстиции РСФСР для внедрения в регионах[1]. Приморская делегация вместе с представителями Амурской области высказалась против такой модели соглашения и предложила внести в изначальный проект коррективы, избрав иную форму интеграции, основанную на горизонтальных связях и исключающую участие в ней центрального государственного аппарата[2].

А.А. Волынцев оценил проделанную работу высоко, выразив надежду на то, что депутаты краевого Совета окажут всестороннюю поддержку Дальневосточной ассоциации. При этом А.А. Волынцев сделал оговорку, что создание ассоциации может рассматриваться как своего рода первый шаг на пути к образованию будущей Дальневосточной республики в составе России[3].

Хотя Советы Дальнего Востока не предприняли дальнейших шагов в этом направлении, создание Дальневосточной ассоциации было воспринято частью российского руководства как заявка на получение регионом особого статуса. Так, некоторые народные депутаты – члены Конституционной комиссии РСФСР на совещании 31 августа 1990 г. допустили, что подобные ассоциации могут в дальнейшем стать субъектами обновлённой Российской Федерации[4].

В то же время председатель координационного совета ассоциации Н.Н. Данилюк не разделял данную позицию и на встрече с Президентом РСФСР в марте 1991 г. прямо заявил, что ассоциация не занимается политикой, а основная её работа сосредоточена на развитии межрегиональных и внешнеэкономических

---

[1] Думчева Н.А. Дальневосточная межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия: её роль в управлении социально-экономическими процессами в регионе // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 2. С. 65.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 46.
[3] Там же. Л. 49.
[4] Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) Т. 1 / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, Фонд конституционных реформ, 2007. С. 177, 202.

связей, решении проблем энергетики, экологии, строительства и транспорта[1]. Впоследствии данный подход получил поддержку руководства РСФСР, и в ноябре 1991 г. деятельность межрегиональных ассоциаций была ограничена исключительно экономическими вопросами[2].

Председатель крайисполкома В.С. Кузнецов сдержанно оценивал результаты совещания в Хабаровске и его итоги, включая создание Дальневосточной ассоциации, выделив ряд трудностей, препятствующих межрегиональной интеграции. Изначальным автором идеи созыва этого совещания он назвал аппарат уполномоченного Госплана, оценив этот проект первоначально как реанимацию старого командно-административного аппарата под новым названием. В.С. Кузнецов не поддержал такой подход и настоял на том, чтобы ассоциация была оформлена как исключительно добровольное объединение руководителей краев и областей. Не отрицая важность согласования позиций регионов в решении ключевых вопросов, В.С. Кузнецов отвергал необходимость единого управленческого аппарата и постоянно действующего органа. Причиной такого отношения стали многочисленные конфликтные ситуации, выявившие большое количество противоречий в интересах различных регионов Дальнего Востока. Председатель крайисполкома считал, что с организацией работы вполне могли бы справиться и соответствующие исполнительные комитеты тех регионов, где будут проводиться очередные совещания. В этой связи В.С. Кузнецов выступил против того, чтобы постоянным местом размещения рабочего органа ассоциации был Хабаровск[3].

Критически оценивая сложившуюся модель координации межрегиональных усилий, председатель крайисполкома привел следующий пример: уже после того,

---

[1] Совещание руководителей территориальных ассоциаций РСФСР 20 марта 1991 г. Краткая запись встречи. URL: https://yeltsin.ru/uploads/upload/2015/03/27/f6_o1_d030_001.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

[2] Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краев и областей в осуществлении радикальной экономической реформы: Указ Президента РСФСР от 11.11.1991 г. № 194 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1596.

[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 63.

как совещание было закончено, а соглашения подписаны, между Приморским и Хабаровским краями на административной границе со стороны Хабаровска были выставлены милицейские кордоны, препятствующие доставке закупаемых товаров из Хабаровского края в Приморский. Автомобили с грузами разворачивались и направлялись обратно вопреки достигнутым соглашениям и действующему законодательству. По сообщению В.С. Кузнецова, при попытке обсудить эту проблему с председателем Хабаровского краевого Совета Н.Н. Данилюком по телефону, тот просто положил трубку, заявив, что «кордоны продолжат действовать, и на этом всё». Подобным примером В.С. Кузнецов проиллюстрировал сложность достижения взаимопонимания и координации между регионами[1].

В условиях набирающего обороты социально-экономического кризиса, отягощённого политическим конфликтом между властями СССР и РСФСР, на Дальнем Востоке наблюдались определенные тенденции регионализации и объединения усилий регионов Дальнего Востока с целью совместного решения проблем. Предпринятые попытки консолидации регионов для противодействия экономическим и внутриполитическим вызовам привели к противоречивым результатам: способствовали образованию межрегиональной координационной структуры в форме Дальневосточной ассоциации Советов народных депутатов, однако не привели к формированию общих для всего Дальнего Востока органов власти и управления. Дальневосточный регионализм в Приморье получил организованную форму и приобрел своих сторонников, в том числе, и в краевом Совете народных депутатов, однако тесная интеграция регионов к середине 1991 г. не была завершена, оставаясь всё еще далекой перспективой.

Несмотря на явные неудачи в деле управления социально-экономическими процессами на подотчетных территориях, руководство советской власти края в целом придерживалось мнения о том, что экономическая реформа идет в крае в правильном русле. При этом высказались опасения, что время для

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 64.

контролируемого перехода к рыночным отношениям уже прошло, так как прежняя система управления фактически разрушена, однако восстановление её нецелесообразно, поскольку ускоренное движение к рынку открывает большие перспективы[1].

В условиях ухудшения социально-экономической ситуации в крае всё чаще подвергались критике руководители Приморского краевого Совета и крайисполкома. 14 апреля 1991 г., заслушав и обсудив доклад А.А. Волынцева о причинах чрезвычайной ситуации с продовольствием и конкретных путях выхода из кризиса, депутаты в своем решении выразили неудовлетворение работой руководства края[2]. По их мнению, в сложившейся ситуации А.А. Волынцев и В.С. Кузнецов, а также президиум краевого Совета и прочие руководители не проявили должных навыков и не приняли всех необходимых мер по стабилизации положения в регионе. Руководители края не добились положительной динамики в обеспечении выполнения продовольственных поставок, в установлении прямых связей между регионами, а также исполнения обязательств со стороны союзных и российских министерств и ведомств по ликвидации последствий наводнений на территории края. Крайисполком не проконтролировало выполнение решений предыдущей сессии краевого Совета по вопросам снабжения населения продовольствием и своевременному созданию 10-% товарообменного фонда, не сумело восстановить устойчивые связи между промышленными предприятиями, организациями, совхозами и колхозами. Не в полной мере были использованы возможности ведущих отраслей экономики края, не обеспечена работа системы распределения имеющихся продовольственных ресурсов[3].

В отношении председателя крайисполкома В.С. Кузнецова сессия краевого Совета решила, что в своей деятельности он самоустранился от решения продовольственной проблемы, что привело к кризису снабжения населения края, вызвав многочисленные обращения и требования жителей, коллективов

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 22.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1108. Л. 19.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1128. Л. 19.

предприятий и организаций Приморья с требованием принять более решительные меры или отправить руководство краевого Совета и крайисполкома в отставку. В связи с этим Совет признал работу своего руководства по обеспечению населения продовольствием неудовлетворительной, обязав А.А. Волынцева и В.С. Кузнецова обеспечить выполнение ранее принятых решений по продовольственной проблеме и предупредив их о персональной ответственности. Депутаты поручили председателям краевого Совета и крайисполкома проинформировать российское и союзное правительства о сложившейся чрезвычайной обстановке и потребовать от Кабинета Министров СССР и Совета Министров РСФСР выполнения решений о поставках продовольствия в край[1].

Был поднят вопрос об устранении А.А. Волынцева и В.С. Кузнецова с руководящих постов. Депутаты высказывали различные мнения о том, кого же из них отправить в отставку первым и за какие именно ошибки. Депутат О.А. Дергунов предложил снять с должности сперва А.А. Волынцева, усмотрев его вину в том, что край доведен до катастрофического состояния. Работа В.С. Кузнецова им также была оценено невысоко, однако причину этого О.А. Дергунов нашёл в том, что у В.С. Кузнецова «нет своей команды», сам же он «не вел край в пропасть, а пытался каким-то образом вырулить». Для того чтобы исправить ситуацию, он предложил выразить недоверие А.А. Волынцеву, а до изменения структуры Совета временно возложить его обязанности на В.С. Кузнецова[2]. Депутат В.П. Шкрабов, напротив, предложил в полном объеме выразить недоверие в первую очередь В.С. Кузнецову. А поскольку А.А. Волынцев также нёс ответственность за ситуацию в крае, то затем отправить в отставку и его[3]. Не только депутаты, но и трудовые коллективы предприятий всё чаще требовали отставки краевого руководства за неспособность справиться с

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1128. Л. 20.
[2] Там же. Л. 57.
[3] Там же. Л. 59.

продовольственным и топливно-энергетическим кризисом, охватившим Приморье[1].

При подготовке к пятой сессии краевого Совета в июне 1991 г. на очередном заседании президиума выяснилось, что В.С. Кузнецов медлит с подготовкой отчет о работе исполнительного комитета. Когда же он всё же выступил на сессии Совета, его доклад не смог полностью удовлетворить депутатов. В.С. Кузнецов предостерегал их от конфронтации, рассчитывая получить поддержку широких слоев общественности и «найти приверженцев здравому смыслу среди коммунистов, демократов и республиканцев, социал-демократов и всех остальных, кто желает процветания своей стране и своему народу»[2]. Однако многие из депутатов подвергли председателя крайисполкома суровой критике, вновь пригрозив отправить его в отставку. Сгладить конфликт постарался А.А. Волынцев. Признавая недочёты в работе крайисполкома, он всё же предложил отказаться от обвинений и ультиматумов, по крайней мере, до выборов главы администрации. Такие выборы, как ожидалось, в ближайшие месяцы должен был назначить Президент РСФСР[3].

Тем не менее, в ходе работы пятой сессии краевого Совета 27 июня 1991 г. вопрос о доверии А.А. Волынцеву и В.С. Кузнецову вновь обсуждался депутатами. Было выдвинуто три предложения. Одно из них было включено в повестку дня по настоянию самого А.А. Волынцева, просившего депутатов определиться, доверяют они ему или нет. Второе предложение подготовила группа из 25 депутатов, намереваясь поставить на поимённое голосование вопрос об освобождении от должности В.С. Кузнецова. Третье поступило от 26 депутатов, добивавшихся снятия А.А. Волынцева с поста председателя краевого Совета[4]. Однако в итоге ни одно из этих предложений не было принято. А.А. Волынцев и В.С. Кузнецов продолжили работу и сохранили за собой

[1] Коммунист. 1991. 27 июня.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 19.
[3] Там же. Л. 35.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1128. Л. 8.

руководящие посты председателя краевого Совет и председателя крайисполкома к середине августа 1991 г.

Непрочное положение краевой власти стало следствием как объективных факторов (общего системного кризиса в стране, приведшего к распаду единого правового поля, разрыву сложившихся хозяйственных межрегиональных связей и разрушению системы социальной защиты), так и серьезными недостатками в управлении народнохозяйственным комплексом края со стороны руководства краевого Совета и его исполнительного комитета. Ухудшающейся с каждым днем обстановка в Приморском крае грозила обернуться локальным политическим кризисом, в ходе которого руководители советской власти Приморского края при отсутствии тенденций к улучшению социально-экономической ситуации могли лишиться своих постов, поскольку уровень доверия председателю краевого Совета и председателю крайисполкома неуклонно снижался.

Коммерциализация многих предприятий, ранее имевших на балансе объекты социальной инфраструктуры и несших ответственность за социальное обеспечение своих бывших работников, вызвали смещение баланса ответственности в сторону местных Советов и исполкомов.

Сужал поле для маневра и имеющийся управленческий опыт по решению задач социального обеспечения, в то время как экономическое реалии начала 1990-х гг. сделали неэффективными многие меры социальной защиты граждан, провозглашенные местными властями. Попытки наладить нормированное распределение ограниченных продовольственных и непродовольственных ресурсов, а также отстоять практику регулируемых твёрдых цен, не привели к ожидаемому результату вследствие распада системы материального снабжения. Директивные и командные подходы, применявшиеся в решениях вопросов социально-экономического развития местными Советами и исполкомами, натолкнулись на невозможность их своевременного исполнения. В последующие годы весь комплекс нерешенных социально-экономических проблем, отягощённых стремительной криминализацией общества, продолжающимся

экономическим кризисом и падением доверия к политическим институтам, перешёл по наследству от Советов к новым органам власти управления.

Глава 3 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРЬЯ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА АВГУСТА 1991 Г. И РАСПАДА СССР

3.1 Советские органы власти и управления Приморского края в период политического кризиса 19-21 августа 1991 г.

К лету 1991 г. СССР находился в состоянии глубокого системного кризиса. Всё более очевидным становилась неспособность государственных институтов сохранить страну и предотвратить дезинтеграцию политического и экономического пространства Союза. Ситуация усугубилась отсутствием чётких представлений о перспективах союзного государства и способах его сохранения[1]. Внутри союзной политической элиты, а также среди руководителей республик продолжалась начатая ещё на I Съезде народных депутатов СССР дискуссия о необходимости обновления СССР[2], переосмысления его природы и дальнейшей трансформации в сторону федеративного или конфедеративного союза суверенных государств[3]. За 1990-1991 г. М.С. Горбачёв успел несколько раз переменить позицию в отношении «обновлённого» Союза. Отказавшись от жёсткой линии противодействия сепаратистским устремлениям республиканских элит, он весной 1991 г. встал на путь компромисса и поиска консенсуса с ними путем заключения нового союзного договора[4]. Переговоры с республиканскими лидерами, получившие наименование «новоогаревского процесса», привели к фактическому отказу М.С. Горбачёва от сохранения СССР в прежних границах, а

---

[1] Фадеев В.Н. Истоки системного кризиса государственности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 170.

[2] Ялышев Р.А. Первый съезд народных депутатов СССР: дискуссия о судьбе союзного государства // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб: Астерион, 2020. С. 175.

[3] Полынов М.Ф. Взаимоотношения союзного центра и российского руководства на завершающем этапе перестройки. 1990-1991 гг. // Труды Исторического факультета СПбГУ. 2013. № 15. С. 171.

[4] Пученков А.С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. № 2. С. 455.

также к подтверждению им суверенных прав республик и понижении роли союзного центра[1] в обмен на согласие (в ряде случаев – весьма условное и неустойчивое[2]) 9 из 15 республик заключить новый союзный договор[3], первый этап подписания которого был назначен на 20 августа 1991 г[4].

В тоже время в высшем политическом и военном руководстве СССР в 1990 г. – первой половине 1991 г. продолжали прорабатываться планы предотвращения дезинтеграции страны путём введения чрезвычайного положения и пресечения сепаратистских тенденции всеми возможными средствами, включая силовые[5]. Для этого заблаговременно была подготовлена законодательная база[6]. Зимой 1990-1991 г. в преддверии силовой акции в Литве, зашедшей дальше других республик на пути к независимости, обсуждалась возможность введения чрезвычайного положения либо прямого президентского правления в этой республике, а в перспективе и в остальных республиках Прибалтики[7]. Несмотря на колебания М.С. Горбачёва и его стремление уйти от прямой конфронтации, сторонники решительных мер по восстановлению порядка к лету 1991 г. сохраняли высокое положение в союзных структурах, в том числе входили в ближайшее окружение Президента СССР и занимали ключевые должности в Кабинете Министров СССР[8].

---

[1] Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 355.

[2] Лукашин А.В. Проблемы разработки и заключения нового Союзного договора в контексте антикризисного управления в СССР (март 1990 – август 1991) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 145.

[3] Ялышев Р.А. «Новоогаревский процесс» выработки нового союзного договора весной – летом 1991 г.: федерация или конфедерация? // Проблемы истории и историографии. 2016. Т. 4. С. 279.

[4] Там же. С. 148.

[5] Котляров М.В. Путч ГКЧП: историческое значение, общественное мнение и политика памяти // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск, 2018. С. 522.

[6] О правовом режиме чрезвычайного положения: Закон СССР от 3.04.1990 г. № 1407-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 15. Ст. 250.

[7] Сидоров А.В. От кризиса к распаду СССР в 1990-1991 гг // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2016. № 1. С. 85.

[8] Художенков И.В. «События августа 1991 года» в представлениях государственных деятелей, общественно-политических лидеров и социокультурной элиты: дис. … канд. ист. наук. Омск, 2016. С. 48.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. в Москве был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (далее – ГКЧП). Представители высших структур государственной власти СССР: Вице-президент СССР Г.И. Янаев, премьер-министр СССР В.С. Павлов, министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго, министр обороны СССР Д.Т. Язов, председатель КГБ СССР В.А. Крючков, первый заместитель председателя Совета обороны СССР О.Д. Бакланов и их сторонники из числа руководителей крупных общесоюзных организаций в лице председателя Крестьянского союза СССР В.А. Стародубцева и президента Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР А.И. Тизякова наделили себя чрезвычайными полномочиями по противодействию распаду страны и преодолению кризиса. ГКЧП от имени «советского руководства» выступил с заявлением о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР на срок до 6 месяцев с 4:00 по Московскому времени 19 августа 1991 г[1].

Создание ГКЧП являлась реакцией на процессы дезинтеграции единого правового, политического, экономического и социального пространства СССР, а также довольно туманные и неоднозначные перспективы нового союзного договора.

Было установлено, что на всей территории страны безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР. Решения ГКЧП объявлялись обязательными для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР. Указом Вице-президента СССР от 18 августа 1991 г. в связи с невозможностью исполнения Президентом СССР М.С. Горбачёвым по состоянию здоровья своих обязанностей, на основании статьи 127.7 Конституции СССР Г.И. Янаев вступил в исполнение обязанностей Президента с 19 августа 1991 г[2].

---

[1] Заявление Советского руководства // Известия Советов народных депутатов. 1991. № 197. 20 августа. С. 1.

[2] Указ Вице-президента СССР // Известия Советов народных депутатов. 1991. № 197. 20 августа. С. 1.

«Исполняющий обязанности Президента СССР» Г.И. Янаев уведомил глав государств и правительств и Генерального секретаря ООН о введении в СССР чрезвычайного положения с передачей всей полноты власти в стране ГКЧП. С 19 августа Г.И. Янаев ввёл чрезвычайное положение в столице[1]. ГКЧП также выступил с пространным обращением к советскому народу, в котором утверждал, что начатая по инициативе М.С. Горбачёва политика реформ зашла в тупик, а страна стала неуправляемой. ГКЧП обещал поставить на широкое всенародное обсуждение проект нового союзного договора, незамедлительно восстановить законность и правопорядок, проводить последовательную политику реформ, ведущих к обновлению страны и повышению благосостояния всех граждан[2].

Короткий период существования ГКЧП не позволяет сделать однозначный вывод о возможной его долгосрочной региональной политике, способах вывода страны их кризиса, обеспечения безопасности и прекращения конфликтов в нестабильных регионах страны. В отношении институтов региональной и местной власти в «Обращении к народу», главном политическом заявлении ГКЧП, прозвучало единственное уточнение, касающееся Советов: «…демократические институты, созданные народным волеизъявлением…», из чего следует, что система Советов должна была сохраниться в период действия чрезвычайного положения, послужив опорой советского руководства[3].

В том же документе имеются формулировки, явно указывающие на негативное отношение ГКЧП к новым элементам, внесённым в систему советской власти, а также проектам её дальнейшего переустройства: «Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные народом Советы».

ГКЧП небезосновательно рассматривал эти структуры как инородные в традиционной системе Советов и исполкомов. Очевидно, что в формировании

---

[1] О введении чрезвычайного положения в городе Москве: Указ Исполняющего обязанности Президента СССР от 19.08.1991 г. // Известия. 1991. № 197. С. 1.

[2] Обращение к народу Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР // Известия Советов народных депутатов. 1991. № 197. 20 августа. С. 1.

[3] Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/5324 (дата обращения: 17.07.2020).

подобного мнения сыграли ключевую роль первые итоги деятельности мэров Москвы и Ленинграда Г.Х Попова и А.А. Собчака и активное предвидение ими идеи о необходимости трансформации местных Советов в муниципалитеты[1]. Кроме того, Г.Х. Попов и А.А. Собчак являлись последовательными противниками и ярыми критиками консервативного крыла советского руководства ещё со времен I Съезда народных депутатов СССР[2]. Будучи соратниками Б.Н. Ельцина по Межрегиональной депутатской группе, они не раз сходились в дискуссиях со сторонниками наведения порядка с использованием чрезвычайных мер.

Что же касается советских органов Приморского края и их руководителей А.А. Волынцева и В.С. Кузнецова, то явных угроз их положению, по крайней мере, на первом этапе реализации чрезвычайных мер, не предвиделось. В отношении депутатов местных Советов и должностных лиц, настроенных к ГКЧП критически, репрессивных действий не производилось как в силу наличия более опасных оппонентов в лице руководства РСФСР, так и ввиду общего настроя большинства членов ГКЧП на минимизацию насильственных мер на время действия чрезвычайного положения[3] и крайней осторожности в применении силы даже в отношении своих главных противников[4].

Первые документы ГКЧП – «Заявление советского руководства», «Обращение к народу» и Указ вице-президента СССР Г.И. Янаева о временном принятии на себя полномочий Президента СССР и введении чрезвычайного положения 19 августа 1991 г. были зачитаны в радиоэфире и переданы по Центральному телевидению.

В момент получения первых известий о происходящих в столице событиях региональная власть в Приморском крае оказалась застигнута врасплох. Председатель Приморского краевого Совета народных депутатов А.А. Волынцев,

---

[1] Кузьмина В.М. «Сверху густо, а внизу пусто...»: «Десоветизация» органов местного самоуправления в начале 90-х гг. XX в // Вестник РУДН. История России. 2004. № 3. С. 109.
[2] Волгин Е.И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 4. С. 103.
[3] Язов Д.Т. Август 1991. Где была армия? М.: Алгоритм, Эксмо, 2011. С. 21.
[4] Леонов Н.С. Трагический август 1991-го // Свободная Мысль. 2016. № 4. С. 90.

председатель крайисполкома В.С. Кузнецов и его заместитель И.Л. Чернянский на своих рабочих местах отсутствовали. В краевом Совете из всех ответственных руководителей находился только заведующий отделом по вопросам работы Совета В.С. Суров. Поэтому потребовалось некоторое время, прежде чем первые должностные лица Приморья отреагировали на внезапно изменившуюся обстановку, получили возможность провести анализ ситуации и принять первые решения.

А.А. Волынцев 19 августа пребывал в отпуске и должен был вернуться к работе только через неделю[1]. Тем не менее, в предшествующие августовские дни он периодически прерывал отпуск, продолжая поддерживать тесную связь с Советом. Так, 8 августа он участвовал в совещании председателей городских и районных Советов, посвящённом вступлению в силу Закона РСФСР «О местном самоуправлении». Однако на момент введения чрезвычайного положения А.А. Волынцев находился за пределами города и был оповещён заведующим отделом по вопросам работы Совета В.С. Суровым о создании в Москве ГКЧП и его первых распоряжениях только ближе к вечеру 19 августа 1991 г.[2].

Согласно утверждению В.С. Сурова, Указ Вице-президента СССР и текст постановления ГКЧП были получены в краевом Совете 19 августа в 14 часов по местному времени. Будучи на тот момент единственным должностным лицом, ответственным за положение дел в Совете, ввиду отсутствия председателя Совета и его заместителей, он принял решение самостоятельно ознакомиться с содержанием документов и информировать о распоряжениях ГКЧП сотрудников своего отдела. Впоследствии В.С. Суров заявил, что их первая реакция была далека от оптимизма, а в отношении ГКЧП звучали мнения о том, что его распоряжения не могут иметь под собой законную силу, так как противоречат Конституции. Тем не менее, единой публичной оценки действиям ГКЧП работники отдела в тот момент давать не стали.

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 32.
[2] Там же. Л .33.

Обсудив полученные документы, в 16 часов В.С. Суров по телефону уведомил А.А. Волынцева о создании ГКЧП и передал содержание первых его документов. Председатель Совета попросил В.С. Сурова назначить совещание руководителей на утро следующего дня.

Уже после провала ГКЧП А.А. Волынцев, отчитываясь перед депутатами, утверждал, что полученная информация произвела на него неприятное и тягостное впечатление, особенно сильно его беспокоила судьба Президентов СССР и РСФСР, о местоположении которых в тот момент не было достоверной информации[1].

До конца дня В.С. Суров провел встречи с представителями крайисполкома, определив порядок дежурства ответственных лиц[2]. В дальнейшем отдел по вопросам работы Совета занимался переговорами с депутатами, обменивался информацией с городскими и районными Советами и исполкомами, собирал сведения о положении дел в крае. По свидетельству В.С. Сурова, его отдел принимал много телефонных звонков от представителей городов и районов, которые пытались прояснить обстановку. От них также поступали предложения о срочном созыве 22 августа чрезвычайной сессии краевого Совета, однако после совещании и консультации было решено перенести её на несколько дней и дождаться решения сессии Верховного Совета СССР, назначенной на 26 августа[3].

Вечером и ночью с 19 на 20 августа А.А. Волынцев в телефонном режиме провел переговоры с депутатами Владивостокского городского Совета и членами горисполкома, в том числе с исполняющим обязанности председателя Владивостокского городского Совета С.С. Соловьёвым. Также он установил связь с дежурным Управления внутренних дел крайисполкома, со штабом Краснознамённого Тихоокеанского флота, а также с председателем краевого комитета по телевидению и радиовещанию Б.В. Максименко. От С.С. Соловьёва и Б.В. Максименко председатель краевого Совета получил предложение выступить

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 34.
[2] Там же. Л. 54.
[3] Там же. Л .56.

с заявлением по радио, однако отклонил его, сославшись на недостаток достоверной информации[1].

Выходившие в печать 20 августа выпуски приморских газет, за некоторым исключением, не содержали в себе подробной информации о событиях в Москве, судьбе Президента СССР, не публиковали оценочных суждений в адрес ГКЧП. Редакторские коллективы, по большей части, ограничились размещением на передовицах текстов Заявления советского руководства, обращения ГКЧП к народу и Указа Вице-президента СССР. Некоторые издания не сделали даже этого. К примеру, общественно-политическая газета «Владивосток» поместила на первую страницу краткую заметку под саркастическим заголовком «М. Горбачёв не может быть Президентом. Разумеется, по состоянию здоровья». В данной заметке приводился текст Указа Вице-президента СССР Г.И. Янаева о вступлении в исполнение обязанностей Президента СССР из-за болезни М.С. Горбачёва. От себя редакция добавила небольшой комментарий о том, что планировавшихся к подписанию 20 августа в Москве новый Союзный договор между республиками, вероятно, не будет подписан. Далее указывалось, что документы ГКЧП – Заявление советского руководства и Указ исполняющего обязанности Президента СССР – будут опубликованы на седьмой странице номера[2].

Утром 20 августа в 9:30 в краевом Совете состоялось совещание, в котором приняли участие заместители председателя крайисполкома Г.Т. Гордеец и А.И. Иваненко, начальник УВД А.И. Нежельской, прокурор края Г.Г. Лихачёв, командующий Тихоокеанским флотом адмирал Г.А. Хватов, представители КГБ и ряд депутатов краевого и городского Советов. На совещании также присутствовали представители газеты «Утро России». А.А. Волынцев озвучил собравшимся цель совещания цель совещания была такова: оценить ситуацию в крае и не допустить дестабилизации обстановки. Участники встречи решили, что председателю краевого Совета необходимо выступить по радио и телевидению, в своем обращении призвать трудовые коллективы к нормальному рабочему ритму.

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 33.
[2] Владивосток. 1991. 20 августа.

Учитывая критическое состояние экономики края, рекомендовалось воздержаться от участия в забастовках. Обеспечение правопорядка было поручено Управлению внутренних дел крайисполкома и Управлению КГБ по Приморскому краю.

С целью координации усилий с командованием Тихоокеанского флота и Тихоокеанского пограничного округа было решено создать при председателе Совета консультативную группу по жизнеобеспечению края. Распоряжением А.А. Волынцева в состав новообразованной группы были включены следующие лица: В.С. Кузнецов – председатель исполкома Приморского краевого Совета, Е.М. Блинов – председатель Владивостокского горисполкома, А.И. Нежельской – начальник Управления внутренних дел крайисполкома, Ю.Г. Диденко – генеральный директор «Дальморепродукта», председатель депутатской комиссии по экономике краевого Совета, А.Г. Олейник – первый заместитель командующего флотом, председатель депутатской комиссии по оборонным вопросам. Кроме них в состав комиссии вошли представители штаба пограничного округа и Приморского управления КГБ, а также члены постоянной комиссии по аграрным вопросам[1]. А.А. Волынцев утверждал, что включение в состав группы осуществлялось исключительно добровольно, хотя некоторые члены группы были включены в неё заочно и не давали на это согласия. К примеру, В.С. Кузнецов в момент совещания и создания консультативной группы находился за пределами края, совершая перелёт из Москвы во Владивосток[2].

Решение о создании консультативной группы было интерпретировано неоднозначно, вызвав впоследствии крайне негативную реакцию ряда депутатов Советов и представителей общественности. К примеру, депутат краевого Совета В.А. Гильгенберг посчитал, что этот орган есть прямое повторение ГКЧП в меньшем масштабе[3], так как полностью соответствует его целям и идеям. Депутат В.И. Черепков квалифицировал создание консультативной группы как прямое

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 34.
[2] Там же. Л. 69.
[3] Там же. Л. 80.

пособничество ГКЧП[1], а также как стремление председателя краевого Совета предусмотрительно показать свою лояльность на случай победы «путчистов» в Москве. Сам А.А. Волынцев, однако, подчеркивал, что в факте создания консультативной группы не было посягательства на демократические устои. В качестве аргумента он указывал на то, что и ранее от депутатов поступали предложения образовать чрезвычайную комиссию для оперативного решения хозяйственных вопросов. Включение в состав консультативной группы представителей армии и флота обосновывалось необходимостью тесного взаимодействия руководства Совета и командования Вооружённых Сил для решения текущих проблем края, так как они могли оказать помощь в решении многих вопросов, в том числе в уборке урожая[2].

Утром 20 августа А.А. Волынцев дал небольшое интервью корреспондентам газеты «Владивосток», ответив на несколько вопросов связанных с ГКЧП. Он поделился с журналистами впечатлениями о прошедшем совещании и сообщил им, что чрезвычайное положение в крае не вводится, однако обстановка чрезвычайно сложная, поэтому при краевом Совете создана рабочая консультативная группа, отвечающая за жизнеобеспечение края до стабилизации ситуации. Отвечая на вопрос, чьи указания будут исполняться – ГКЧП или Б.Н. Ельцина, А.А. Волынцев заявил, что будет выполнять и те и другие, но только если они не противоречат друг другу. Председатель краевого Совета также отметил, что ГКЧП не противоречит Конституции, поэтому с правовой точки зрения законен. В тот момент А.А. Волынцев отрицал в деятельности ГКЧП признаки государственного переворота[3].

В 12 часов 20 августа началось совещание представителей постоянных депутатских комиссий. В нем приняли участие все те руководители краевого Совета, с которыми удалось выйти на связь. В ходе совещания обсуждались два ключевых вопроса. Первый – о целесообразности проведения внеочередной

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 149.
[2] Там же. Л .36.
[3] Владивосток. 1991. 30 августа.

сессии краевого Совета. Второй – о заявлении председателя краевого Совета по радио, телевидению и в печати. В ходе обмена мнениями депутаты пришли к выводу, что внеочередную краевую сессию собирать в ближайшие дни нецелесообразно, и стоит отложить этот вопрос до проведения сессии Верховных Советов СССР и РСФСР. В качестве аргумента указывалось отсутствие кворума и невозможность собрать в короткий срок необходимое количество депутатов. Что касается заявления председателя краевого Совета о ситуации в стране и отношении краевой власти к начавшемуся противостоянию в Москве, то в этом вопросе было решено скорректировать текст заявления, изначально предложенный А.А. Волынцевым, с учетом мнения представителей депутатских комиссий[1].

Закрыв совещание, в 13:15 председатель краевого Совета выступил по радио[2]. В своем обращении А.А. Волынцев воздержался от политических оценок слов и действий союзного и российского руководства. «Я хотел бы подчеркнуть, – говорилось в обращении, – что, несмотря на сложную ситуацию, все структуры власти, все органы управления, кроме незаконно созданных, в Союзе, республиках и по территориям остаются на своих местах и обязаны функционировать в нормальном режиме. Наш край не относится к чрезвычайной территории, поэтому вся полнота власти в Приморье принадлежит законно избранным органам власти и управления»[3].

Как позже признавал сам А.А. Волынцев, это была его главная ошибка, ставшая впоследствии причиной острой критики в адрес председателя краевого Совета[4]. А.А. Волынцев сделал основной упор на недопущение дестабилизации обстановки в экономике: «Защитить нас от надвигающегося голода, разгула беззакония, преступности сможем мы сами, если не дадим впутать себя в гражданскую войну, в забастовку, если будем сохранять нормальные условия труда на всех предприятиях по жизнеобеспечению населения, если направим всех

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 36.
[2] Там же. Л. 37.
[3] Утро России. 1991. 21 августа.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 37.

трудоспособных граждан на уборку выращенного урожая». В этой связи призыв к проведению всеобщей бессрочной забастовки, полученный от руководства России, отвергался как неприемлемый: «Я категорически против призыва о проведении всеобщей бессрочной забастовки. Для страны в целом, для нашего края в особенности, это ещё более усугубит экономическое положение, приведет к непредсказуемым, а в ряде отраслей и необратимым последствиям в обеспечении продовольствием, топливом вводе жилья объектов соцкультбыта и в других отраслях народного хозяйства». Отмечая, что на полях края созрел неплохой урожай картофеля, А.А. Волынцев призывал приморцев оказать помощь сельским жителям по его уборке. Председатель Совета кратко описал продовольственную ситуацию, оценив запасы хлеба, муки, крупы, сахара и соли как достаточные.

Сообщив о создании консультативной группы и пообещав регулярно информировать жителей края о её работе, А.А. Волынцев обратился ко всем трудовым коллективом края, рабочим, специалистам, представителям интеллигенции и студентам с призывом: «Сохраняйте спокойствие, порядок и организованность. Воздержитесь от забастовок, стачек, митингов, не поддавайтесь эмоциям и сосредоточьте внимание на практической работе по выполнению заданий текущего года, где сегодня в силу ряда причин положение крайне неудовлетворительное». В заключение, председатель краевого Совета обращался к воинам Советской армии, флота и пограничникам с просьбой проявлять выдержку и стойкость[1].

Таким образом, А.А. Волынцев не инициировал каких-либо мер, направленных на противодействие ГКЧП, отмечая недопустимость забастовки, об опасности которой впоследствии говорил так: «Для нашего края это было бы подобно экономической смерти, ибо обстановка сегодня такая, я думаю, что не все депутаты сегодня критически оценивают, что приостановление даже

[1] Утро России. 1991. 21 августа.

отдельных предприятий, а тем более базисных, на сутки может привести к осложнению работы сотен трудовых коллективов»[1].

В качестве примеров недопустимости всеобщей забастовки А.А. Волынцев приводил в пример негативные последствия остановки работы угольного разреза «Лучегорский». 20 августа коллектив этого предприятия не вышел на работу, что привело к падению мощности в энергосистеме. В результате этого промышленность края могла работать лишь на 40% своей мощности. В таком режиме без поставок угля, лишь за счет существующего небольшого запаса, энергетические системы края могли работать только трое суток, а затем последовала бы их полная остановка. В случае более длительных перебоев в работе угольных предприятий края электростанции не сумели бы поддерживать обеспечение края энергией зимой[2].

Другим аргументом против забастовки стала нерешенная ситуация с заготовками кормов для общественного животноводства. По мнению А.А. Волынцева, до наступления холодов за оставшееся время можно было заготовить немногим более четверти необходимого запаса, а это привело бы к снижению поголовья в ходе предстоящих зимних месяцев. Продовольственной ситуации в крае, проблемам использования пашни, уборки урожая и перспективам фермерских хозяйств была в этот день посвящена встреча депутатов краевого Совета с руководителями краевых и городских предприятий и организаций.

На этом совещании также впервые было получено и доведено до руководителей края заключение Комитета конституционного надзора о неконституционности ГКЧП и его действий. Депутаты и должностные лица получили возможность свободно ознакомиться с его содержанием.

С другой стороны, аппарат Совета не информировал жителей края о документах, приходящих из Москвы, в первую очередь – от противников. Оправданием подобной инертности послужило то, что Указы Президента РСФСР, обращения и воззвания уже были переданы по радио и телевидению. По мнению

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 37.
[2] Там же. Л. 38.

заведующего отделом по вопросам работы Совета В.С. Суров, вторично их распространять уже не имело смысла[1].

Некоторыми депутатами поднимался вопрос о доступе к копировальной технике краевого Совета и крайисполкома. По сообщению заведующего общим отделом крайисполкома Черепанова, копировальная техника имела неисправности, но к вечеру 19 августа была полностью отремонтирована, и множительное бюро работало в штатном режиме. Депутаты, желавшие воспользоваться копировальной техникой, получили к ней свободный доступ[2].

Тем временем, по приморскому радио выступил с личным заявлением исполняющий обязанности председателя Владивостокского городского Совета С.С. Соловьёв. Речь его принципиально отличалась от того, что было сказано председателем краевого Совета. Он обратился к трудящимся края с просьбой выполнять только распоряжения законных властей России и указы Президента Б.Н. Ельцина, а также предложил немедленно созвать внеочередную сессию городского Совета[3].

В адрес руководства края и города Владивостока стало поступать всё больше обращений, заявлений, резолюций и требований от организаций и отдельных граждан. В них осуждались действия ГКЧП, подчеркивался антиконституционный характер его действий, а так же выражалась поддержка российскому правительству и Президенту РСФСР. В поддержку Б.Н. Ельцину открыто высказались представители краевого комитета независимого профсоюза предпринимателей «Единение». В остальном, предприниматели Владивостока соблюдали обычный ритм работы. Исполняющий обязанности директора кооперативного банка «Восток» О. Соловьев, к примеру, сказал следующее: «Пока мы будем продолжать обслуживать наших клиентов, проводить положенные операции и не намерены что-то изменять в своей работе», сославшись на недостаток информации для принятия каких-либо ответственных

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 67.
[2] Там же. Л. 84.
[3] Красное знамя. 1991. 21 августа.

решений. Владивостокская товарно-сырьевая биржа и «Дальбиржа» работали в обычном порядке, готовясь к очередным торгам. Цены на товары, повышение которых началось ещё в июле, продолжали расти, однако каких-либо резких скачков цен на биржах зафиксировано не было. По сообщению газеты «Красное Знамя», предприниматели города первоначально не выступали против ГКЧП, ссылались на один из разделов «Обращения к Советскому народу», в котором ГКЧП заявил о том, что не намерен бороться с частным предпринимательством и новыми экономическими формами. Корреспонденты «Красного Знамени» на основании своих наблюдений установили, что забастовка, к которой призывал Президент РСФСР, не получила поддержки среди предпринимателей[1].

Руководящий аппарат краевого Совета 19-21 августа неоднократно получал сообщения, осуждающие ГКЧП, от депутатских групп и отдельных депутатов Владивостока, Уссурийска, Находки, а также депутатов местных Советов Октябрьского, Тернейского, Первомайского, Артёмовского, Лесозаводского, Партизанского, Лазовского и Хасанского районов[2].

Официальные документы обеих противоборствующих сторон поступали на места с опозданием, их содержание приходилось узнавать по сводкам, получаемым из разных источников, часто – по радио и телевидению. Не всегда удавалось связаться с Москвой в телефонном режиме[3], хотя система междугородней связи работала в штатном режиме и по-прежнему принимала заявки от желающих позвонить в разные уголки страны. Сообщалось, что линии связи с Москвой и Ленинградом не функционировали 19 августа, однако на следующий день их работа возобновилась[4].

Председатель краевого Совета просил от руководства РСФСР оперативно сообщать новости о положении дел в столице и запрашивал информацию о состоянии здоровья Президента СССР. Также он сообщил в Москву, что всеобщая забастовка не нашла широкой поддержки в крае в силу сложного экономического

[1] Красное знамя. 1991. 21 августа.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 31.
[3] Там же. Л. 38.
[4] Красное знамя. 1991. 21 августа.

положения[1]. Впоследствии, говоря на сессии краевого Совета о мотивах своих действий, А.А. Волынцев объяснил это следующим образом: «Моя позиция, ряда председателей депутатских комиссий, депутатов, членов консультативной группы была нацелена на одно – не нагнетать обстановку, не дать возможность и крайне правым, и крайне левым силам спровоцировать столкновение, не дать повод для противопоставления народа и Вооружённых сил»[2].

Ситуация с инфраструктурой и работой системы жизнеобеспечения города и края оставалась стабильная. Серьезных изменений в повседневной работе предприятий, магазинов и общественных службы также не произошло. В магазинах не наблюдалось ажиотажа, цены на основные виды продуктов и товаров существенно не возросли. Сберегательные кассы города работали в штатном режиме, увеличение обменных операций фиксировалось только во Фрунзенском отделении Сбербанка. Транспорт работал по расписанию, не исключая железные дороги. На морском, железнодорожном и автомобильном вокзалах города повышенной активности граждан отмечено не было, в городском травмпункте № 1 рабочий день проходил в обычном ритме, увеличения числа несчастных случаев не наблюдалось[3]. В этом плане главные задачи по поддержанию нормального функционирования инфраструктуры, определенные председателем краевого Совета, можно было считать достигнутыми.

Городские власти Владивостока в своей политической позиции оказались активнее и радикальнее краевых. Отмечая негативную реакцию некоторых жителей Владивостока и части трудовых коллективов, депутаты городского Совета постарались придать протесту законные формы. Однако пути к этому возникли препятствия, главное из которых заключалось в том, что сессия Владивостокского городского Совета не состоялась из-за отсутствия кворума, и Совет не имел возможности принимать решения. Вместо сессии по решению собравшихся депутатов было проведено большое совещание с участием членов

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 39.
[2] Там же. Л. 40-41.
[3] Красное знамя. 1991. 21 августа.

горисполкома. На нем также присутствовали депутаты краевого Совета, руководители хозяйственных и общественных организаций. На открывшемся в 16 часов 20 августа совещании рассматривались вопросы о ситуации во Владивостоке в связи с чрезвычайными событиями и о разрешении на проведение митинга на центральной площади.

Депутаты отмечали, что произведенный переворот является антидемократическим и антиконституционным. Поскольку Приморье не попадает в зону чрезвычайного положения, а также с учетом проблем обеспечением населения продуктами и электроэнергией, нежелательности остановки работы городского транспорта, было принято решение отказаться от призыва к забастовке. Инициативу клуба «Демократ» о проведении общенародного митинга на площади Борцам за власть Советов депутаты сочли преждевременной. Однако, когда горожане всё же собрались на митинг, городская милиция им в этом не препятствовала[1].

В отсутствие кворума в городском Совете консолидирующей силой выступили президиум и исполком Владивостокского Совета, рассмотревшие 20 августа 1991 г. вопрос об отношении к решениям ГКЧП и о необходимых действиях в сложившейся обстановке. Горисполком постановил, что группою лиц, объявивших себя государственным комитетом по чрезвычайному положению, была предпринята попытка государственного переворота[2]. Документ подписали исполняющий обязанности председателя Владивостокского городского Совета С.С. Соловьёв и председатель исполкома Е.М. Блинов. Данное решение было доведено да сведения депутатов краевого Совета и крайисполкома, а также распространено среди жителей Владивостока в виде листовок.

По инициативе председателя краевого Совета 20 августа состоялась встреча с представителями политических партий и общественных объединений края, во время которой от А.А. Волынцева прозвучал призыв отложить проведение забастовок и постараться избегать политической конфронтации, в том числе

[1] Утро России. 1991. 21 августа.
[2] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 144. Л. 75.

воздержаться от провокационных действий и высказываний на митингах[1]. Встретившись с представителями партий, А.А. Волынцев разъяснил цели создания консультативной группы и впервые заявил о том, что создание ГКЧП он считается неконституционным актом. Вопреки указаниям ГКЧП в крае не приостанавливалась деятельность политических партий и общественных организаций, не запрещалось проведение массовых собраний и митингов, распространение листовок, призывающих к поддержке руководства России. Краевой Совет не закрывал периодические издания и не вводил политическую цензуру[2].

Тем временем реакция политически активных граждан начала приобретать формы протеста. Вечером 20 августа площадь Борцов за власть Советов во Владивостоке стала местом проведения митинга в поддержку Президента России Б.Н. Ельцина. Собравшиеся граждане скандировали: «Долой путчистов-автократов!», «Хунте узурпаторов – нет» и подобные лозунги. По оценкам средств массовой информации, протестующих насчитывалось около 2 тыс. На митинге выступали с заявлениями депутаты Владивостокского городского и Приморского краевого Советов. Содержался в выступлениях и призыв к бессрочной политической забастовке[3].

Депутат Б.А. Дьяченко выразил сожаление в том, что предложение о проведении забастовки принято не было. Он также был встревожен двусмысленной позицией военных, которые не предпринимали активных действий, однако могли сделать это в любой момент, получив соответствующий приказ от министра обороны маршала Д.Т. Язова. Б.А. Дьяченко проинформировал собравшихся людей о последних новостях из Москвы, полученных от депутата Н.Т. Якименко, находившейся в это время в столице. Резюмировал свое заявление Б.А. Дьяченко словами: «Нельзя бездействовать. Захватившие власть должны быть преданы всенародному суду». Депутат А.А.

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 40.
[2] Там же. Л. 42.
[3] Владивосток. 1991. 22 августа.

Заболотников, обратившись к прессе, объявил, что у страны есть только один выход – гражданское неповиновение. Говоря о комиссии по жизнеобеспечению края, созданной А.А. Волынцевым, А.А. Заболотников отметил её сходство с ГКЧП. Выступивший на митинге депутат краевого Совет В.И. Черепков призвал всех солдат, матросов и офицеров переходить на сторону Б.Н. Ельцина[1]. Распространившийся среди протестующих слух о том, что людей будут разгонять усиленные наряды милиции, не подтвердился. На следующий день митинг продолжился[2].

Вечером 21 августа в выступлениях представителей демократических сил, в том числе участников встречи с А.А. Волынцевым от Демократической партии России и Народного трудового Союза, прозвучали призывы к неповиновению краевой власти и проведению бессрочной забастовки. Ими ставилась под сомнение способность председателя краевого Совета руководить регионом, были выдвинуты обвинения в том, что А.А. Волынцев поддерживает ГКЧП. В тот же день участники митинга совершили неудачную попытку проникнуть в штаб Тихоокеанского флота, что существенно накалило обстановку. Однако угрозу прямого столкновения удалось предотвратить[3].

Следует добавить, что многие выступавшие на митинге 20 августа депутаты и жители Владивостока стремились заручиться поддержкой краевых властей и требовали от председателя Приморского краевого Совета выступить перед митингующими с осуждением ГКЧП и выражением поддержки руководству РСФСР. А.А. Волынцев, однако, на митинге не появился. Впрочем, вскоре протестующим удалось увидеть в своих рядах другого лидера советской власти Приморья – В.С. Кузнецова.

В.С. Кузнецов 19 августа застал в Москве. Он находился там вместе с руководителями других регионов – членов Дальневосточной ассоциации

---

[1] Утро России. 1991. 22 августа.
[2] Владивосток. 1991. 22 августа.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 40.

Советов[1]. Благодаря этому он был хорошо осведомлен о подробностях введения чрезвычайного положения и знаком и обстановке в столице, лично наблюдая движение колон бронетехники по улицам Москвы и, по его собственному признанию, первое время пребывая в замешательстве. Однако вскоре председатель крайисполкома принял решение вернуться в Приморье. Перед отъездом В.С. Кузнецов имел возможность встретиться и обсудить ситуацию с высшими должностными лицами России – председателем Совета Министров РСФСР И.С. Силаевым, первым заместителем председателя О.И. Лобовым, заместителем председателя И.Т. Гавриловым, главным государственным инспектором РСФСР В.А. Махарадзе, а также членами Комитета обороны[2].

На встрече с указанными чиновниками В.С. Кузнецов, по его свидетельству, нашёл в них единомышленников и вместе с ними сумел сформулировать единую политическую позицию, которую впоследствии донёс до граждан. ГКЧП был признан нелегитимным и антиконституционным органом власти, а содержание документов, опубликованных ГКЧП, председатель крайисполкома охарактеризовал как «лицемерие, ложь, прямой обман и преступление»[3].

Находясь в здании Верховного Совета России, В.С. Кузнецов по телефону дал указание своему заместителю Г.Т. Гордейцу продолжать работу в соответствии с Конституцией и законами РСФСР, выполнять распоряжения только законных органов власти. Перед отъездом в Приморский край В.С. Кузнецов успел также переговорить по телефону с исполняющим обязанности председателя Владивостокского городского Совета С.С. Соловьёвым, поделившись с ним, насколько позволяла плохая связь, своим отношением к происходящему.

К моменту прибытия В.С. Кузнецова во Владивосток, в центре города уже шёл митинг протеста против ГКЧП. Председатель крайисполкома посетил его, ознакомился с мнениями участников и кратко выступил, заявив, что в городе и

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 66.
[2] Там же. Л. 67.
[3] Там же. Л. 68.

крае действуют законно избранные органы власти, а чрезвычайное положение не имеет силы. Там же, на площади, В.С. Кузнецов узнал о создании в крае координационной группы и высказав мнение, что такая группа не может заменить собой существующие органы власти. Какой бы замысел создание координационной группы не преследовало, никакими чрезвычайными функциями она обладать не вправе. В.С. Кузнецов объявил о своем намерении руководствоваться исключительно Конституцией России, её законами и распоряжениями Президента РСФСР. Покинув митингующих, он направился на совещание, которое в это время проводил А.А. Волынцев с представителями политических партий[1].

В отношении забастовки В.С. Кузнецов занял двойственную позицию. Он поддержал А.А. Волынцева в его стремлении воздержаться от подобных действий в связи с тяжелой экономической ситуацией в крае, но высказал соображение о том, что забастовка была бы эффективной мерой протеста в случае длительного противостояния ГКЧП и руководства России. При этом забастовка должна быть короткой, двухчасовой (с целью не допустить дальнейшего ухудшения экономической обстановки), но тщательно подготовленной, организованной и обязательно массовой[2].

После совещания председатель крайисполкома связался с командованием Тихоокеанского флота, пограничных войск, КГБ и МВД. Их заверение о невмешательстве в политическую борьбу было оценено В.С. Кузнецовым как «очень трезвая, взвешенная, по-настоящему гражданская позиция»[3]. Председатель исполкома также поддерживал постоянный контакт с первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР О.И. Лобовым[4].

Вечером 20 августа В.С. Кузнецов провел собрание аппарата крайисполкома, где изложил свои взгляды и потребовал от работников исполкома следовать законам, Конституции и указам Президента России. По утверждению

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л .69-70.
[2] Там же. Л. 71.
[3] Там же. Л .72.
[4] Там же. Л. 74.

В.С. Кузнецова, его сотрудники полностью разделяли позицию своего руководителя. Со стороны крайисполкома не предпринимались попытки ограничения работы печати и телевещания. Однако радиовещание было решено приостановить, поскольку оно давали в эфир исключительно информацию от ГКЧП. По заявлению В.С. Кузнецова ответственный за функционирование радиопередатчика в районе поселка Раздольный А.М. Варбанский отказался выполнять его указание о приостановке вещания, заявив, что выполняет только распоряжения, поступающие из Москвы[1].

На следующий день, 21 августа, состоялось заседание консультативной группы с участием А.А. Волынцева и В.С. Кузнецова, на котором председатель крайисполкома сообщил, что утром им была получена телеграмма от ГКЧП, предписывающая создать чрезвычайный комитет в Приморском крае и доложить о выполнении этого распоряжения. Члены консультативной группы приняли решение воздержаться от подобных шагов. Было объявлено, что группа не станет препятствовать работе исполнительных и законодательных органов власти, и что она нужна председателю Совета лишь для консультаций[2].

В 7:20 по местному времени 21 августа в ходе прямого включения из Москвы по Приморскому радио выступила народный депутат РСФСР Н.Т. Якименко. Она сообщила о том, что уже двое суток вместе с другими депутатами остаётся в здании Верховного Совета РСФСР на осадном положении, находясь под охраной москвичей. По оценкам Н.Т. Якименко, численность собравшихся у Белого дома составляет более 50 тыс. чел. Она подтвердила информацию об отказе Верховного Совета РСФСР и Президента Б.Н. Ельцина выполнять указы и распоряжения ГКЧП, назвав этот орган антиконституционным и причастным к попытке государственного переворота. Н.Т. Якименко также оповестила слушателей о том, что Президент России подписал указ, согласно которому до восстановления в полном объеме деятельности конституционных органов и институтов государственной власти он принимает на себя руководство

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 73.
[2] Там же. Л. 74.

Вооружённым силами СССР на территории России. В заключение Н.Т. Якименко озвучила последнюю новость об отставке Д.Т. Язова и временном принятии обязанностей министра обороны генералом М.А. Моисеевым, а также выразила надежду, что военнослужащие, в особенности рядовой состав и офицеры среднего командного звена, не допустят кровопролития и не станут подчиняться ГКЧП[1].

В этот момент у А.А. Волынцева был последний шанс выступить с осуждением ГКЧП в поддержку правительства России, тем самым укрепить свое политическое положение и рассчитывать в дальнейшем на сохранение высокого положения в политическом руководстве Приморского края. Эта возможность была им упущена[2].

Уже на следующий день, 22 августа, после фактического поражения и самороспуска ГКЧП, было опубликовано заявление группы депутатов[3], в котором резко осуждалась политическая позиция, занятая председателем краевого Совета и Советом народных депутатов как единым представительным органом. Отмечалось, что Совет проявил беспринципность и недееспособность, а его руководство заняло выжидательную позицию, крайне благоприятную ГКЧП, и не решилось взять на себя всю полноту ответственности в дни противостояния. При этом председателю Совета А.А. Волынцеву вменялось в вину то, что в своем обращении к населению он назвал группу, антиконституционно захватившую власть в стране, «советском руководством», прямо повторив формулировку из первого заявления ГКЧП. Обвинение председателя Совета народных депутатов также базировалось на том, что вопреки настоятельным требованиям депутатов послать в Верховный Совет РСФСР телеграмму о поддержке законной власти, он этого не сделал. Кроме того, по мнению депутатов, необходимо было срочно созвать чрезвычайную сессию краевого Совета, А.А. Волынцев соглашался на её созыв только после окончания планируемой сессии Верховного Совета СССР. Ещё одним поводом для обвинения стало образование консультативной группы,

[1] Коммунист. 1991. 22 августа.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 74.
[3] Утро России. 1991. 24 августа.

которая была создана единоличным решением А.А. Волынцева без учета мнения демократически настроенных депутатов и без одобрения на сессии краевого Совета, а также по структуре и функциям напоминала региональный аналог ГКЧП. Следующим принципиальным аргументом в пользу версии о поддержке А.А. Волынцевым государственного переворота стало то, что в условиях информационной блокады, руководителем краевого Совета и сотрудниками отдела по обеспечению работы Совета не принимались меры по информированию депутатов и жителей края. В связи с этим авторы заявления делали вывод о полной несостоятельности руководства краевого Совета и его неспособности выполнять свои функциональные обязанности. Далее следовал призыв к гражданам края оказать воздействие на депутатов краевого Совета с целью переизбрания главы представительной власти края. Данное заявление, опубликованное в газете «Утро России», завершилась призывом, адресованным А.А. Волынцеву: «Уйдите в отставку!» В тот же день в прессе прозвучали и более жёсткие заявления, в частности, оргкомитет «Гражданское движение», в который входил ряд депутатов краевого Совета, прямо обвинил А.А. Волынцева в трусости и заявил о необходимости его немедленного ухода с поста председателя Совета[1].

Что касается руководителей советской власти, районных Советов и исполкомов, то они изначально предпочитали ориентироваться на указания и действия краевого Совета. Однако, ввиду преимущественно выжидательной позиции руководства края, вскоре меры, принятые районными властями, приобрели некоторое разнообразие.

Жители средних и малых городов, а также районов Приморского края были слабо осведомлены о ходе событий в столице и крупных городах. Сообщение о создании в Москве ГКЧП и введении чрезвычайного положения застало их врасплох. Информация, поступающая из столицы и краевого центра, не успевала оперативно доходить до мест, сама по себе была крайне скудна и противоречива, при этом устаревала и зачастую на момент обнародования уже не соответствовала

[1] Утро России. 1991. 24 августа.

реальному положению дел. В большинстве случаев новостные агентства были вынуждены ограничиться передачей сведений, исходивших от ГКЧП через центральные средства массовой информации.

Поскольку оперативно обеспечить информацией и сформировать среди жителей края мнение относительно противостояния в Москве местная пресса не сумела, попытку наладить взаимодействие с городами и районами Приморья предпринимал народный депутат РСФСР Е.И. Наздратенко. Он обратился к землякам по радио и сообщил, что в Москве совершен антиконституционный акт насильственного переворота, и на смену законно избранный власти при поддержке военной силы пришла группа политических деятелей, нарушивших Конституции СССР и России[1]. Ряд районных газет успели опубликовать это обращение до завершения противостояния в Москве.

Исследуя реакцию городских и районных Советов и исполкомов Приморья, необходимо согласиться с утверждением М.Н. Матвеева, изучившего деятельность Советов народных депутатов в Поволжье в августе 1991 г., от том, что при анализе деятельности местных Советов и их депутатов следует учитывать не только активные действия, но и бездействие официальных органов Советской власти и депутатов. Кроме того, необходимо принять во внимание быстрое изменение обстановки, существенным образом повлиявшее на реакцию местных Советов. В этой связи действия должностных лиц и отдельных депутатов во многом различались в зависимости от времени[2].

Разница между 19, 20 и 21 августа чрезвычайно велика, не говоря уже о более поздних днях, когда после роспуска ГКЧП и фактической победы руководства России могло сложиться обманчивое впечатление о том, что практически все без исключения Советы народных депутатов с самого начала единодушно поддержали именно российскую сторону.

---

[1] Авангард. 1991. 22 августа.

[2] Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/532 (дата обращения: 17.07.2020).

В действиях городских и районных Советов, президиумов, исполкомов, а также нижестоящих сельских и поселковых Советов можно условно выделить три линии поведения: 1) неприятие ГКЧП и поддержка руководства РСФСР, выразившиеся в принятии соответствующих решений и проведении активных мер в виде организации забастовок на предприятиях; 2) высказывания в поддержку российского руководства при отказе поддержать призыв к забастовке, или подготовка к забастовке, «выражающейся не в отказе от работы, а в неподчинении неконституционно принятым законам чрезвычайной комиссии» (формулировка, приведенная в обращении депутата Е.И. Наздратенко к жителям Приморья)[1]; 3) выжидательная позиция, сводившаяся к призыву соблюдать спокойствие.

Первая линия поведения оказалась характерна для властей и жителей Тернейского района, города Находки, поселка Лучегорск Пожарского района и поселка Восток Красноармейского района[2].

В заявлении Тернейского районного Совета[3], сделанном 20 августа, выражалась следующая явная позиция в поддержку Б.Н. Ельцина: на территории района действуют исключительно Конституция и законы РСФСР, указы и распоряжения Президента РСФСР и местных органов власти, а действия ГКЧП расцениваются как антиконституционные и, следовательно, не подлежащие исполнению должностными лицами района. По местному радио с разъяснением политической обстановки и призывом сохранять спокойствие, проявить выдержку и неукоснительно соблюдать законы России, выступил председатель райисполкома В.С. Каушинский. Экстренно вышел номер районной газеты с призывом к населению не признавать чрезвычайный комитет. 22 августа состоялась сессия Тернейского районного Совета, на которой депутаты осудили ГКЧП, назвав его организаторов путчистами, и выразили полную поддержку правительству и Президенту РСФСР. Было принято обращение к жителям района

[1] Авангард. 1991. 22 августа.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 31.
[3] Вестник Тернея. 1991. 22 августа.

с предложением провести однодневную политическую забастовку в знак протеста. Если же в течение следующих дней не будет распущен ГКЧП, то в районе должна была начаться всеобщее забастовка[1].

Обстановка в Тернее и в Тернейском районе, однако, не была накалённой. После первых сообщений по радио и центральному телевидению о переходе власти к ГКЧП отмечалась определенная тревога среди жителей района, но в целом ситуация осталась стабильной, особенно после утреннего выступления по местному радио председателя райисполкома В.С. Каушинского, который призвал население района не поддаваться панике. «Но паники никто и не поддавался, – отмечала газета «Вестник Тернея», – все в меру сил возможности и желания трудились на своих рабочих местах. Надои молока были стабильно невысокие, лес по-прежнему разбазаривался за пределы района и за границу, о чем-то говорили в зале заседаний районного комитета коммунисты. А к ГКЧП отношение было тем, какого они заслужили ещё до переворота – отрицательным»[2].

Президиум Пожарского районного Совета в своем обращении к жителям района заявил, что не станет давать правовой оценки созданию государственного комитета по чрезвычайному положению в связи с отсутствием полной и объективной информации. До проведения внеочередных сессий Верховных Советов РСФСР и СССР в своей работе президиум будет руководствоваться исключительно законами РСФСР и указами Президента РСФСР, решениями российского Верховного Совета и Совета Министров. Одновременно президиум обратился к трудовым коллективам района с просьбой воздержаться от участия в забастовках, так как её последствия еще больше усугубили бы и без того тяжёлое экономическое положение района и всего края: «мы призываем всё население района сохранять спокойствие, порядок и организованность, не разжигать политических страстей». Президиум Лучегорского поселкового Совета также призвал жителей соблюдать общественный порядок, трудовую дисциплину и

[1] Вестник Тернея. 1991. 7 сентября.
[2] Там же. 24 августа.

спокойствие, воздержаться от забастовок до нормализации обстановки в республике и постановил «поддержать законно избранные власти СССР и РСФСР»[1].

Более активно на призыв Правительства РСФСР и Президента Б.Н. Ельцина отреагировали работники крупнейших предприятий Пожарского района: угольного разреза «Лучегорский» и Лучегорского погрузочно-транспортного управления[2]. В ходе начавшегося в 7.30 утра 20 августа митинга, была дана отрицательная оценка переходу власти к ГКЧП. Заместитель председателя райсовета А.И. Клепиков и член президиума В.А. Епишин донесли до митингующих итоги совещания руководителей и обратились к горнякам с призывом не предпринимать решительных действий до проведения внеочередных сессий Верховного Совета РСФСР и районного Совета. Реакция участников митинга на площади была неоднозначной, но в целом отражала недовольство такими половинчатыми мерами[3]. Не получив однозначной поддержки в президиуме, стачечный комитет Лучегорского погрузочно-транспортного управления приостановил отгрузку угля на Приморскую ГРЭС[4].

Забастовка также состоялась на Приморском горно-обогатительным комбинате (ГОК) в посёлке Восток Красноармейского района Приморского края. 20 августа на совещании представителей всех предприятий и организаций был организован координационный забастовочный комитет посёлка Восток. Он получил полномочия координировать действия всех забастовочных комитетов. Координационный комитет возглавил председатель поселкового Совета В.В. Исаков. В 8 часов утра 21 августа Приморский ГОК остановил выпуск продукции. Директор предприятия И.С. Шепета, находившийся в это время в Москве, по телефону одобрил инициативу забастовочного комитета. На следующий день забастовка была прекращена в связи с поражением ГКЧП[5].

---

[1] Победа. 1991. 22 августа.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 30.
[3] Победа. 1991. 22 августа.
[4] Там же. 24 августа
[5] Коммунист. 1991. 24 августа.

Находкинский городской Совет народных депутатов во главе с председателем И.Г. Устиновым и участники совещания руководителей предприятий и организаций города 20 августа приняли решение подчиняться только законам России и не выполнять распоряжений ГКЧП. Прокуратура, КГБ, милиция Находки в своих действиях руководствовались указаниями местной власти. Одновременно с этим группа жителей создала организационный комитет «Гражданское движение» в поддержку законного правительства России. В руководство совета вошли депутат краевого Совета Ф.И. Устюгов, представители движения «Демократическая Россия», редактор «Детской газеты» А.В. Шипицын[1]. В этот же день состоялась сессия городского Совета, которая постановила: решения комитета по чрезвычайному положению в СССР приостанавливаются, вся полнота власти переходит к городскому Совету. Депутаты также высказались за то, чтобы ГКЧП сложил свои полномочия, а входящие в него лица были привлечены к ответственности, для чего необходимо незамедлительно дать правовую оценку их деятельности[2].

В остальных городах и районах Приморского края реакция была более сдержанной, а поддержка российских властей не приобрела формы организованного протеста, включая забастовки. Вместе с тем политические заявления ряда руководителей Советов и исполкомов содержали негативную оценку ГКЧП. Ближе к концу противостояния в Москве такие настроения прослеживаются более отчётливо. Всё это нашло отражение в обращениях, распоряжениях и решениях, принятых местными властями.

Обстановка в Анучинском районе 19-21 августа оставалась спокойной. В районном Совете и исполкоме не принимались решения об отношении к ГКЧП и властям России. Председатель районного Совета Т.В. Жиганова связалась с Приморским краевым Советом, получив указание руководствоваться обращением А.А. Волынцева к жителям края, сохранять спокойствие и терпение, заниматься работой на своих местах. На восьмой внеочередной сессии районного Совета

[1] Дальневосточный моряк. 1991. 26 августа.
[2] Находкинский рабочий. 24 августа.

депутаты предложили жителям района воздержаться от сведения счетов и распространения слухов о том, что райсовет поддержал ГКЧП[1].

В городе Арсеньеве 20 августа решением совместного заседания малого Совета и исполкома было объявлено, что оснований для введения чрезвычайного положения нет. Жителям города и общественным организациям было предложено до решений Верховных Советов СССР и России воздержаться от проведения митингов, забастовок и иных мероприятий, способных дестабилизировать обстановку. С обращением к жителям города и края выступал депутат краевого Совета Э.В. Гурченков, который резко раскритиковал смещение законного Президента СССР, назвав ГКЧП «кучкой политических авантюристов, заговорщиками и путчистами». Он призвал к неподчинению ГКЧП и от имени демократов города Арсеньева присоединился к требованиям немедленного созыва Съезда народных депутатов и выступления перед народом М.С. Горбачёва[2].

В городе Артёме президиум городского Совета выступил с обращением, в котором потребовал публичного выступления М.С. Горбачёва. Депутаты Совета отложили правовую оценку действий ГКЧП до созыва сессии Верховного Совета СССР, а также призвал жителей города отказаться от забастовок[3].

Оживлённо отреагировали на события в стране жители Дальнегорского района. Со стороны горняков третьего участка Второго советского рудника последовали призывы к забастовке в поддержку позиции Президента России Б.Н. Ельцина. С коллективом горняков встретились руководители города и района, призвавшие работников рудника проявить выдержку и спокойствие. В своём выступлении председатель горисполкома А.П. Химчук подчеркнул, что исполнительная власть в городе не обладает достаточной информацией о событиях в стране, а местная милиция и отдел КГБ инструкции из центра из края не получали. Поскольку продовольственных запасов в городе недостаточно, то проведение широкомасштабной забастовки признавалось нецелесообразным.

[1] Анучинские зори. 1991. 5 сентября.
[2] Восход. 1991. 21 августа.
[3] Выбор. 1991. 22 августа.

Было решено отложить её подготовку до полного выяснения подробностей. Позднее, 22 августа включившийся в работу Дальнегорский городской Совет решил признать создание ГКЧП неконституционным[1].

Председатель Кавалеровского районного Совета А.Г. Виноградский 21 августа в своем обращении к жителям района от имени Совета заявил, что в стране предпринята попытка политического переворота в интересах правых консервативных сил с целью захвата власти. Создание ГКЧП и введение чрезвычайного положения объявлялись незаконными. На внеочередном заседании президиума районного Совета действия Президента России Б.Н. Ельцина получили поддержку. Президиум райсовета призывал население и трудящихся районах к спокойствию и дисциплине, предостерегал от провокаций. В отношении забастовки президиум районного Совета высказался отрицательно[2]. С заявлением в печати выступил заместитель председателя Кавалеровского районного Совета А.К. Филиппенко, который позиционировал себя как руководитель штаба по противодействию антиконституционному перевороту[3].

В середине дня 21 августа депутаты Кавалеровского районного Совета подготовили воззвание к жителям района, с которым выступил по местному радио депутат А.А. Санников, заявивший, что произошло отстранение законно избранного Президента СССР, изоляция президента России, а над страной нависла угроза диктатуры и гражданской войны. Текст подписали 8 депутатов, в том числе председатель районного Совета А.Г. Виноградский и его заместитель А..К. Филиппенко[4]. Уже после завершения противостояния в Москве и роспуска ГКЧП, на центральной площади поселка Кавалерово, где проходила сессия районного Совета, была принята достаточно обширная резолюция, одобряюшая действия Правительства России и выражавшая благодарность председателю Совета А.Г. Вноградскому и его заместителю А.К. Филиппенко, а также председателю райисполкома В.Д. Бадулину и заместителю начальника районного

[1] Трудовое слово. 1991. 22 августа.
[2] Авангард. 1991. 22 августа.
[3] Авангард. 1991. 24 августа.
[4] Авангард. 1991. 29 августа.

отдела внутренних дел Ю.И. Анисимову за своевременную поддержку законно избранного российского руководства[1].

В Кировском районе 20 августа состоялось совместное заседание членов президиума районного Совета, райисполкома и бюро райкома Коммунистической Партии, на котором обсуждались события в стране. Председатель райсовета В.К. Ахметшин, председатель райисполкома А.И. Кулинич и другие участники заседания пришли к соглашению о том, что из-за недостатка информации о происходящих событиях в данный момент невозможно объективно судить, насколько правомерен процесс создания ГКЧП и его действия, и во всем ли право руководство России, назвавшее членов ГКЧП путчистами и хунтой[2].

В тот же день в зале заседаний районного Совета прошло совещание с руководителями сельских и поселковых Советов. Единодушия в оценке происходящих событий достичь не удалось, но в итоге участники встречи, за исключением двух человек, поддержали руководство района в том, что в сложившейся ситуации нецелесообразно проводить забастовку. Поэтому руководство района воздержалось от политических оценок происходящих событий и призвало жителей района к выдержке и благоразумию: «В этот час испытаний как никогда необходима дисциплина и упорный труд во имя своего будущего и будущего наших детей»[3]. 22 августа газета Кировского районного Совета народных депутатов «Сельская новь» вышла с заметкой о чрезвычайных мерах ГКЧП и сообщением о созыве внеочередных сессий Верховных Советов СССР и РСФСР, а также поместила информацию о деятельности руководителей района под заголовком «Нам помогут выдержка и благоразумие»[4].

В Красноармейском районе 20 августа в 12:00 состоялось внеочередное заседание райисполкома. Его председатель В.И. Никуленко, проинформировав собравшихся о сложившейся ситуации, вынес предложение поддержать правительство России и выполнять Указы Президента РСФСР. «Здравый разум,

---

[1] Авангард. 1991. 27 августа.
[2] Сельская новь. 1991. 22 августа.
[3] Сельская новь. 1991. 24 августа.
[4] Сельская новь. 1991. 22 августа.

анализ прошедшего периода демократизации общественной жизни за последние годы в стране, – говорилось в обращении к гражданам, – призывают нас к благоразумию, трезвости мысли, торжеству законности и правопорядка, к строгому соблюдению законов, Конституции РСФСР, указов Президента»[1].

В Лазовском районе для того, чтобы определиться с политической позицией, руководителям советской власти потребовалось время. В период с 20 по 24 августа готовилось расширенное заседание президиума райисполкома. 24 августа на состоявшемся заседании, которое вел председатель Совета Г.Г. Яценко, его участникам осталось только констатировать поражение ГКЧП и выразить поддержку законной власти[2].

С опозданием получали информацию некоторые районные газеты. К примеру, общественно-политическая газета города Лесозаводска и Лесозаводского района «Знамя труда» ещё 22 августа на первой полосе опубликовала заявление советского руководства и постановления ГКЧП. Одновременно с этим была кратко освещена позиция руководства России[3]. Лишь 24 августа в газете было опубликовано обращение расширенного заседания исполкома районного Совета народных депутатов к жителям и трудовым коллективом города и района, принятое ещё 20 августа и призывавшее сохранять выдержку и спокойствие. В этом обращении создание ГКЧП называлась противоречащим Конституции СССР, высказывалась необходимость выступления М.С. Горбачёва в средствах массовой информации[4].

В Надеждинском районе после получения известий о введении чрезвычайного положения экстренно собрались на совещание президиум и исполком под руководством председателя райсовета А.В. Прохорова, а также руководители сельских и поселковых Советов. Обсуждая сложившуюся ситуацию, участники совещания в своих высказываниях воздержались от политических оценок ГКЧП и его противников. Выражая точку зрения

[1] Коммунист. 1991. 24 августа
[2] Ударник. 1991. 27 августа.
[3] Знамя труда. 1991. 22 августа.
[4] Там же. 24 августа.

руководителей предприятий и района, депутаты Совета и члены исполкома не поддержали призыв Б.Н. Ельцина к проведению всеобщей забастовки[1].

В Октябрьском районе принятие решения об отношении к ГКЧП стало причиной локального политического кризиса. Районная общественно-политическая газета «Заря» в своем номере от 22 августа, освещая работу седьмой сессии районного Совета, поместила результаты поименного голосования по заявлению в связи с введением в стране чрезвычайного положения, перечислив фамилии депутатов и их позицию. Причина, по которой Октябрьский районный Совет смог уже 20 августа дать оценку сложившейся в стране ситуации заключалась в том, что в этот период проходила очередная сессия районного Совета. Большинство депутатов находились на месте, что обеспечило кворум. Решение депутатов было изложено в заявлении Октябрьского районного Совета[2]. Из 36 депутатов, участвовавших в голосовании, 25 голосовали «за», при отсутствии голосов «против», а 13 воздержались. Впоследствии депутаты, воздержавшихся при пойменном голосовании, подверглись жесткой критике[3].

Несмотря на общее настроение большинства, некоторые депутаты в целом положительно оценили мероприятия, проводимые ГКЧП. В частности, депутат Д.Н. Дубейко назвал объявление чрезвычайного положения в СССР специально для этого созданным государственным комитетом оправданной мерой, предопределенной развалом хозяйственных связей и необходимостью решительных мер[4].

Президиум Ольгинского районного Совета 20-21 августа собирал информацию и координировал работу предприятий района. Его председатель Ю.А. Никитин вместе с начальником районного управления КГБ С.С. Баском провел встречу с представителями воинских частей, расквартированных в районе, и получил заверения об их невмешательстве в гражданские дела[5]. Ощущался

[1] Трудовая слава. 1991. 22 августа.
[2] Заря. 1991. 22 августа.
[3] Там же. 27 августа.
[4] Там же. 31 августа.
[5] Заветы Ленина. 1991. 10 сентября.

информационный голод, совершенно не поступало информации из военных гарнизонов в посёлках Ракушка и Тимофеевка. В Тимофеевке местный радиоузел передавал только постановления ГКЧП, не давая в эфир сообщении от руководства России[1]. Власти района воздержались от политических заявлений. Лишь в самом райцентре 1 сентября на внеочередной сессии Ольгинского поселкового Совета, заслушав отчет о работе председателя Совета В.И. Копырина, депутаты постановили поддержать действия Верховного Совета и Президента РСФСР[2].

В Спасске-Дальнем утром 20 августа состоялось заседание горисполкома, по завершении которого его председатель А.Н. Крикун выступил по местному радио с призывом к спокойствию и сдержанности. Несколько позднее под руководством председателя горсовета В.А. Игнатенко прошло совещание, на котором после непродолжительных дебатов принято обращение к жителям города и Спасского района, призывающее к благоразумию, выдержке и поддержанию порядка[3].

Городской и районный Советы Уссурийска и Уссурийского района, принимая во внимание крайне противоречивую информацию о ситуации в столице и в стране в целом, в период с 19 по 21 августа заняли позицию, которая впоследствии позволила им избежать серьезных обвинений в поддержке ГКЧП[4]. Собрание депутатов городского Совета и общественно-хозяйственного актива для поддержания порядка и общественного согласия создавало при городском Совете временную комиссию по соблюдению законности, правопорядка и дисциплины в составе в составе 12 человек. В состав комиссии вошли председатель городского Совета А.М. Васянович и его заместитель[5].

Меры, принятые районными властями не отличались кардинально от действий городских властей. 20 августа обстановка начала проясняться: по радио

---

[1] Заветы Ленина.1991. 10 сентября.
[2] Там же. 3 сентября.
[3] Восход. 1991. 22 августа.
[4] Коммунар. 1991. 10 сентября.
[5] Там же. 22 августа.

было передано обращение Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, а затем его Указ о непризнании ГКЧП[1]. Председатель районного Совета Н.И. Литвинов в своём выступлении на сессии Совета 10 сентября отмечал, что в дни путча телефонные переговоры с властями края не внесли ясности и не дали нужного эффекта, так как краевой Совет и крайисполком не располагали достоверной информацией. По этой причине районный Совет действовал по обстоятельствам[2].

Издание Уссурийского городского и районного Советов «Коммунар» в номерах от 20 и 21 августа не упоминало о создании ГКЧП и введении чрезвычайного положения, но при этом также не публиковало обращения его противников[3]. Только 22 августа газета разместила на первой полосе сообщение о создании ГКЧП и информацию о непризнании его власти российским руководством, а также решение собрания депутатов городского Совета[4].

В Ханкайском районе местные Совет и исполком 19-21 августа получили многочисленные обращения граждан с просьбой разъяснить сложившуюся обстановку. Для этого власти района выступили с обращением, в котором заверили жителей, что президиум районного Совета и исполком принимают всё зависящее от них для сохранения стабильной обстановки в районе. Руководство района не делало политических заявлений, сославшись на то, что Верховный Совет РСФСР 21 августа и Верховный Совет СССР 26 августа дадут оценку сложившейся в стране ситуации. До тех пор районный Совет и исполком будут в своей деятельности руководствоваться Конституцией и законами СССР и России[5]. В начале сентября на сессии Ханкайского районного Совета народных депутатов действия председателя районного совета В.Д. Квитченко и исполняющего обязанности председателя райисполкома С.Н. Еременко были признанными верными[6].

---

[1] Коммунар. 1991. 24 августа.
[2] Там же. 10 сентября.
[3] Там же. 20 августа.
[4] Там же. 22 августа.
[5] Приморские зори. 1991. 22 августа.
[6] Там же. 5 сентября.

В связи с получением известия о введении чрезвычайного положения состоялось совместное заседание депутатов и членов исполнительного комитета Хасанского районного Совета под руководством председателя райисполкома А.М. Мельниченко. Он также высказал мнение, что ГКЧП может быть признан законным только после соответствующего решения сессии Верховного Совета либо Съезда народных депутатов СССР[1].

Хорольский районный Совет в период с 19 по 21 августа не принимал политических заявлений и обращений к гражданам. Это позволило впоследствии его депутатом утверждать, что Совет и исполком полностью поддерживали законно избранные органы власти СССР и РСФСР и не нарушали законы. В то же время прозвучали призывы к самороспуску Совета, который, по мнению некоторых депутатов, оказался неспособен выполнять свои функции. Однако такое предложение не получил одобрения большинства, и райсовет сохранился в прежнем составе[2].

В Яковлевском районе председатель райсовета А.В. Молоствов и председатель райисполкома В.Ф. Дякун 19-20 августа не были достоверно информированы о подробностях деятельности ГКЧП и руководства России. С запозданием было получено обращение Президента Б.Н. Ельцина с призывом к всеобщей забастовке[3]. На обращения руководителей Яковлевского района в краевой Совет и крайисполком с просьбой разъяснить ситуацию, был получен ответ, что обстановка не ясна, а правомочность деятельность государственный органов теперь будет определена Верховными Советами СССР и РСФСР, которым предстояло собраться на внеочередные сессии. Рекомендаций о поддержке ГКЧП от краевых властей не поступало. В районе не вводилось ограничений на деятельность средств массовой информации, что позволило довести до сведения жителей районов правовую и личную оценку ГКЧП, данную юристами и представителями правоохранительных органов, в том числе и теми

[1] Приморец. 1991. 22 августа.
[2] Рассвет. 1991. 14 сентября.
[3] Сельский труженик. 1991. 22 августа.

кто, позднее выступил с критикой руководства района. Заявлений о проведении митингов от представителей партий, депутатов и жителей района 19-22 августа не поступало, как и претензий со стороны прокурора района к принимаемым мерам по поддержанию нормальной хозяйственной обстановки[1]. Задачей района в эти дни виделось обеспечение стабильной работы по уборке урожая, заготовке кормов, подготовке к зиме и нормальному функционированию всех службы жизнеобеспечения населения. Оправдывая впоследствии отсутствие ярко выраженной политической позиции, власти района заявили следующие «Мы не видим неправомерности в действиях, направленных на организацию уборочных работ, улучшения дел в сельском хозяйстве»[2].

В связи со всем вышесказанным, небезосновательно звучит утверждение газеты «Вестник Тернея» о влиянии А.А. Волынцева на формирование информационной повестки в городах и районах края: «Жители приморской глубинки, как и владивостокцы, ожидали выступления председателя краевого Совета А.А. Волынцева по краевому радио и телевидению, рассчитывая услышать однозначную оценку действий ГКЧП. Однако вместо этого в заявлении А.А. Волынцева, составленном в примирительном и осторожном ключе, речь шла о порядке, дисциплине, стабильности и некоторых хозяйственных вопросах. Это было далеко не то, чего ожидали от главы края его жители»[3]. Однако местные Советы и исполкомы, руководствуясь позицией главы краевого Совета, вполне закономерно могли не спешить с собственными оценками ГКЧП и продолжать решение повседневных задач.

Окончательно подвести итоги политической борьбы и дать оценку деятельности Советов, исполкомов и их руководителей должна была чрезвычайная сессия Приморского краевого Совета, подготовка к которой началась 22 августа. На совещании, состоявшемся в тот день, группа их 46 депутатов рассмотрела предложение о проведении 27-28 августа чрезвычайной

[1] Сельский труженик. 1991. 29 августа.
[2] Там же. 10 сентября.
[3] Вестник Тернея. 1991. 7 сентября.

сессии краевого Совета и приняла решение включить в повестку дня отчет председателя краевого Совета народных депутатов о деятельности в период государственного переворота в СССР[1].

Открытие сессии состоялось 27 августа в 10 часов утра. Первый день работы оказался почти полностью посвящён событиям 19-21 августа. Работу сессии открыл А.А. Волынцев, всё ещё сохранявший за собой пост председателя Совета[2]. Анализ стенограммы заседания позволяет сделать вывод, что уже в первые минуты работы сессии у председателя Совета возникли трудности с её ведением. Ему несколько раз приходилось призывать депутатов вести себя в рамках парламентской этики.

Присутствовавший на сессии краевого Совета 27-28 августа и.о. председателя Михайловского районного Совета В.И. Чурсинов наблюдал напряжённую обстановку в зале заседаний: «Сессия, которая должна представлять собой пример организованности, порядка, соблюдения норм этики, являет собой произвол, учинённый отдельными депутатами, и олицетворяет какое-то сплошное беззаконие». В.И. Чурсинов отмечал многочисленные нарушения регламента, непарламентские выражения и выкрики с мест, звучавшие со стороны депутатов. Он выразил сомнение в том, что в такой обстановке можно рассчитывать на принятие необходимых решений[3]. В зале стояли шум и суета, некоторые депутаты уверенно пробивались себе пути к трибуне. «Похоже – говорил В.И. Чурсинов – некоторым в глазах приморцев непременно хочется представить себя героями именно такими действиями». Выступления депутатов, вопросы и ответы он описал как череду обвинений и оправданий, слившихся в «колючий словесный клубок»[4].

Первым пунктом в повестке значился отчёт председателя краевого Совета о деятельности в период государственного переворота в СССР[5]. Докладчиком по

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 2.
[2] Там же. Л.14.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 59.
[4] Вперед. 1991. 31 августа.
[5] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 4.

этому вопросу выступал А.А. Волынцев, затем шли выступления командующего Краснознамённым Тихоокеанским флотом адмирала Г.В. Хватова, начальника войск Тихоокеанского пограничного округа М.А. Барыбина, начальник Управления КГБ СССР по Приморскому краю К.А. Григорьева, прокурора края Г.Г. Лихачёва, начальника Управления внутренних дел крайисполкома А.Н. Нежельского, председателя крайисполкома В.С. Кузнецова об их деятельности в период с 19 по 21 августа 1991 г[1]. Примечательно, что представителям Вооружённых сил и органов правопорядка предлагалось отчитаться повторно перед депутатами города Владивостока. Однако назначенная на 31 августа сессия горсовета не состоялась из-за отсутствия кворума[2].

В своём докладе А.А. Волынцев сделал упор на то, что работа Советов и исполкомов в августовские дни была направлена на поддержание на подведомственных территориях стабильности и решение вопросов по обеспечению населения всем необходимым, прежде всего – продовольствием. Большинство предприятий и организаций края, по его оценке, работали стабильно, впервые с начала года было достигнуто снижение количества правонарушений.

«Естественно, – отмечал А.А. Волынцев, – что в этот сложный период у депутатов краевого Совета и населения края особый интерес вызывает позиция и деятельность председателя Совета». При этом он отметил большое количество предположений и домыслов вокруг своих действий, считая, что его прежние оппоненты стремятся взять реванш «за то, что не прошло на последних сессиях краевого Совета»[3]. Отношение к себе со стороны депутатов А.А. Волынцев оценил как предвзятое. «Вы знаете, – говорил он, – что вокруг законно избранного руководителя Совета идут различные политические игры. На каждой сессии ставится по поводу и без повода мой отчет, как правило, по вопросам,

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 22.
[2] Утро России. 1991. 2 сентября.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 32.

относящимся к компетенции исполнительной власти»[1]. Председатель Совета констатировал, что подвергается сильному политическому давлению, приводя в пример призывы депутатов объявить общекраевую забастовку, если он не уйдет в отставку добровольно. Чтобы избежать дестабилизации обстановки в регионе, А.А. Волынцев просил депутатов краевого Совета принять его отставку. Также он сообщил, что 26 августа принял решение о приостановлении членства в КПСС до выяснения обстоятельств участия её руководителей в августовских событиях[2].

Вопросы председателю краевого Совета было решено не задавать ввиду его плохого самочувствия. Депутаты, приняв к сведению доклад А.А. Волынцева, сразу приступили к обсуждению заявления об отставке. Депутат О.А. Дергунов обратился к Совету с просьбой не принимать отставку председателя, поскольку, речь должна идти не о добровольной отставке, а об отстранении А.А. Волынцева от занимаемой должности как не оправдавшего доверия. Поступило предложение поставить этот вопрос на поименное голосование[3]. Депутат В.И. Рыбалко упомянул о неких «определённых грозных силах, стоящих как за ГКЧП, так и за Волынцевым, которые стремятся уйти от ответственности», и заявил, что среди депутатов Советов всех уровней, в том числе краевого, присутствуют те, кто прямо или косвенно поддержал ГКЧП[4]. Резкое заявление сделал В.И. Черепков, крайне негативно оценивший работу краевого Совета и его председателя[5]. Он также не разделял позицию, занятую командованием флота, считая, что было необходимо в первый же день обратиться к личному составу с осуждением действий ГКЧП и однозначно показать, что флот сделает всё для защиты законности и конституционного строя[6].

Группа депутатов по инициативе Т.Г. Романенко предложила внести следующий пункт в проект решения сессии: «Выразить недоверие, отстранить от должности начальника УВД крайисполкома А.И. Нежельского. Ходатайствовать

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 42.
[2] Там же. Л. 43
[3] Там же. Л. 50.
[4] Там же. Л. 20.
[5] Там же. Л. 16.
[6] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 115.

перед Советом Министров РСФСР о принятии решения об отставке командующего Тихоокеанским флотом Г.В. Хватова и начальника УКГБ по Приморскому краю Григорьева»[1]. Существенная часть критических замечаний в адрес военных исходила от депутата В.И. Черепкова, который свои действия 19-21 августа характеризовал как решающие в деле организации народного сопротивления: «Так уж случилось, что в эти дни мне приходилось выполнять роль командующего объединёнными войсками сухопутных, пограничных и морских подразделений, переходящих на сторону Ельцина»[2].

Возражая В.И. Черепкову, депутат А.Г. Олейник заявлял, что сложившаяся ситуация поставила Вооружённые силы в исключительно трудное положение: был получен приказ о переводе флота в повышенную боевую готовность, а ограничения на свой страх и риск ввело само командование флота. Обстановку в Москве и Владивостоке, по мнению А.Г. Олейника, сравнивать невозможно: «Что, кто-то пытался штурмом взять наш Белый дом? Или по улицам Владивостока и городов Приморья шли танки?» В этой связи он полагал, что и о «героях баррикад» тоже нет необходимости говорить. А.Г. Олейник не принял критику и настаивал на том, чтобы оценку приказом давали соответствующие компетентные органы[3].

Выступавший вслед за ним Н.Г. Титаренко также призвал депутатов к порядку и предложил при критических оценках деятельности народных избранников и должностных лиц не искать виновных, а предоставить это компетентным органам, которые должны были разобрать действия каждого[4]. Н.Г. Титаренко отметил, что объективную картину деятельности депутатов в августовские дни восстановить не удастся: «То, что надо было рассматривать 19 августа, мы рассматриваем только через неделю, когда уже всё решено. И теперь будут сплошные повальные герои. Чтобы не быть посмешищем нам и не смешить

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 59.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 145.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 45.
[4] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 59.

наших избирателей, я предлагаю прекратить заслушивание всех наших «героев». Не хочу обидеть никого, но получается так»[1].

Критика в адрес председателя краевого Совета продолжилась на второй день сессии, 28 августа. Она сопровождалась решительными намерениями добиться его отставки[2]. Говоривший от имени демократических партий В.В. Савастеев зачитал текст заявления[3], суть которого сводилась к тому, что с точки зрения партий демократической направленности сессия носит неконструктивный характер, так как не оправдывает ожидания избирателей. Для того чтобы исправить это, депутатом было предложено принять следующее решение: депутаты, поддержавшие ГКЧП, должны были добровольно сложить свои депутатские полномочия, а остальные – избрать на пост председателя Совета человека «безупречной политической репутации, поддерживающего конституционно избранные власти». В случае отклонения этих требований демократические партии обращались ко всем депутатам с призывом направить Президенту РСФСР просьбу ввести в Приморском крае президентское правление. Кроме того, В.В. Савастеев обратился к избирателям Артёмовского избирательного округа, чьи интересы представлял А.А. Волынцев, с требованием его отзыва[4].

Хотя политическая позиции, выбранная председателем краевого Совета в отношении руководства России, не полностью соответствовала интересам Б.Н. Ельцина и его окружения, немедленных репрессий в отношении руководства Приморья не последовало. Указом Б.Н. Ельцина от 21 августа 1991 г. за поддержку ГКЧП и невыполнение распоряжений Президента России, направленных на пресечение попытки государственного переворота, от своих должностей первоначально были отстранены председатели исполкомов только четырех регионов страны: Краснодарского края, Ростовской, Самарской и

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 105.
[2] Там же. Л. 42.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 39.
[4] Там же. Л. 40.

Липецкой областей[1]. Два дня спустя Б.Н. Ельцин своим указом отстранил ещё восьмерых глав облисполкомов. На это раз под удар попали Амурская, Владимирская, Липецкая, Нижегородская, Тамбовская, Тульская и Ульяновская области[2] (решение об отстранении председателя Ульяновского облисполкома О.В. Казарова было отменено 28 августа[3]). Поскольку все эти должностные лица представляли исключительно исполнительную ветвь власти, Б.Н. Ельцин посчитал себя правомочным решать вопрос об их отстранении. Ни одного председателя Совета в данном указе не значилось. Президент РСФСР предоставил возможность решить их судьбу самим депутатам региональных Советов[4]. Верховной Совет РСФСР также предписал им провести всестороннее разбирательство и дать оценку деятельности своих руководителей[5].

Запоздалая оценка председателем Совета деятельности ГКЧП как антиконституционной, не смягчила критику со стороны депутатов. Заявление А.А. Волынцева о добровольной отставке принято не было[6]. В выступлениях депутатов звучали преимущественно отрицательные оценки работы А.А. Волынцева, а порой и краевого Совета в целом, указывалось на то, что краевой Совет фактически не стал органом народной власти за полтора года своей работы, а в период событий 19-21 августа проявил безынициативность и

---

[1] Об отстранении от исполнения обязанностей председателей исполнительных комитетов краевого и ряда областных советов народных депутатов РСФСР: Указ Президента РСФСР от 21.08.1991 г. № 70 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1144.

[2] Об отстранении от исполнения обязанностей председателей исполкомов областных Советов народных депутатов: Указа Президента РСФСР от 23.08.1991 г. № 78 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 35. Ст. 1148.

[3] О приостановлении действия пункта 1 Указа Президента РСФСР № 78 от 23 августа 1991 г. в отношении Казарова О.В. – председателя исполкома Ульяновского областного Совета народных депутатов: Указ Президента РСФСР от 28.08.1991 г. № 95 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 35. Ст. 1169.

[4] Малхозова Ф.В. Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов в период «августовского путча» 1991 г // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. СПб: Астерион, 2019. С. 210.

[5] О деятельности Советов народных депутатов РСФСР во время государственного переворота: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 23.08.1991 г. № 1630-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 35. Ст. 1150.

[6] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 49.

нерешительность, встав на путь поддержки ГКЧП и проводимых им антиконституционных мер. В связи с этим часть депутатов предложили не просто отстранить председателя, но и поставить вопрос о самороспуске краевого Совета, а до формирования нового представительного органа всю полноту власти передать крайисполкому. Звучали также голоса в поддержку референдума о доверии депутатам всех уровней[1].

Результатом этой полемики стало принятое 28 августа 1991 г. решение чрезвычайной сессии краевого Совета «Об отчете руководства краевого Совета, крайисполкома и других должностных лиц в период государственного переворота в СССР». Оно сводилось к следующему: 19-21 августа, в тот момент, когда в стране был совершён государственный переворот, руководство краевого Совета в лице А.А. Волынцева не заняло твердой позиции в оценке создавшегося политического положения и не оказало поддержки законному руководству России. Отставку председателя краевого Совета решено было не принимать, а вместо этого освободить А.А. Волынцева от должности как не оправдавшего доверия. По итогам работы сессии было также решено создать депутатскую комиссию с участием компетентных органов по оценке действий должностных лиц края в дни «путча»[2]. При подсчете голосов по вопросу об освобождении А.А. Волынцева от должности, из 182 депутатов, принявших участие в голосовании, 145 проголосовали «за», 33 – «против», при 3 недействительных бюллетенях[3].

Стоит отметить, что А.А. Волынцев оказался далеко не единственным председателем Совета, лишившимся в эти дни своей должности. Между 23 августа и 5 сентября 1991 г. состоялась 71 сессия региональных Советов (включая сессии Верховных Советов республик в составе РСФСР), по итогам которых 17 председателей Советов были освобождены от занимаемых должностей. География была достаточно обширна – председатели были отстранены в 4 республиках (Бурятской, Кабардино-Балкарской, Туринской и Чувашской), 4

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 168.
[2] Там же. Л. 15.
[3] Там же. Л. 13.

краях (Алтайском, Краснодарском, Красноярском и Приморском) и 9 областях (Брянской, Курской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Пензенской, Ростовской, Рязанской и Саратовской[1]. Власти РСФСР в лице Верховного Совета республики были в целом удовлетворены принятыми решениями[2].

В отличие от А.А. Волынцева, председатель крайисполкома В.С. Кузнецов избежал острой критики в свой адрес[3] и сумел не только сохранить пост главы исполкома, но и обеспечил себе доверие депутатов, а также руководства РСФСР. 24 августа он выступил с заявлением, в котором поздравил жителей Приморья с успешно сданным «серьезным экзаменом на гражданскую зрелость и мужество»[4].

Реакция двух высших руководителей советской власти Приморья на произошедшие в Москве события была противоположной, однако нельзя однозначно утверждать, что А.А. Волынцев и В.С. Кузнецов в своих действиях не оставили себе пространства для маневра на тот случай, если бы политический маятник качнулся в другую сторону. Ни один из них не занял радикальной позиции, свойственной некоторым депутатам краевого Совета (в частности, В.И. Черепкову) и предполагавшей полный отказ от компромиссов и контактов с одной из сторон противостояния.

А.А. Волынцев и В.С. Кузнецов оказались изначально в разных стартовых позициях, и на восприятие ими ситуации повлияли различные факторы. Не вызывает сомнения тот факт, что В.С. Кузнецов, находившийся на момент начала противостояния в Москве, имел большую информированность со стороны высших должностных лиц РСФСР, с которыми успел провести несколько встреч. В то же время его заявления, сделанные после возвращения во Владивосток, не

---

[1] Малхозова Ф.В. Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов в период «августовского путча» 1991 г // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. СПб: Астерион, 2019. С. 211.

[2] Об итогах рассмотрения на сессиях Советов народных депутатов республик в составе РСФСР, краев, областей, автономной области, автономных округов, районов, городов и поселков вопросов работы советов, их органов и должностных лиц в период государственного переворота: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 23.09.1991 г. № 1672-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 40. Ст. 1284.

[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 188.

[4] Красное знамя. 1991. 24 августа.

носили резко конфронтационного характера. В этом плане они фактически дополнили обращение председателя Совета к жителям Приморья. Серьезным просчетом А.А. Волынцева стала организация в крае консультативной группы. Именно в факте её создания без санкции сессии Совета, а также включении в её состав руководителей КГБ, пограничных войск и флота, представители общественности и депутаты краевого Совета усмотрели прямое пособничество ГКЧП. В последующем А.А. Волынцев столкнулся с невозможностью доказать свою лояльность властям РСФСР. В результате его отстранение на ближайшей сессии краевого Совета стало закономерным и ожидаемым итогом.

Вместе с тем, отстранение А.А. Волынцева не привело к безоговорочной победе его оппонентов в лице депутатов условно демократического крыла краевого Совета. Во-многом, вследствие собственной разобщенности и недостатка организационных навыков им не удалось закрепить временный успех и провести своего кандидата на пост председателя. Выборы нового главы Совета были отложены на осень, при этом сам А.А. Волынцев сохранил депутатский мандат, а также остался народным депутатом РСФСР.

Подводя итоги деятельности местных Советов, исполкомов и должностных лиц местных Советов и исполкомов, можно согласиться с выводами сессии Приморского краевого Совета в решении от 28 августа 1991 г: активную позицию, направленную на непризнание ГКЧП и поддержку руководства России, заняли руководители, жители и трудовые коллективы городов Владивостока и Находки, Тернейского района, работники угольного разреза «Лучегорский» и Приморского горно-обогатительного комбината в посёлке Восток[1]. Во всех случаях протеста основной его формой являлась забастовка. В ряде городов и районов власти и коллективы стремились действовать в соответствии с формулой, заявленной депутатом Е.И. Наздратенко, фактически, не принимая мер по остановке производства. Главным аргументом против забастовки являлась, как и в случае с

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 15.

мотивами председателем краевого Совета, тяжелая экономическая ситуация в городах, районах, и в крае в целом.

В остальных случаях меры по поддержке руководства России и Президента РСФСР Б.Н. Ельцина ограничивались политическими заявлениями, обращениями и призывами депутатов городских и районных Советов. Характерной особенностью местных Советов и исполкомов стал отказ от поспешных политических и правовых оценок ГКЧП. Во многих случаях Советы и исполкомы в своих заявлениях и обращениях к жителям ограничивались призывами к соблюдению порядка, поддержанию трудовой дисциплины, продолжению работ по уборке урожая, заготовке кормов и подготовке к зиме.

Местные Советы народных депутатов и исполкомы городов и районов края смогли определиться в своей политической позиции не ранее 21 августа, когда положение руководства России упрочилось, а возможная победа ГКЧП становилась всё менее вероятной. В ряде районов, городов и сельских населенных пунктов края в дни 19-21 августа политические решения не принималось вообще. Лишь после роспуска ГКЧП и фактической победы руководства России Советы этих районов выразили поддержку Президенту, правительству и Верховному Совету РСФСР. В то же время руководство России сделало собственные выводы из процессов, наблюдавшихся в регионах 19-21 августа. В скором времени Б.Н. Ельцин и его окружение примут меры по созданию новой опоры президентской власти на местах, существенным образом ограничив полновластие Советов.

3.2 Советы народных депутатов Приморья в условиях распада СССР

После событий августа 1991 г. Советы народных депутатов Приморья столкнулись с новой политической реальностью – резкой потерей равновесия в отношениях России и союзного центра. На Советы всех уровней легла задача поддерживать социально-экономическую жизнь на подотчётных им территориях в условиях нового витка системного кризиса, стремительных политических трансформаций и продолжающегося экономического спада.

В последние дни августа союзные институты власти оказались парализованы, оттеснены на второй план и частично обезглавлены арестами членов ГКЧП и отстранением тех, кто, по мнению Президента СССР и лидеров союзных республик, разделял взгляды ГКЧП[1] либо открыто не противодействовал «путчу»[2]. Осенью был запущен целенаправленный процесс демонтажа высших союзных органов власти и управления[3]. Последовательно подверглись ликвидации Кабинет Министров СССР[4] и Съезд народных депутатов СССР[5] (посредством фактического самороспуска[6]), а сменившие их на «переходный период» временные координационные структуры, такие как Государственный Совет СССР и обновлённый Верховный Совет СССР, оказались неспособны сохранить единое политическое и правовое пространство союзного государства, подчинившись в итоге воле руководителей бывших союзных республик[7].

Инициатором упразднения института Съезда народных депутатов СССР выступил сам Горбачёв, получивший в этом вопросе полное одобрение руководителей союзных республик и подготовивший вместе с ними к началу V Съезда народных депутатов совместное заявление о новой конструкции власти на «переходный период»[8]. Консолидированная позиция Президента СССР и лидеров

---

[1] О даче согласия на привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР Бакланова О.Д., Стародубцева В.А., Болдина В.И., Варенникова В.И. и Шенина О.С.: Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 22.08.1991 г. № 2353-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1002.

[2] Иванников И.А. Деятельность Президента СССР и Верховного Совета СССР в период ликвидации советского государственного строя // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2016. № 4. С. 29.

[3] Тарасова Е.А. «Война законов» РСФСР-СССР в 1990-1991 гг. // Научный диалог. 2016. № 9. С. 237.

[4] О Кабинете Министров СССР: Указ Президента СССР от 24.08.1991 г. № УП-2461 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1025.

[5] Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период: Закон СССР от 05.09.1991 г. № 2392-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37. Ст. 1082.

[6] Мякшев А.П. Демонтаж единого Союза и советской системы межнациональных отношений в августе – декабре 1991 года // Известия СГУ. Серия; История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 160.

[7] Лукашин А.В. Разработка Союзного договора в сентябре – декабре 1991 г.: от демонтажа государственности к распаду СССР // Управление. 2018. № 3. С. 73.

[8] Логвенков И.С. Высшие и центральные органы государственной власти СССР в августе – декабре 1991 года: демонтаж союзных структур управления: дис. … канд. ист. наук. М., 2019. С. 86-89.

республик взяла верх: Съезд принялся их условия и согласился с фактическим самороспуском, исключив себя из политической жизни страны и лишив возможности каким-либо образом повлиять на дальнейшую судьбу государства[1].

Ликвидация союзных органов власти стала последним политическим процессом, в котором Президент СССР и лидеры республик действовали сообща. Что же касается созидательных вопросов, то здесь их позиции кардинально разошлись. Составленный из остатков Кабинета Министров и дополненный представителями республиканских правительств, Комитет по оперативному управлению народным хозяйством, а затем Межреспубликанский экономический комитет, не преуспели в сохранении единства экономических связей и были окончательно упразднены к концу 1991 г[2].

Попытка возродить новоогаревский процесс и даже ценой больших уступок республиканским элитам согласовать новый союзный договор, теперь уже на конфедеративной основе, успеха не имела. Республики встали на путь обретения полной государственной независимости[3].

Вместе с государственными институтами Советского Союза, опережающими темпами ликвидировались и политические объединения, напоминавшие об уходящей эпохе, в первую очередь – КПСС, успевшая к августу 1991 г. утратить властные полномочия и находившаяся в состоянии идеологического и кадрового кризиса, однако сохранившая в своём распоряжении значительные материальные ресурсы[4].

Роль Компартии в событиях 19-21 августа 1991 г. была неоднозначна, в то время как обрушившаяся на неё вслед за тем волна репрессий вполне объяснима.

---

[1] Логвенков И.С. Высшие и центральные органы государственной власти СССР в августе – декабре 1991 года: демонтаж союзных структур управления: дис. … канд. ист. наук. М., 2019. С. 86-89. С. 104.

[2] Логвенков И.С. Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР: попытка сохранения единого экономического пространства в августе – ноябре 1991 г // Вестник МГУ. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 99.

[3] Лукашин А.В. Разработка Союзного договора в сентябре – декабре 1991 г.: от демонтажа государственности к распаду СССР // Управление. 2018. № 3. С. 77.

[4] Волгин Е.И. «Война законов» и коммерческая деятельность КПСС в России (1990-1991 гг.) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2010. № 3. С. 91.

По оценке Е.И. Волгина, исследовавшего роль Компартии в августовских событиях, КПСС, оставаясь важным субъектом августовского кризиса, вопреки устойчивому представлению, не являлась ни организатором ГКЧП, ни главным проводником и исполнителем его решений[1]. Вместе с тем, руководство РСФСР, всё меньше оглядывающееся на союзные структуры, воспринимало КПСС как рудимент прежней властной системы и помеху на пути к ускоренному проведению политических и экономических преобразований[2]. Республиканские власти сумели извлечь максимальную выгоду из недавних событий и фактически ликвидировали организационные структуры КПСС на территории России[3]. Это означало окончательное устранение какой-либо власти и влияния КПСС в общественно-политических процессах[4].

С подписанием Указа Президента РСФСР № 79 от 23 августа 1991 г. «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР»[5] и последовавших за ним Указов № 83 «О партийных архивах»[6] и № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР»[7] был запущен юридический механизм ликвидации партии как владельца и распорядителя движимого и недвижимого имущества.

В духе решений руководства РСФСР действовал и слабеющий союзный центр. М.С. Горбачёв не предпринял серьёзных попыток сохранить

---

[1] Волгин Е.И. КПСС в контексте политического кризиса 19-21 августа 1991 г. // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С 24.

[2] Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. С. 171.

[3] Волгин Е.И. КПСС в контексте политического кризиса 19-21 августа 1991 г. // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С 35.

[4] Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918; 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998. С. 158.

[5] О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 23.08.1991 г. № 79 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1149.

[6] О партийных архивах: Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 г. № 83 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1157.

[7] Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 25.08.1991 г. № 90 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1164.

возглавляемую им партию от приближавшейся гибели[1], объявив 24 августа о сложении с себя полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС и призвав Центральный комитат компартии к самороспуску. Подписанные им в тот же день Указы «Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза»[2] и «О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооружённых Силах СССР, правоохранительных органах и государственном аппарате»[3], свидетельствовали о том, что он фактически разделил позицию Б.Н. Ельцина и российского руководства в отношении компартии. В ноябре, после подписания Б.Н. Ельциным Указа «О деятельности КПСС и КП РСФСР»[4], процесс ликвидации партийных структур окончательно принял необратимый характер.

Одним из ключевых вопросов, который предстояло решить местным Советам и их исполнительным органам, стала ликвидация местных партийных организаций и передача имущества компартии на баланс краевых, городских и районных Советов и исполкомов.

Заслуживает внимания тот факт, что даже в условиях политической неопределенности и нарастающей критики компартии, была предпринята попытка сохранить Приморскую краевую партийную организацию. 27 августа предполагалось созвать заседание бюро крайкома КП РСФСР, и принять решение о приведении структуры первичных партийных организаций в крае в соответствие с требованиями июльского указа Б.Н. Ельцина о департизации. В проекте постановления бюро также содержалась критика «беспринципного, пассивного поведения отдельных лидеров партии в период попытки государственного

---

[1] Пученков А.С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. № 2. С. 470.

[2] Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза: Указ Президента СССР от 24.08.1991 г. № УП-2460 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1024.

[3] О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных Силах СССР, правоохранительных органах и государственном аппарате: Указ Президента СССР от 24.08.1991 г. № УП-2462 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1026.

[4] О деятельности КПСС и КП РСФСР: Указ Президента РСФСР от 06.11.1991 г. № 169 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1537.

переворота в стране» и запоздалое осуждение ГКЧП[1]. Однако новые президентские указы не оставили шанса воплотить эти идеи в жизнь.

На чрезвычайной сессии Приморского краевого Совета, проходившей 27-28 августа 1991 г., прозвучала резкая критика партии и её руководителей[2]. Приморский крайком КП РСФСР был заподозрен депутатами краевого Совета, представлявшими «демократические силы» и активно выступавшими в дни путча в поддержку руководство РСФСР, в организации «штаба ГКЧП» в регионе. Коммунистам ставилось в вину проведение в здании крайкома трех совещаний с участием представителей МВД, КГБ и Министерства обороны[3]. Депутат И.К. Гринченко прямо назвал партию «ядром путча» и потребовал принятия немедленных мер по департизации. Следует отметить, что, согласно утверждению секретаря Приморского крайкома КП РСФСР В.В. Зорина, от секретариата ЦК КПСС в Москве действительно была получена секретная шифрограмма о принятии мер по содействию ГКЧП, однако практических шагов по реализации этих указаний от крайкома не последовало[4].

В новой обстановке руководителям Приморского крайкома КП РСФСР, городских и районных парторганизаций осталось лишь принять участие в ликвидации партийных структур и передаче имущества в руки краевых, городских и районных Советов народных депутатов и исполкомов. Решение этой задачи оказалось непростым делом, так как на ряд объектов партийного имущества нашлось несколько претендентов, что привело к конфликту между властями Приморского края и города Владивостока.

Начало этому процессу было положено еще 23 августа, когда исполком Владивостокского городского Совета, не согласовывая своих действий с краевыми властями, принял решение «Об обеспечении сохранности народной собственности». Этим решением городские власти заявили свои права на значительную часть имущества местных комитетов Компартии, как говорилось в

[1] ГАПК. Ф. П-68. Оп.117. Д. 1120. Л. 3.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 150.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 34.
[4] Там же. Л. 164.

тексте документа, «в связи с началом национализации партийного имущества в городе Москве и других регионах». Учитывая то обстоятельства, что партийная недвижимость и иное имущество партии представляло значительную ценность, Владивостокский горисполком поручил начальнику управления внутренних дел города В.Н. Антонову взять под охрану помещения районных, городского и краевого партийных комитетов. С данным распоряжением, подписанным заместителем председателя исполкома Ф.Т. Новиковым, надлежало ознакомить руководителей вышеуказанных комитетов партии[1]. Несмотря на внесённое в документ уточнение, что решение вступает в силу с момента подписания, на практике за неделю его реализовать не удалось.

В дальнейшем инициатива перешла к краевым властям. Вопрос об имуществе краевого, городских и районных организаций Коммунистической партии был рассмотрен 26 августа 1991 г. на заседании крайисполкома под председательством В.С. Кузнецова[2]. В качестве приглашенных лиц выступили несколько руководителей Приморского краевого комитета КП РСФСР: первый секретарь комитета А.С. Головизин, управляющий делами Приморского краевого комитета партии В.Г. Финтисов, первый секретарь Владивостокского горкома В.Я. Клоков[3]. Ключевыми пунктами повестки дня стали меры по выполнению президентских указов, а также судьба газеты крайкома партии «Красное знамя»[4]. Особое внимание уделялось обсуждению финансовых активов и материальных ценностей, находившихся на балансе краевого комитета, а также принципам расчетов с бывшими сотрудниками аппарата крайкома. Была поднята также проблема арендных договоров на предоставление помещений, заключённых ранее различными организациями с краевым комитетом партии.

Итогом заседания стало решение № 239 «О выполнении Указов Президента РСФСР “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР” и

[1] ГАПК. Ф 85. Оп. 9. Д. 289. Л. 32.
[2] Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток. 2018. С. 721.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1494. Л. 2.
[4] Там же. Л. 4.

Президента СССР “Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза”». Крайисполком поручил управлению внутренних дел вместе с горисполкомами и райисполкомами обеспечить сохранность зданий и находящегося в них имущества, опечатать помещения, занимаемые партийными структурами, а также дал указание особой комиссии под руководством заместителя управляющего делами крайисполкома А.В. Гаврилова определить порядок технической эксплуатации зданий и функционирования гостиницы крайкома партии. Разрешалось использование под контролем крайисполкома помещений, арендуемых сторонними организациями, а также автотранспорта партийных комитетов. Горисполкомам и райисполкомам предписывалось незамедлительно провести аналогичную работу в отношении соответствующих партийных комитетов городского и районного уровня. Также надлежало принять все меры по трудоустройству и социальному обеспечению бывших работников партийных комитетов. Контроль был возможен на управляющего делами крайисполкома А.Г. Дегтярёва[1].

28 августа 1991 г. начальник Управления печати и массовой информации крайисполкома М.В. Щекина своим приказом взяла на себя оперативное руководство издательством «Красное Знамя». Директору издательства Ю.А. Бондаренко до принятия решения о форме собственности предписывалось продолжать деятельность предприятия в прежнем режиме, выполняя ранее взятые на себя договорные обязательства. В целях обеспечения сохранности имущества запрещалась продажа и передача материальных ценностей издательства[2]. Этот приказ положил начало длительной тяжбе, в ходе которой издательский коллектив и редакция «Красного знамени» стремились сохранить свою самостоятельность и право распоряжаться частью прежней собственности. Главным препятствием на пути к этому стало то, что одним из учредителей газеты «Красное Знамя» до 23 августа 1991 г. являлся краевой комитет КП РСФСР[3].

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1494. Л. 4.
[2] ГАПК. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 549. Л. 75.
[3] Там же. Л. 9.

Однако вскоре вопрос о судьбе «Красного знамени» и его помещения отошёл на второй план на фоне набирающего обороты конфликта вокруг партийной недвижимости в г. Владивостоке. Крайисполком 30 августа 1991 г. выпустил распоряжение о судьбе имущества комитетов Компартии в Приморье[1]. Во исполнение Указа Президента РСФСР краевым властям следовало принять на баланс движимое и недвижимое имущество Приморского краевого комитета КП РСФСР, а также городских, районных и других комитетов Компартии. До окончания разграничения собственности в полное хозяйственное ведение краевого Совета передавались следующие объекты партийного имущества: Дом Советов по ул. Ленинской, Центр гуманитарных и научных знаний, Комплекс издательства «Красное Знамя» и здание редакции газеты, здание Фрунзенского райкома партии, автобаза крайкома партии, гостиница, дачи, санаторий «Имени 50-летия Октября», склад по ул. Некрасовской, строящийся пионерский лагерь и помещения Владивостокского городского комитета партии.

Владивостокскому городскому Совету народных депутатов было предписано принять в пользование здания, помещения и прочее имущество Ленинского, Первомайского, Советского и Первореченского райкомов партии, а также жилой дом на ул. Прапорщика Комарова; городские и районные Советы народных депутатов принимали на баланс здания, помещения и имущество соответствующих горкомов, райкомов и других комитетов Компартии[2].

То обстоятельство, что лишь четыре здания районных комитетов предполагалось передать в распоряжение городских властей Владивостока, а остальные капитальные сооружения, в том числе Центр гуманитарных и политических исследований, крайисполком оставил себе, вызвало возмущение руководителей Владивостокского городского Совета и горисполкома[3]. Горсовет выразил категорическое несогласие с таким решением, поскольку, по мнению депутатов Владивостока, оно было принято без какого-либо согласования с ними,

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1494. Л. 86.
[2] Там же. Л. 88.
[3] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 130. Л. 14.

а также не учитывало потребности городских властей и жителей города. Данное решение депутаты городского Совета называли грубым нарушением президентских указов.

Кроме того, по оценке владивостокских депутатов, решение крайисполкома совершенно не соответствовало той роли, которую сыграли краевые и городские власти в организации сопротивления путчу. В городской Совет к этому времени поступило и продолжало поступать большое количество предложений по дальнейшему использованию партийных помещений и имущества от граждан и организаций города. Это обстоятельство, по мнению депутатов, свидетельствовало о признании приоритетного права горсовета распоряжаться партийной собственностью на своей территории. По мнению городских властей, передача капитальных сооружений должна была стать гарантией их дальнейшего использования во благо города, и недопущения размещения в них разрастающихся управленческих контор крайисполкома[1].

В связи с этим 6 сентября городской Совет потребовал отменить решение крайисполкома как противоречащее Указу Президента РСФСР и незамедлительно провести совещание властей города и края по определению судьбы имущества Компартии на территории Владивостока. В ходе обсуждения на сессии городского Совета депутаты в качестве аргумента не раз упоминали свою политическую позицию, которой они придерживались 19-21 августа 1991 г., заявив о своем праве требовать от краевого Совета уступок в вопросе распределения партийного имущества. Управление внутренних дел горисполкома получило указание принять меры по обеспечению сохранности имущества, принадлежащего ранее городскому и районным комитетом Компартии. Данное решение за подписью зам. председателя горсовета Ю.А. Авдеева было направлено председателю крайисполкома и прокурору Приморского края. В том случае, если

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 130. Л. 23.

крайисполком не пойдет на компромисс, Владивостокский городской Совет оставлял за собой право обратиться в Верховный Совет РСФСР[1].

В районах Приморского края взятие местными властями под свой контроль имущества местных комитетов Компартии не вызвало конфликтов. Причиной послужило то, что крайисполком полностью отдал данное партийное имущество в распоряжение местных властей, с единственным исключением: расположенный в Кировском районе санаторий «Имени 50-летия Октября», представлявший особую ценность, переходил на баланс крайисполкома.

Передача имущества проходила без эксцессов, что отчетливо прослеживается на примере ряда районов Приморского края. Так, Кировский районный Совет 26 августа распорядился приостановить деятельность Компартии на территории района и в трехдневный срок провести описание и опечатывание имущества райкома партии и первичных партийных организаций с привлечением к работе налоговой инспекции, районного отделения внутренних дел и депутатской комиссии по соблюдению социалистической законности и охране государственного и общественного порядка. Имущество партии было взято под охрану МВД, архивные материалы переданы архивному отделу райисполкома, управляющий отделения Агробанка закрыл счет райкома КПСС. Районный узел связи получил указание отключить телефоны, установленные в райкоме КПСС, а отдел по труду и социальным вопросам – трудоустроить освободившихся работников районного комитета и парткомов[2].

В Октябрьском районе исполком 26 августа поручил особой комиссии опечатать помещение, занимаемое районным комитетом компартии, и прочие объекты, обеспечить сохранность зданий и находящегося в нем имущества. Вход в здание райкома был ограничен и открыт только трем членам комиссии и управляющему делами райкома партии. Исполком распорядился принять меры по трудовому и социальному обеспечению работников парткомов. На период

[1] ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 130. Л. 7.
[2] Сельская новь. 1991. 29 августа. С. 1.

закрытия помещений они также получили разрешение использовать служебный автомобиль для организации выезда на сельскохозяйственные работы[1].

Распоряжением исполкома Красноармейского районного Совета 26 августа была утверждена комиссия по приемке и охране имущества районной партийной организации. Член комиссии Л.И. Черепанова ознакомила работников аппарата райкома с распоряжением председателя райисполкома произвести опечатывание кабинетов и гаража райкома партии. Частично продолжили функционировать сектор учета и бухгалтерия, где члены партии могли получить необходимую информацию и ждать дальнейших распоряжениях. Охрану имущества обеспечила сторожевая служба исполкома и райсовета, а также ответственный представитель от районного отдела внутренних дел[2].

Таким образом, передача имущества проходила по однообразной схеме: сначала Совет или исполком принимал решение о приостановлении деятельности местного комитета партии, создавал комиссию по принятию и учету имущества, после чего работники территориального отдела внутренних дел опечатывали здание, предоставляя возможность местным властям провести опись имущества и определить его дальнейшую судьбу.

Впрочем, вскоре от властей РСФСР последовало указание, существенно сузившее круг возможного применения большей части недвижимого имущества компартии. Распоряжением Президента РСФСР от 3 сентября 1991 г. «О неотложных мерах по улучшению работы судов РСФСР»[3] органам исполнительной власти на местах при решении вопросов об использовании партийного имущества было предписано осуществить передачу зданий партийных комитетов судам, которые до этого размещались в неприспособленных для осуществления правосудия помещениях. Обоснованием

---

[1] Заря. 1991. 31 августа. С. 1.
[2] Коммунист. 1991. 27 августа. С. 1.
[3] О неотложных мерах по улучшению работы судов РСФСР: Распоряжение Президента РСФСР от 03.09.1991 г. № 32-рп. // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/169 (дата обращения: 10.12.2018).

для принятия решения послужило неудовлетворительное положение народных судов в большинстве регионов РСФСР[1].

Насколько это утверждение соответствует действительности, можно судить по подготовленной отделом юстиции Приморского крайисполкома справке. Ситуация с размещением судов действительно выглядела угрожающе. Из всех функционирующих на территории края народных судов только девять располагались в зданиях, отвечающих всем условиям, необходимым для осуществления правосудия. В остальных случаях помещения, занимаемые народными судами, не соответствовали требованиям и имели ряд изъянов, препятствующих осуществлению полноценной судебной деятельности. В числе таких недостатков главным являлось расположение судов в аварийных и ветхих зданиях, не имеющих достаточного количества мебели, множительной и пишущей техники, а также надлежащей телефонной связи. Размер и внутренняя планировка помещений, в которых располагались народные суды, также имели значительные изъяны: отсутствие места для размещения судебных исполнителей, адвокатов и прокуроров, нехватка помещений для подсудимых и конвоя, отсутствие отдельных совещательных комнат, дефицит места для свидетелей и прочих участников процесса.

Вышеназванные недостатки были присущи районным судам краевого центра: Ленинский районный суд имел лишь один зал заседаний и располагался на первом этаже жилого дома; Фрунзенский районный суд также размещался в жилом доме и вовсе не имел зала заседаний, совещательных комнат и помещений для участников процесса; аналогичная ситуация сложилась в Советском районном суде; Первореченский районный суд располагал лишь двумя небольшими залами для семи народных судей при полном отсутствии помещений для участников процесса и совещательных комнат; Первомайский районный суд располагался в аварийном здании[2].

---

[1] Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма, 2010. С. 84.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1496. Л. 19.

В некоторых случаях, если дело касалось малых городов и районов края, ситуация была ещё более угрожающей: Хорольский и Ольгинский районные суды располагались в помещениях, ожидавших сноса, Анучинский и Дальнереченский суды – в зданиях, покрытых грибком и подлежащих выселению из-за несоответствия санитарным нормам; помещение Лесозаводского городского суда подвергалось постоянным затоплениям; Красноармейский районный суд вынужденно размещался в двух кабинетах поселкового Совета, так как ранее занимавшееся им здание было снесено тайфуном; Кировский районный суд, утративший помещения в результате пожара, вынужден был частично разместиться в гараже; Хасанский районный суд находился в помещении, арендуемом у судоремонтного завода, при этом в связи с расторжением договора аренды суд находился под угрозой выселения[1].

Всё это способствовало тому, что распоряжение Президента РСФСР было встречено краевыми властями и Советами всех уровней с сочувствием и пониманием. Спустя десять дней последовало решение Приморского краевого Совета «О неотложных мерах по улучшению условий работы народных судов края», в соответствии с которым помещения и здания, ранее принадлежавшие городским и районным комитетам Коммунистической партии, отводились для размещения в них народных судов. Передача помещений Фрунзенского и Ленинского районных комитетов партии соответствующим судам первоначально планировалась как временная мера – до возведения для них отдельных типовых зданий[2].

Следует признать, что президентское распоряжение в этом случае действительно сыграло благоприятную роль в деле рационального использования партийного имущества, так как снизило вероятность нецелевого и неэффективного управления высвободившейся недвижимостью и позволило во многих случаях решить проблему размещения судов. Таким образом, сразу 27 объектов недвижимости в крае поступили в распоряжение соответствующих

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1496. Л. 20-22.
[2] Там же. Л. 14.

городских и районных судов. Кроме того, передача помещений партийных комитетов судам частично сгладила противоречия между властями Приморского края и города Владивостока.

Почти одновременно исполком краевого Совета решил вопрос о принадлежности партийных архивов. 11 сентября он поручил архивному отделу крайисполкома принять на государственное хранение в полном объеме текущие архивы и документацию структурных подразделений аппарата Приморского краевого комитета Компартии. Для этого была создана отдельная подкомиссия, которая получила в свое распоряжение упаковочный материал, транспорт и оргтехнику. На базе Центра гуманитарных и политических знаний крайкома КП РСФСР власти края постановили образовать хозрасчетный учебный центр крайисполкома[1].

Автотранспорт Приморского крайкома партии был распределен между различными структурами: краевым управлением внутренних дел, редакцией газеты «Утро России», коммунальными службами, управлением бытового обслуживания. Также около 80 автомашин власти края передали в распоряжение местных администраций.

В дальнейшем до конца года хозяйственный отдел управления делами крайисполкома, а после прекращения его полномочий – тот же отдел в структуре администрации Приморского края провёл инвентаризацию имущества бывшего краевого комитета КП РСФСР. Подсчет и оценка имущества бывших структур Компартии велись под руководством заведующего хозяйственным отделом управления делами администрации Приморского края А.В. Гаврилова, ответственного за инвентаризацию на всех этапах её проведения. В ходе выполнения указов Президента РСФСР о приостановке деятельности Коммунистической партии на территории России, хозяйственный отдел принял на ответственное хранение с правом пользования партийное имущество на сумму 1850499 руб. В эту цифру была включена балансовая стоимость зданий крайкома,

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1496. Л. 126.

горкомов, райкомов партии, расположенных на территории Приморского края, автомобильный транспорт, мебель, оргтехника, а также прочее движимое и недвижимое имущество. Значительная её часть была передана в распоряжение местных администраций городов и районов Приморья. Краевая администрация получила контроль над имуществом общей стоимостью 567 тыс. руб. Наблюдавшие за инвентаризацией партийной собственности корреспонденты газеты «Владивосток» с сожалением отметили, что реальный объем полученного партийного имущества не соответствовал завышенным ожиданиям общественности, а указанные выше суммы, приобретенные в ходе изъятия партийной собственности не позволяли рассчитывать на решение финансово-экономических проблем региона[1].

Таким образом, в августе 1991 г. был запущен процесс перераспределения собственности, в который активно включились органы государственной власти и управления всех уровней, включая региональный и местный. Начавшаяся в Приморском крае работа по инвентаризации имущества КПСС и последующая передача его в ведение исполкомов краевого, городских и районных Советов проводилась довольно высокими темпами и в короткие сроки привела к первым практическим результатам и способствовала получению опыта управления движимым и недвижимым имуществом в преддверии масштабных экономических реформ 1990-х годов.

В это же время происходит кардинальная перемена в правовом положении и Советов народных депутатов. Они впервые с начала перестройки столкнулись с принципиально новой ситуацией ограничения своей власти. Оставаясь представительными органами, Советы во второй половине 1991 г. утратили возможность самостоятельно формировать исполнительную власть на местах[2]. 22 августа, в условиях только что завершившегося противостояния с ГКЧП, Президентом РСФСР был подписан Указ «О некоторых вопросах деятельности

[1] Владивосток. 1991. 20 декабря. С. 3.
[2] Коваленко С.Г. Распад СССР и новая вертикаль власти: 1990–1993 гг. (на примере Дальнего Востока России) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. № 1. С. 50.

органов исполнительной власти в РСФСР»[1]. Этим указом российское руководство преследовало цель укрепить государственную вертикаль и дисциплину, обеспечить единство в деятельности органов исполнительной власти. Создавалось новая иерархическая система с Президентом, Вице-президентом и Советом Министров РСФСР во главе исполнительной вертикали. Отныне исполнительно-распорядительные функции государственного управления в соответствии с положениями указа передавались новым органам власти. В краях и областях создавались государственные администрации. Согласно наблюдению В.Е. Буянова, администрации взяли на себя не только полномочия прежних исполкомов, но и часть функций местных структур КПСС, ВЛКСМ и профсоюзов[2].

Глава государственной администрации с этого времени назначался Президентом РСФСР по согласованию с местным Советом и мог быть освобождён от должности по указанию Президента РСФСР, по представлению соответствующего Совета или по собственной инициативе. Глава администрации наделялся широким кругом полномочий, включая право самостоятельно формировать администрацию, определять её структуру, утверждать штатное расписание в пределах средств, выделяемых Советом, назначать и освобождать от должности руководителей структурных подразделений администрации[3]. Первоначально назначение глав администрации решением Президента объявлялось временной мерой, необходимо для стабилизации обстановки в стране[4].

Указ от 22 августа создал принципиально новое звено в системе управления регионами. Фактически он положил конец дискуссии о способе наделения

---

[1] О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР: Указ Президента РСФСР от 22.08.1991 г. № 75 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1146.

[2] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 70.

[3] Бабичев И.В. Основные направления развитие законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Второй этап // Местное право. 2010. № 3. С. 123.

[4] Иванов В.В. Глава субъекта Российской Федерации: правовая и политическая история института. М.: Праксис, 2013. С. 46.

полномочиями главы исполнительной власти региона, отвергнув возможность всенародных их выборов. Необходимо сделать оговорку, что единого мнения о том, как долго должна была сохраняться практика назначений, не существовало. Первые попытки установить процедуру демократических выборов стали предприниматься уже в октябре 1991 г., когда депутаты Верховного Совета РСФСР предложили внедрить процедуру избрания главы администрации жителями регионов[1], однако Президент добился постановления об отсрочке проведения выборов до 1 декабря 1992 г[2].

Согласно указу, с момента назначения на должность главы администрации прекращались полномочия исполнительного комитета соответствующего Совета народных депутатов. Указ запустил механизм преобразования системы управления регионами в новых условиях, что сделало его ключевым нормативно-правовым актом, так как Закон «Об управлении краем и областью РСФСР» всё ещё находился на стадии разработки и согласования отдельных его положений в Верховном Совете РСФСР. Принципиально новым стала своеобразная практика двойной ответственности: глава администрации был подотчётен Президенту РСФСР, но не реже одного раза в год представлял отчёт Совету народных депутатов.

Осенью 1991 г. последовали указы о назначении глав администраций краев и областей. Первые президентские назначения не стали неожиданностью для Советов краев и областей и первое время не внесли принципиальных новшеств в региональную кадровую политику. Основными критериями, на основании которых происходил выбор тех или иных лиц на новые должности стали их прежний опыт работы в региональных и местных Советах и исполкомах,

[1] О выборах главы администрации: Закон РСФСР от 24.10.1991 г. № 1803-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1491.
[2] Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. С. 40.

поведение в период августовского кризиса и лояльность российскому руководству[1].

Указом Президента РСФСР от 8 октября 1991 г. № 139 в числе прочих был назначен глава администрации Приморского края[2]. Им стал В.С. Кузнецов, занимавший ранее должность председателя исполкома краевого Совета. Таким образом, исполнительная власть в Приморском крае обрела преемственность, а В.С. Кузнецов получил возможность продолжить мероприятия, начатые им ещё в бытность председателем крайисполкома.

В.С. Кузнецов вступил в должность главы администрации Приморского края 15 октября, вернувшись из командировки в Соединённые Штаты Америки, где краевая делегация участвовала в международном совещании по перспективам развития свободной экономической зоны в Приморье[3]. С этого дня были прекращены полномочия крайисполкома, а администрация края стала его преемником. В соответствии с распоряжением № 2 «О некоторых вопросах организации работы администрации края»[4], подписанном 16 октября, все должностные лица крайисполкома, его управлений и отделов продолжили выполнять свои обязанности в новом органе власти. Администрация Приморского края формировалась постепенно, и работа по созданию её структурных подразделений была завершена и утверждена главой администрации только 24 декабря 1991 г[5].

В первые месяцы пребывания в должности глава администрации продолжил работу по разграничению собственности на территории Приморского края, определив перечень предприятий и организации, переходящих в федеральную собственность, собственность края и муниципальную собственность городских и

---

[1] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 70.

[2] О главах администраций краев и областей РСФСР: Указ Президента РСФСР от 08.10.1991 г. № 139 // Ведомости СНД и ВС РСФСР от 01.01.1991. № 42. Ст.1351.

[3] ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

[4] Там же. Л. 6.

[5] ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 278.

районных Советов[1]. Был создан комитет по разгосударствлению и приватизации при администрации Приморского края[2], проведены уточнения бюджетов края, его городов и районов[3]. Глава администрации до конца 1991 г. проделал значительную работу по исполнению Указа Президента РСФСР от 20 сентября 1991 г. «Об открытии Владивостока для посещения иностранными гражданами»[4], утвердив план мероприятий по открытию города, а также распорядился выделить земельные участки для строительства иностранных консульств и представительств.

До начала следующего года совместная работа администрации края с Советом народных депутатов не омрачались конфликтными ситуациями. Однако в последующий период В.С Кузнецову не удалось закрепиться в верхних эшелонах политической элиты Приморья на долгосрочной основе. Отношения первого главы администрации с краевым Советом были отягощены процедурой его назначения. Депутатов возмутило то, что его кандидатура предварительно не обсуждалась в Совете[5].

Несмотря на то, что стиль руководства В.С. Кузнецова в целом не отличался авторитарностью, структура администрации менялась постепенно, ее штат рос незначительно, а многие вопросы он делегировал своим заместителям (в результате чего у некоторых депутатов даже сложилось впечатление, что В.С. Кузнецов «ничем не хотел заниматься, кроме внешнеэкономических связей»[6]), работа администрации получит негативную оценку. Уже весной 1992 г. глава администрации и его подчинённые подверглись резкой критике, на фоне которой прозвучали призывы отправить В.С. Кузнецова в отставку[7], а Совету «набраться

[1] ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
[2] Там же. Л. 23.
[3] Там же. Л. 31.
[4] Там же. Л. 189.
[5] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1441. Л. 190.
[6] Коваленко С.Г. Распад СССР и новая вертикаль власти: 1990–1993 гг. (на примере Дальнего Востока России) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. № 1. С. 52.
[7] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1441. Л. 187.

смелости» и взять на себя ответственность за политические и экономические процессы[1].

Что же касается представительной власти Приморья, то до конца 1991 г. ей пришлось функционировать без руководителя. Должность председателя краевого Совета после отстранения А.А. Волынцева оставалась незамещённой. Временно его обязанности исполнял первый заместитель председателя Совета Д.Н. Григорович[2]. Депутаты несколько раз пытались избрать нового председателя, однако долго не могли подобрать нужной кандидатуры. В октябре 1991 г. за место председателя боролись депутаты А.А. Заболотников, представлявший демократическое крыло депутатского корпуса, а также В.А. Бутаков, А.В. Кузьминов и Н.И. Литвинов. Первоначально был заявлен также В.И. Черепков, но, озвучив свою предвыборную программу, он отказался участвовать в предстоящих выборах и снял свою кандидатуру[3]. При подсчёте голосов лидировали Н.И. Литвинов и А.А. Заболотников. Н.И. Литвинов был в шаге от кресла председателя, получив во втором туре 90 голосов из 180[4], однако в итоге всё же не был избран. Прошло ещё два месяца, прежде чем в декабре 1991 г. во главе представительной власти края уже в статусе полноправного председателя краевого Совета встал Д.Н. Григорович, набравший 146 голосов депутатов из 165, участвовавших в выборах. Компромиссная фигура нового председателя, не связанного напрямую ни консервативной верхушкой региональной партийно-бюрократической номенклатуры, ни с радикально-демократическим движением, свидетельствовала о том, что в Совете возобладали умеренные настроения, а пошатнувшийся после провала ГКЧП баланс сил не позволил находившимся ранее в оппозиции депутатам демократических (в понимании того времени) взглядов использовать открывшееся окно возможностей и на волне эйфории первых недель после путча перехватить управление, заняв ведущие позиции в представительной власти края.

---

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 147.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 207.
[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1329. Л. 17.
[4] Там же. Л. 18.

Новоизбранный председатель выразил надежду на то, что ему удастся наладить рабочие контакты с главой администрации Приморского края В.С. Кузнецовым[1], однако, как уже было отмечено, согласие исполнительной и представительной власти оказалось непродолжительным.

Ещё одной проблемой, с которой столкнулся краевой Советы во второй половине 1991 г., стало отсутствие какого-либо оперативного органа, действующего на постоянной основе между сессиями Совета и правомочного решать хотя бы ограниченный круг вопросов. Как уже отмечалось, Советы народных депутатов краевого и областного уровней были по своему составу весьма многочисленны. Для того чтобы организовать сессию, подготовить повестку дня, оповестить депутатов и собрать кворум, требовалась значительное время. Ранее функции оперативного принятия решений и контроля их исполнения выполнял президиум краевого Совета и исполнительный комитет. Однако летом 1991 г. президиум был упразднён, а крайисполком осенью перестал существовать как исполнительный органо Совета. Большая часть его работников перешла во вновь созданную администрацию края. Этот привело к катастрофическому снижению оперативности принятия решений, что в условиях кризиса было недопустимо. В этой связи ещё с августа 1991 г. в краевом Совете обсуждался вопрос о формировании малого Совета[2]. В тот момент подобный представительный орган ещё не получил законодательного оформления, поэтому его избрание пришлось отложить.

Только после того как 5 декабря 1991 г. был принят Закон РСФСР «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов», задача формирования малого Совета вновь была включена в повестку дня. По своим функциям малый Совет отчасти походил на прежний президиум и включал не более 1/5 от общего количества депутатов краевого Совета. Однако, в отличие президиума, малый Совет был полномочен самостоятельно решать большинство вопросов, отнесённых к ведению краевого

[1] Владивосток. 1991. 24 декабря.
[2] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 35.

Совета, за исключением тех, по которым решения принимала исключительно сессия Совета (по большей части это касалось утверждения структуры и штата Совета, регламента его работы, принятия программ развития, избрания председателя Совета и заслушивание отчёта о его деятельности, избрания председателей постоянных комиссий)[1]. Малый Совет Приморского краевого Совета народных депутатов был избран 18 декабря 1991 г. и приступил к работе в составе 44 депутатов[2]. До наступления нового года малый Совет успел принять 53 решения и поставить на контроль 17 из них[3].

Нижестоящие Советы и исполнительные органы городов и районов также подверглись трансформации осенью 1991 г. Новый порядок назначения глав администраций существенным образом изменил расстановку сил в отношениях между главами исполнительной власти края и краевого центра. По предложению Б.Н. Ельцина Съезд народных депутатов РСФСР своим решением от 1 ноября 1991 г. предоставил Президенту ряд особых полномочий[4], предусматривающих, в том числе, право назначения и отстранения от должности глав администраций краев и областей в составе России[5]. Последние в свою очередь получили право назначать и снимать глав местных администраций, а так же вносить кандидатуры на должности глав администраций региональных центров.

Руководители городской власти Владивостока не скрывали, что новый порядок назначения главы администрации города их не устраивает. В знак протеста от борьбы за пост главы города отказался председатель городского Совета С.С. Соловьёв. Он выступил против того, чтобы такая важная должность попадала в руки назначаемого чиновника, и настаивал на избрании мэра

---

[1] О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов: Закон РСФСР от 05.12.1991 г. № 1985-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 51. Ст. 1794.

[2] Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 82.

[3] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1429. Л. 15.

[4] Тарасова Е.П. Реформа государственной власти в СССР и РСФСР в начале 90-х годов XX века: политико-правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций. 2010. № 5. С. 91.

[5] О порядке назначения глав администраций: Указ Президента РСФСР от 25.11.1991 г. № 239 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1677.

горожанами. По мнению противников процедуры назначения, новый глава администрации не будет обладать достаточным народным доверием и моральными обязательствами перед гражданами[1].

Однако положения президентского указа остались неизменны – глава администрации края должен был вынести на рассмотрение депутатов городского Совета своего кандидата. Если больше половины депутатов его поддержат, то глава городской администрации утверждался в должности и приступал к исполнению своих обязанностей. В случае отклонения предложенной кандидатуры, глава вышестоящей администрации должен был предоставить депутатам на утверждение другого, альтернативного кандидата. Отличительной чертой данной процедуры стало то, что санкционировать назначения могла как сессия городского Совета, так и Малый Совет народных депутатов. В случае, если кандидатура, предложенная главой администрации края, не будет утверждена, то в соответствии с положениями указа, глава администрации мог назначить неутвержденного кандидата исполняющим обязанности главы городской администрации сроком на один год.

При выборе кандидата на должность главы Владивостока его прежние руководители, Е.М. Блинов и С.С. Соловьёв, уже не рассматривались В.С. Кузнецовым как потенциальные претенденты. Возглавить краевую столицу он предложил первому заместителю председателя Владивостокского горисполкома В.В. Ефремову. В соответствии с Указом Президента РСФСР от 26 декабря 1991 г. «О назначении глав администраций городов областных и краевых центров РСФСР»[2], В.В. Ефремов был наделен полномочиями главы администрации города Владивостока. Всенародные выборы были отложены на неопределенный срок и в итоге состоялись лишь спустя два года в условиях совершенно иной политической конфигурации в регионе.

---

[1] Владивосток. 1991. 20 декабря.

[2] О назначении глав администраций городов – областных и краевых центров РСФСР: Указ Президента РСФСР от 26.12.1991 г. № 320 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 1. Ст. 48.

В городах и районах края переход части депутатов местных Советов различного уровня на должности в местных администрациях привел к сокращению общего количества народных депутатов. К началу 1992 г. в целом по краю не были заняты 458 депутатских мест в Советах всех уровней. В связи с этим многие городские и районные Советы пришли к выводу о необходимости сокращения количества депутатских мест[1].

Ещё более усилилась тенденция к снижению посещаемости депутатами сессий местных Советов всех уровней, несмотря на то, что сессии стали проходить реже, а многие вопросы предварительно прорабатывались малыми Советами, образованными повсеместно в конце 1991 г. – начале 1992 г. Если в 1991 г. посещаемость составляла 73,6%, то в последующие два года стали нередки случаи отсутствия 1/4 и более народных избранников, что вело к невозможности проведения сессий из-за низкой явки депутатов[2].

Создание администрации в городах и районах края в ряде случаев негативно отразилась на взаимоотношениях местных представительных и исполнительных органов. Согласно сведениям, собранным отделом по вопросам работы Советов, на краевом уровне проблему взаимоотношений администрации и Совета народных депутатов удалось решить без особых сложностей. Однако на местах, в отдельных городах и районах наблюдались факты взаимного превышения полномочий, определенных законом: принятие Советами неправомерных решений, попытки глав администраций самостоятельно распоряжаться бюджетом без согласования с Советами, а также переманивание советских кадров в администрации[3].

Таким образом, после событий август 1991 г. в регионах был запущен процесс перераспределения власти и собственности, сопровождавшийся трансформацией представительных и исполнительных органов на местах. Этот процесс протекал на фоне ликвидации союзных структур и становлении новой

[1] ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1429. Л. 5.
[2] Там же. Л. 7.
[3] Там же. Л. 19.

модели власти и управления в РСФСР. Запущенная президентским указом от 22 августа 1991 г. реформа исполнительной власти в регионах привела к фактическому прекращению полновластия Советов, то есть, произошел отказ от ключевого достижения первых лет перестройки. Был совершён поворот в сторону самостоятельности исполнительной вертикали. Суть начатой реформы заключалась в упразднении их прежних исполнительных органов, формировавшихся Советами и создание вместо них администрации. Существенной особенностью стало исключение выборного начала при формировании администраций.

В чрезвычайных условиях осени 1991 г. Президенту РСФСР, несмотря на возражения депутатов Верховного Совета РСФСР и некоторых представителей регионов, удалось отстоять практику назначений глав администраций. В Приморье краевую администрацию на первом этапе возглавил бывший председатель крайисполкома В.С. Кузнецов. Прочие должности в новом органе управления также заняли преимущественно бывшие члены крайисполкома. Таким образом, в первые месяцы после создания администрации, в кадровом составе управленческой элиты не произошло радикальных перемен. Потребуется время, прежде чем руководители администраций полностью осознают преимущества своего нового положение и сумеют использовать его для наращивания политического влияния за счёт ослабления представительных органов.

Представительная власть края претерпела в августе-декабре 1991 г. значительные трансформации, однако они, несмотря на определённые перестановки в руководстве краевого Совета, носили скорее характер организационных изменений, нежели кадровой революции. Совет безвозвратно лишился большей части своих полномочий по формированию и контролю исполнительной власти в крае. Теперь он мог лишь по инерции требовать от главы администрации сохранения прежней модели взаимоотношений.

В депутатском корпусе по-прежнему преобладали умеренные настроения. Отстранение А.А. Волынцева от должности председателя Совета стало практически единственным серьёзным успехом депутатов – «демократов»,

решительно поддержавших Б.Н. Ельцина и правительство РСФСР в августе 1991 г. В краевом Совете они по-прежнему составляли меньшинство и были способны только отчасти влиять на повестку дня и на характер принимаемых решений. Развить успех и избрать председателя из своей среды демократы не сумели, оставшись, по сути, примерно в том же оппозиционном положении, что и в предшествующие месяцы. Осенью 1991 г. после нескольких неудачных попыток выбрать председателя, депутаты предпочли видеть во главе Совета не А.А. Заболотникова или В.И. Черепкова, а более умеренного и конструктивного в своих взглядах и публичных выступлениях Д.Н. Григоровича, бывшего заместителя А.А. Волынцева.

Следует признать, что кадровой революции в исполнительной и представительной власти Приморья, а также радикальной трансформации политической элиты региона в августе-декабре 1991 г. не произошло.

Одновременно политическими трансформациями в регионе последовали и экономические преобразования. Начавшаяся в Приморье работа по инвентаризации имущества КПСС и передаче его в ведение исполкомов краевого, городских и районных Советов проводилась высокими темпами и в короткие сроки привела к первым практическим результатам. Краевым Советом и крайисполкомом была создана региональная нормативная база для передачи партийного имущества. В условиях продолжавшегося политического и экономического кризиса, трансформации институтов власти и управления, несовершенства законодательной базы, а также отсутствия чёткого разграничения собственности проявились разногласия между руководством края и города Владивостока, имевшим собственные интересы и мнение относительно справедливого раздела партийной собственности. В целом перераспределение имущества КПСС органами власти и управления всех уровней способствовало приобретению ими опыта управления движимым и недвижимым имуществом, а также разрешения конфликтных ситуаций в вопросах собственности в преддверии масштабных экономических трансформаций 1990-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование нормативно-правовой базы и деятельности Советов народных депутатов в Приморье в период перестройки и распада СССР позволило выявить существенное количество факторов, влиявших на эволюцию представлений о роли Советов в политической и хозяйственной жизни страны, а также на трансформацию идей и подходов в формировании институтов представительной и исполнительной власти в регионах по мере углубления реформ в СССР. В годы, предшествующие перестройке, Советы народных депутатов считались частью существовавшей в СССР модели народовластия. Их решающая роль всячески подчеркивалась в Конституции, Законах СССР и в нормативных документах союзных республик. На практике декларируемое полновластие Советов оказалось недостижимым и сдерживалось высоким уровнем централизации власти и управления, а также подменой государственных органов партийными в принятии ключевых управленческих, распорядительных и кадровых решений.

В начальный период перестройки Советы народных депутатов получили дополнительные права и полномочия по осуществлению социального и хозяйственного развития территорий, а также управлению предприятиями и организациями. С началом осуществления политики ускорения экономического развития Советы должны были взять на себя реализацию антикризисных мер на местах. При помощи поощрения местной инициативы советское руководство планировало преодолеть негативные последствия излишней централизации и ведомственного эгоизма. В рамках начавшихся реформ, изначально направленных на совершенствование социализма и отдельных элементов советской системы управления народным хозяйством, руководство страны предпринимало активные попытки усовершенствовать принципы работы региональных и местных Советов, намереваясь добиться более эффективного управления территориями и мобилизации их ресурсов в условиях нарастающего кризиса. Снижение командной роли центра и определенная децентрализация должны были способствовать большей инициативности и ответственности советских

работников на местах, что в перспективе могло положительно сказаться на состоянии местной экономики и социальной сферы, а, следовательно, и благосостояния населения.

Первоначально намеченные преобразования не затрагивали политический аспект работы Советов. Вместе с тем, необходимость поощрения местной активности, кадрового обновления, а также инициирование общественных дискуссий по вопросам развития территорий, привели к тому, что Советы подверглись дальнейшей трансформации на принципах демократизации, народовластия и выборности на конкурентной основе. Новый курс вскоре проявился в серии реформ высших органов государственной власти и управления в 1988-1989 гг., итогом которых стала выработка новых подходов к организации избирательного процесса. Выборы народных депутатов СССР в 1989 г. являлись первым масштабным примером демократизации, проявившейся в выдвижении депутатов на альтернативной основе. В дальнейшем этот принцип, а также новые возможности ведения избирательной кампании, предоставленные политикой гласности, были воплощены при осуществлении выборов Советов всех уровней в 1990 г. Результаты этих выборов ярко продемонстрировали перемены, произошедшие в политической жизни страны, и стали индикатором общественных настроений, трансформирующихся под влиянием нарастающего социально-экономического кризиса. В Приморском крае, как и в других регионах РСФСР, эти перемены отразились на составе депутатского корпуса. Несмотря на преобладание в Советах коммунистов, реальный контроль Коммунистической партии над представительными органами был утрачен, сменившись идеологическим многообразием депутатов. Выборы на руководящие должности в краевом Совете и принятие решений на сессиях сопровождались острыми дискуссиями, касающимися всех сторон жизни общества. Несмотря на то, что руководители Совета по-прежнему представляли партийно-бюрократический аппарат, всё заметнее становилось участие депутатов, не являвшиеся ранее партийными и советскими работниками.

Отличительной чертой работы Приморского краевого Совета народных депутатов стало приглашение на должность председателя крайисполкома человека, не имеющего тесных связи в высших бюрократических кругах. Такой шаг являлся скорее исключением, чем правилом для региональных и местных Советов того времени. При формировании крайисполкома Приморский краевой Совет столкнулся с необходимостью разработки и осуществления мер по противодействию социально-экономическому кризису в регионе. Поиск специалистов-новаторов, способных предложить и внедрить новые практики управления, привел к избранию председателем крайисполкома В.С. Кузнецова – представителя учёного сообщества, не являвшиеся депутатом Совета. Этот выбор в дальнейшем окажет существенное влияние на методы работы исполнительной власти края и приоритеты антикризисной политики, однако не поможет в борьбе с системным кризисом государственных институтов.

В число задач, стоявших перед Советами Приморья, входили как общие для всей страны, так и специфические, характерные в большей степени для Дальнего Востока. К общероссийским проблемам относились сохранение производственной базы и промышленности, преодоление топливного и продовольственного дефицита и обеспечение социальной защиты граждан. С целью их реализации новое руководство Советов и исполкомов проводило активную работу по созданию более действенной модели управления на местах. Краевой Совет народных депутатов и его исполком частично изменили свою внутреннюю структуру, то же самое произошло и в местных Советах городского и районного уровня.

Как показал анализ работы органов советской власти Приморья, по причине несовершенства законодательной базы и снижения исполнительской дисциплины далеко не все местные Советы Приморья смогли перестроить свою работу и приспособиться к новым задачам. По мере углубления кризисных процессов связь между различными уровнями Советской власти и управления, а также между Советами исполком постепенно ослабла, что отрицательно повлияло на их взаимодействие и общую эффективности работы.

В условиях набирающего обороты системного кризиса Советы и исполкомы всех уровней столкнулись с большими трудностями по обеспечению населения продовольствием и товарами первой необходимости. Остро встала проблема развития топливно-энергетического комплекса, строительства, в том числе в ходе реализации жилищной программы. Разрушение межрегиональных связей особенно остро ударило по регионам Дальнего Востока, которые не могли снабжать себя всем необходимым за счет местных ресурсов.

Все эти проблемы нашли отражение в решениях и распоряжениях Советов и исполкомов краевого, городского и районного звена. Основную работу взяли на себя Приморский краевой Совет и крайисполком, их руководители, а также подчиненные им структуры: отделы, комиссии, управления, проделавшие большую организационную работу. Результаты работы, однако, были противоречивыми. Отдельные решения, в том числе, введение нормированного распределения товаров первой необходимости, а также неудачи в вопросе рационального использования ограниченных ресурсов привели к осложнению социальной обстановки в крае, вызвав существенное недовольство населения. Летом 1991 г. остро встал вопрос об эффективности работы руководства краевого Совета и исполкома, их ответственности за неудачи, вплоть до отставки.

Причинами такого положения дел послужило несовершенство законодательной базы, недостаточно чёткое разграничение полномочий между органами власти союзного, республиканского, краевого, районного и городского уровней, отсутствие продуманной программы экономических реформ у союзного и российского руководства.

Географические, демографические и транспортные особенности Приморья поставили перед местными Советами и их исполнительными органами ряд специфических задач, актуальных для Дальнего Востока. К особенностям работы Приморского краевого Совета, а также Советов и исполкомов городов и районов края следует отнести их участие во внешнеэкономической деятельности и межрегиональной интеграции.

Приморское положение региона, а также протяжённые морские и сухопутные границы наряду с близостью иностранных государств позволили краю включиться в разработку проектов организации зон свободного предпринимательства и свободных экономических зон. Несмотря на то, что Приморье не было в этом плане уникальной территорией, и подобные зоны формировались параллельно в нескольких частях России, включая и соседние регионы Дальнего Востока, именно в Приморском крае возник наиболее проработанный проект организации СЭЗ в Находке. Одновременно с формированием СЭЗ «Находка» велась разработка нескольких альтернативных проектов, предполагавших помимо экономических преобразований также и значительные политические трансформации, неизбежно ведущие к коренному изменению условий работы Советов и исполкомов. В контексте этих проектов советские органы власти Приморья предполагалось наделить новыми полномочиями, а территории под их управлением фактически наделить особым правовым статусом. Однако процесс создания СЭЗ был достаточно быстро поставлен под контроль правительства РСФСР, что ограничило местную инициативу. В результате наиболее амбициозные проекты свободных зон так и не были реализованы.

В поисках выхода из кризиса органы советской власти Приморья и их руководители искали возможности для координации своих усилий с другими регионами Дальнего Востока. Идеи межрегиональной интеграции нашли свое воплощение в Дальневосточной ассоциации Советов народных депутатов, созданной в августе 1991 г. Ассоциация была призвана способствовать решению в первую очередь экономических задачи и консолидации усилий регионов Дальнего Востока в совместной борьбе с кризисом. Предложения придать этой организации политические функции не получили широкой поддержки и не были одобрены руководством России.

В ходе исследования удалось установить, что на заключительном этапе перестройки со стороны органов советской власти и их подразделений выдвигались проекты дальнейшего реформирования структуры власти и

управления в Приморье. Это привело к появлению нескольких концепций, предусматривающих кардинальные преобразования существующей системы, создание новых руководящих органов и должностей. На основе принципа разделения властей, внедренного на уровне местных Советов, следовало на новых началах выстроить систему представительной и исполнительной власти, одновременно ликвидировав практику дублирования полномочий Советов и их исполнительных органов, а также чётко разграничив полномочия Советов различных уровней. Вступивший в силу летом 1991 г. Закон «О местном самоуправлении в РСФСР» предполагал дальнейшее преобразование советской системы. При сохранении Советов как основы представительной власти, подлежала кардинальной перестройке система исполнительных органов.

Дальше всего в решении этого вопроса продвинулся Владивостокский городской Совет, подготовивший проект реформы городского управления, предусматривающей наряду с прочими мерами проведение выборов мэра города. Приступив к осуществлению заложенных в проект идей, городской Совет, однако, не сумел воплотить их в жизнь в связи с принятием российским руководством принципиально иной модели формирования исполнительной власти на местах после событий августа 1991 г.

В период политического кризиса 19-21 августа 1991 г. и развернувшегося противостояния в столице между Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР и властями РСФСР во главе с Президентом Б.Н. Ельциным, местные органы советской власти и их руководители заняли в целом выжидательную позицию. Воздержавшись от политических и правовых оценок ГКЧП, они, тем не менее, не оказывали активного содействия ни одной из сторон конфликта. При этом позиции должностных лиц, депутатских групп и отдельных депутатов Советов различных уровней могли существенно отличаться в зависимости от их политических взглядов и информированности о противостоянии в Москве.

Анализ действий и заявлений руководителей Приморского краевого Совета не позволяет сделать вывод о поддержке или какой-либо из противоборствующих

сторон. Председатель краевого Совета, его заместители и прочие должностные лица советской власти Приморья предпочли воздержаться от заявлений, которые можно было бы однозначно трактовать как поддержку ГКЧП или противостоящих им властей РСФСР. В то же время председатель крайисполкома В.С. Кузнецов допустил в своих высказываниях критику действий ГКЧП, что можно расценивать как поддержку Президента РСФСР и правительства России. Впоследствии избранная в дни кризиса линия поведения позволила В.С. Кузнецову занять руководящее положение в администрации края, созданной вскоре после августовского кризиса.

Советы крупных городов и отдельные депутаты в своих заявлениях высказывались более определенно, выражая недовольство действиями ГКЧП и выступая за возвращение ситуации в конституционное русло. Однако в большинстве случаев организованного протеста и осуществления озвученных в городах и районах края планов политической забастовки не наблюдалось. Меры по поддержке руководства России и Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, за редким исключением, ограничивались политическими заявлениями, обращениями и призывами депутатов городских и районных Советов к поддержке законной власти. Характерной особенностью местных Советов и исполкомов стал отказ от поспешных политических и правовых оценок ГКЧП. Во многих случаях Советы и исполкомы в своих заявлениях и обращениях к жителям ограничивались призывами к соблюдению порядка и поддержанию трудовой дисциплины. В большинстве своём исполкомы и районные Советы смогли определиться в своей политической позиции не ранее 21 августа, когда возможная победа ГКЧП над руководством РСФСР становилось всё менее вероятной. В ряде районов, городов и сельских населенных пунктов края в дни 19-21 августа политические решения не принималось вовсе. Лишь после роспуска ГКЧП и победы Б.Н. Ельцина, Советы и исполкомы этих районов выразили поддержку Президенту, Совету Министров и Верховному Совету РСФСР.

В результате августовского кризиса и фактической победы руководства РСФСР в Приморском крае произошли кадровые изменения, важнейшим из

которых стало отстранение от должности председателя краевого Совета А.А. Волынцева. Исполнительная власть также претерпела изменения – на основании только что принятых нормативных актов была образована краевая администрация и назначен первый глава администрации. Однако произошедшие перемены в структуре представительной и исполнительной власти, а также перераспределение полномочий в пользу последней не сопровождались кадровой революцией и не привели к принципиально новому раскладу в политической элите края.

Вместе с тем, администрация края, унаследовав управленческий аппарат и кадровый потенциал крайисполкома, сумела в новых условиях занять ведущее положение в решении важнейших вопросов социально-экономического характера, оттеснив на второй план городские и районные власти. Новая краевая администрация взяла на себя дальнейшее решение актуальных задач переходного периода.

Общим итогом развития системы Советов народных депутатов во второй половине 1991 г. стала быстрая утрата ими полновластия в решении местных вопросов и фактическое выделение исполнительной власти в самостоятельную вертикаль. Идея полновластия Советов, ставшая неизменной частью идеологической повестки с первых лет перестройки и прошедшая через смену ориентиров, была отвергнута новым руководством России. Осенью-зимой 1991 г. продолжилось неуклонное снижение влияния Советов на принятие решений и контроль их исполнения. Советы лишились возможности назначать глав исполнительной власти, сохранив право лишь утверждать предложенную Президентом РСФСР кандидатуру, при этом в действительности далеко не всегда могли воспользоваться даже этим правом.

В условиях сложившиеся новой политической обстановки, непродолжительная история перестроечных Советов народных депутатов, призванных стать ключевыми институтами народовластия на местах, но так и не достигших данной цели, завершилась. Несмотря на то, что в постсоветской России они просуществуют ещё в течение двух лет, их роль будет неуклонно

снижаться вплоть до окончательной ликвидации в конце 1993 г. Поскольку новая модель взаимоотношения Советов и администрации, установленная осенью 1991 г., не была совершенной, внедрялась в чрезвычайных условиях разрушения государственных институтов СССР и построения российским руководством принципиально иной властной вертикали, в данный период были заложены предпосылки для будущих конфликтов представительной и исполнительной ветвей власти в 1990-е гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

1.1.1. Государственный архив Приморского края (ГАПК, г. Владивосток)

1. Ф. Р-26. Приморский краевой Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

Оп. 37. Д. 898, 1107, 1108, 1111, 1112, 1128, 1130, 1135, 1142, 1147, 1148, 1280, 1294, 1300, 1311, 1312, 1314, 1315, 1317, 1322, 1323, 1324, 1325, 1327, 1328, 1329, 1335, 1342, 1344, 1376, 1429, 1434, 1441, 1494, 1496, 1507, 1508.

2. Ф. Р-85. Владивостокский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

Оп. 9. Д. 25, 26, 28, 32, 41, 49, 127, 128, 130, 142, 143, 144, 155, 159, 160, 289, 295, 304.

3. Ф. Р-1337. Комитет по печати и информации Администрации Приморского края.

Оп. 1. Д. 549.

4. Ф. Р-1694. Администрация Приморского края.

Оп. 1. Д. 1, 3.

5. Ф. П-3. Владивостокский городской комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Оп. 30. Д. 381, 404, 408.

6. Ф. П-68. Приморский краевой комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Оп. 117. Д. 1107, 1120.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Нормативные правовые акты

7. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.06.1990 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.

8. Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики от 27.09.1990 г. // Сборник законов Республики Саха (Якутия) за 1990-1991 гг. Ст. 7.

9. Заявление Советского руководства // Известия Советов народных депутатов. – 1991. – № 197. – 20 августа. – С. 1.

10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

11. О введении чрезвычайного положения в городе Москве: Указ Исполняющего обязанности Президента СССР от 19.08.1991 г. // Известия. – 1991. – № 197. – С. 1.

12. О временном переподчинении органов исполнительной власти СССР Президенту РСФСР: Указ Президента РСФСР от 19.08.1991 г. № 61 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 34. – Ст. 1134.

13. О выборах главы администрации: Закон РСФСР от 24.10.1991 г. № 1803-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 45. – Ст. 1491.

14. О главах администраций краев и областей РСФСР: Указ Президента РСФСР от 08.10.1991 г. № 139 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 42. – Ст. 1351.

15. О Государственном комитете по чрезвычайному положению: Указ Президента РСФСР от 19.08.1991 г. № 59 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 34. – Ст. 1132.

16. О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве: Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 19.03.1981 г. // Ведомости ВС СССР. 1981. № 13. Ст. 436.

17. О даче согласия на привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР Бакланова О.Д., Стародубцева В.А., Болдина В.И., Варенникова В.И. и Шенина О.С.: Постановление Президиума Верховного Совета

СССР от 22.08.1991 г. № 2353-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1002.

18. О деятельности КПСС и КП РСФСР: Указ Президента РСФСР от 06.11.1991 г. № 169 // Вестник СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1537.

19. О деятельности Советов народных депутатов РСФСР во время государственного переворота: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 23.08.1991 г. № 1630-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 35. Ст. 1150.

20. О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям: Закон РСФСР от 21.11.1990 г. № 343-I // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 332.

21. О запрещении создания вооружённых формирований, не предусмотренных законодательством СССР и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения: Указ Президента СССР от 25.07.1990 г. // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 31. Ст. 559.

22. О Кабинете Министров СССР: Указ Президента СССР от 24.08.1991 г. № УП-2461 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1025.

23. О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 20.11.1980 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1593.

24. О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации: Закон РФ от 05.03.1992 г. № 2449-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. Ст. 663.

25. О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII Съезда КПСС: Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25.06.1986 г. № 876 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1986. № 27. Ст. 627.

26. О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 06.07.1991 г. № 1550-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

27. О механизме народовластия в РСФСР: Постановление Съезда народных

депутатов РСФСР от 20.06.1990 г. № 51-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 4. Ст. 52.

28. О назначении глав администраций городов – областных и краевых центров РСФСР: Указ Президента РСФСР от 26.12.1991 г. № 320 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 1. Ст. 48.

29. О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР: Указ Президента РСФСР от 22.08.1991 г. № 75 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1146.

30. О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов: Закон РСФСР от 05.12.1991 г. № 1985-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 51. Ст. 1794.

31. О партийных архивах: Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 г. № 83 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1157.

32. О первоочередных мерах по развитию свободной экономической зоны в районе г. Находки (СЭЗ Находка) Приморского края: Постановление Совета Министров РСФСР от 23.11.1990 г. № 540 // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1991. № 4. Ст. 50.

33. О порядке введения в действие Закона РСФСР «О выборах главы администрации»: Постановление ВС РСФСР от 25.10.1991 г. № 1806-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1492.

34. О порядке назначения глав администраций: Указ Президента РСФСР от 25.11.1991 г. № 239 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1677.

35. О правовом режиме чрезвычайного положения: Закон СССР от 3.04.1990 г. № 1407-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 15. Ст. 250.

36. О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4.06.1990 г. № 1529-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.

37. О представителях Президента РСФСР в краях и областях РСФСР: Указ Президента РСФСР от 16.10.1991 г. № 144 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 43. Ст. 1393.

38. О прекращении деятельности организационных структур политических

партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР: Указ Президента РСФСР от 20.07.1991 г. № 14 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1035.

39. О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных Силах СССР, правоохранительных органах и государственном аппарате: Указ Президента СССР от 24.08.1991 г. № УП-2462 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1026.

40. О приватизации государственных и муниципальных предприятий: Закон РСФСР от 3.07.1991 г. № 1531-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.

41. О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 23.08.1991. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1149.

42. О приостановлении действия пункта 1 Указа Президента РСФСР № 78 от 23 августа 1991 г. в отношении Казарова О.В. – председателя исполкома Ульяновского областного Совета народных депутатов: Указ Президента РСФСР от 28.08.1991 г. № 95 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 35. Ст. 1169.

43. О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 23.08.1991 г. № 79 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1149.

44. О собственности в РСФСР: Закон РСФСР от 24.12.1990 г. № 443-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

45. О собственности в СССР: Закон СССР от 06.03.1990 г. № 1305-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

46. О создании в Приморском крае в районе г. Находки свободной экономической зоны: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1990 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 235.

47. О создании зон свободного предпринимательства: Постановление Верховного Совета РСФСР от 14.06.1990 г. № 106-1 // Ведомости СНД и ВС РСФС. 1990. № 7. Ст. 107.

48. О создании свободной экономической зоны «Сахалин» (СЭЗ «Сахалин»): Распоряжение Верховного Совета РСФСР от 27.05.1991 г. № 1343-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 793.

49. О социальном развитии села: Закон РСФСР от 21.12.1990 г. № 438-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 411.

50. О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 30.10.1990 г. № 283-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 23. Ст. 279.

51. О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны в Еврейской автономной области: Распоряжение Верховного Совета РСФСР от 3.06.1991 г. № 1357-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 23. Ст. 803.

52. О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны Читинской области (СЭЗ «Даурия»): Распоряжение Верховного Совета РСФСР от 25.05.1991 г. № 1332-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР № 22. 1991. Ст. 789.

53. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР: Закон СССР № 9853-XI от 1.12.1988 г. // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

54. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 27.10.1989 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303.

55. Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза: Указ Президента СССР от 24.08.1991 г. № УП-2460 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1024.

56. Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 25.08.1991 г. № 90 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1164.

57. Об итогах рассмотрения на сессиях Советов народных депутатов республик в составе РСФСР, краев, областей, автономной области, автономных округов, районов, городов и поселков вопросов работы советов, их органов и должностных лиц в период государственного переворота: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 23.09.1991 г. № 1672-1 // Ведомости СНД и ВС

РСФСР. 1991 г. № 40. Ст. 1284.

58. Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краев и областей в осуществлении радикальной экономической реформы: Указ Президента РСФСР от 11.11.1991 г. № 194 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1596.

59. Об обеспечении экономического суверенитета РСФСР: Закон РСФСР от 31.11.1990 г. № 293-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 22. Ст. 260.

60. Об образовании Конституционной комиссии: Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 16.06.1990 г. № 37-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 3. Ст. 24.

61. Об общих началах местного самоуправления и местном хозяйстве в СССР: Закон СССР от 09.04.1990 г. № 1417-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 276.

62. Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период: Закон СССР от 05.09.1991 г. № 2392-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 37. Ст. 1082.

63. Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы: Постановление СНД РСФСР от 01.11.1991 г. № 1830-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1455.

64. Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР: Закон СССР от 11.12.1990 г. № 1826-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 51. Ст. 1115.

65. Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов: Закон СССР от 25.06.1980 г. № 2351-X // Ведомости ВС СССР. 1980. № 27. Ст. 526.

66. Об отмене антиконституционных актов организаторов государственного переворота: Указ Президента СССР от 22.08.1991 г. № УП-2444 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 35. Ст. 1009.

67. Об отстранении от исполнения обязанностей председателей исполкомов

областных Советов народных депутатов: Указа Президента РСФСР от 23.08.1991 г. № 78 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 35. Ст. 1148.

68. Об отстранении от исполнения обязанностей председателей исполнительных комитетов краевого и ряда областных советов народных депутатов РСФСР: Указ Президента РСФСР от 21.08.1991 г. № 70 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1144.

69. Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий: Указ Президента РФ от 29.12.1991 г. № 341 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 3. Ст. 93.

70. Об уточнении некоторых положений Конституции (Основного Закона) СССР по вопросам порядка деятельности Съезда народных депутатов: Закон СССР от 20.12.1989 г. № 961-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 28. Ст. 538.

71. Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР: Закон СССР № 1360-1 от 14.03.1990 г.// Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

72. Обращение к народу Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР // Известия Советов народных депутатов. 1991. № 197. 20 августа. С. 1.

73. Основы законодательства Союза СССР и союзных республик об аренде // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 25. Ст. 481.

74. Указ Вице-президента СССР // Известия Советов народных депутатов. 1991. № 197. 20 августа. С. 1.

1.2.2. Статистические сборники

75. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР 1985 г. М., 1985. 152 с.

76. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР 1987 г. М., 1987. 152 с.

1.2.3. Периодические издания

77. Авангард. Периодическое издание (газета). Кавалерово, 1991.
78. Анучинские зори. Периодическое издание (газета). Анучино, 1991.
79. Вестник Тернея. Периодическое издание (газета). Терней, 1991.
80. Владивосток. Периодическое издание (газета). Владивосток, 1990-1991 г.
81. Восход. Периодическое издание (газета). Арсеньев, 1991.
82. Вперед. Периодическое издание (газета). Михайловка, 1991.
83. Выбор. Периодическое издание (газета). Артём, 1991.
84. Заветы Ленина. Периодическое издание (газета). Ольга, 1990-1991.
85. Заря. Периодическое издание (газета). Покровка, 1991.
86. Знамя Октября. Периодическое издание (газета). Пограничный, 1991.
87. Знамя труда. Периодическое издание (газета). Лесозаводск, 1991.
88. Коммунар. Периодическое издание (газета). Уссурийск, 1990-1991.
89. Коммунист. Периодическое издание (газета). Новопокровка, 1991.
90. Красное знамя. Периодическое издание (газета). Владивосток, 1990-1991.
91. Ленинец. Периодическое издание (газета). Партизанск, 1991.
92. Ленинский путь. Периодическое издание (газета). Черниговка, 1991.
93. Маяк. Периодическое издание (газета). Спасск, 1991.
94. Находкинский рабочий. Периодическое издание (газета). Находка, 1991.
95. Ориентир. Периодическое издание (журнал). Владивосток, 1990-1991.
96. Победа. Периодическое издание (газета). Лучегорск, 1991.
97. Приморец. Периодическое издание (газета). Хасан, 1991.
98. Приморские зори. Периодическое издание (газета). Камень-Рыболов, 1991.
99. Рассвет. Периодическое издание (газета). Хороль, 1991.
100. Сельская новь. Периодическое издание (газета). Кировка, 1991.
101. Сельский труженик. Периодическое издание (газета). Яковлевка, 1991.
102. Советское Приморье. Периодическое издание (газета). Партизанск, 1991.
103. Трудовая слава. Периодическое издание (газета). Вольно-Надеждинское, 1991.
104. Трудовое слово. Периодическое издание (газета). Дальнегорск, 1991.

105. Ударник. Периодическое издание (газета). Лазо, 1991.

106. Ударный фронт. Периодическое издание (газета). Дальнереченск, 1991.

107. Утро России. Периодическое издание (газета). Владивосток, 1990-1991.

1.2.4. Мемуары

108. Язов, Д.Т. Август 1991. Где была армия? / Д.Т. Язов. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2011. – 240 с.

2. Литература

2.1. Исследования

2.1.1. Книги

109. Абдулатипов, Р.Г. Федерализм в истории России / Р.Г. Абдулатипов, Л.В. Болтенкова, Ю.В. Яров. – М.: Республика, 1993. – 414 с.

110. Бабичев, И.В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты / И.В. Бабичев, Б.В. Смиронов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 528 с.

111. Барабашев, Г.В. Советское строительство / Г.В. Барабашев, К.Ф. Шеремет. – М.: Юридическая литература, 1988. – 560 с.

112. Барсенков, А.С. Реформы Горбачёва и судьба союзного государства (1985-1991) / А.С. Барсенков. – М.:МГУ, 2001. – 363 с.

113. Барсенков, А.С. Русский вопрос в национальной политике. XX век / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, А.И. Корецкий. – М.: Московский рабочий, 1993. – 160 с.

114. Безбородов, А.Б. Перестройка и крах СССР. 1985-1993 / А.Б. Безбородов, Н.В. Елисеева, В.А Шестаков. – СПб.: Норма, 2010. – 216 с.

115. Бобович, Р.Е. Территориальное общественное самоуправление / Р.Е. Бобович. – М.: Академия самоуправления, 1999. – 272 с.

116. Боффа, Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса: 1964-1994 / Дж. Боффа. – М.: Международные отношения, 1996. – 320 с.

117. Буянов, Е.В. Государственное строительство на юге Дальнего Востока России в 1990-1997 гг. / Е.В. Буянов. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1998. – 170 с.

118. Буянов, Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов

Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.) / Е.В. Буянов. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – 307 с.

119. Буянов, Е.В. Политическая элита Дальнего Востока России (1980-е – 1990-е годы) / Е.В. Буянов. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – 59 с.

120. Буянов, Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988–1995 гг.) / Е.В. Буянов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – 263 с.

121. Валентей, С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность / С.Д. Валентей. – М.: ИЭ РАН, 1998. – 132 с.

122.

123. Ващук, А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.) / А.С. Ващук. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 212 с.

124. Ващук, А.С. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. / А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королёва. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – 226 с.

125. Вдовин, А.И. Русский вопрос в национальной политике. XX век / А.И. Вдовин, В.А. Корецкий. – М.: Московский рабочий, 1993. – 160 с.

126. Власов, С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). / С.А. Власов. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 204 с.

127. Гаврилов, С.В. Представительная власть Камчатки (1977–1993) / С.В. Гаврилов. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2020. – 688 с.

128. Горбуз, А.К. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа / А.К. Гарбуз, М.А. Краснов, Е.А. Мишина, Г.А. Сатаров. – СПб.: Норма, 2010. – 480 с.

129. Гельман, В.Я. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006 / В.Я. Гельман, С.И. Рыженков, Е.В. Бклокурова, Н.В. Борисова. – СПб.: Норма, 2008. – 368 с.

130. Гильченко, Л.В. Местное самоуправление: долгое возвращение. Становление местного самоуправления в России / Л.В. Гильченко. – М.: МОНФ,

1998. – 109 с.

131. Графский, В.Г. Институт самоуправления: историко-правовое исследование / В.Г. Графский, И.Н. Ефремова, В.И. Карпец. – М.: Наука, 1995. – 301 с.

132. Дыльнов, Г.В. Советы народных депутатов в условиях перестройки / С.Г. Дыльнов. – Саратов: Изд-во СГУ. 1990. – 432 с.

133. Златопольский, Д.Л. Разрушение СССР (размышление о проблеме) / Д.Л. Златопольский. – М.: Наука, 1998. – 291 с.

134. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

135. Иванов, В.В. Глава субъекта Российской Федерации. Правовая и политическая история института (1990-2010) / В.В. Иванов. – М.: Праксис, 2010. – 328 с.

136. Иванченко, А.В. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А.В. Иванченко, А.Е. Любарев. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 222 с.

137. Игрицкий, Ю.И. Общественная трансформация в СССР и России после 1985 г.: Взгляды и концепции / Ю.И. Игрицкий. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 474 с.

138. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.) Т. 1 / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, Фонд конституционных реформ, 2007. 936 с.

139. Каганский, В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство /А.Л. Каганский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.

140. Ковешникова, Е.М. Партии, Советы, ускорение / Е.М. Ковшеникова. – М.: Юридическая литература, 1987. – 192 с.

141. Кордонский, С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России / С.Г. Кордонский. – М.: ОГИ, 2006. – 240 с.

142. Корельский, В.М. Власть, демократия, перестройка / В.М. Корельский. – М.: Мысль, 1990. – 247 с.

143. Коротков, Э.М. Антикризисное управление / Э.М. Коротков. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 432 с.

144. Коэн, С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза? / С. Коэн. – М.: АИРО-XXI, 2007. – 200 с.

145. Кукушкин, Ю.С. Очерк истории Советской конституции / Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков. – М.: Политиздат, 1987. – 364 с.

146. Кынев, А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями / А.В. Кынев. – М.: Фонд «Либеральная миссия». – 2020. – 1030 с.

147. Кьеза, Дж. Переход к демократии / Дж. Кьеза. – М.: Международные отношения, 1993. – 376 с.

148. Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России (середина 1980-х годов – начало XXI века). / А.В. Лаврентьев. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. – 239 с.

149. Лексин, В.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 372 с.

150. Лукашевич, Д.А. Юридический механизм разрушения СССР / Д.А. Лукашевич. – М.: Алгоритм, 2016. – 520 с.

151. Матвеев, М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. / М.Н. Матвеев. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. – 456 с.

152. Местное самоуправление в современной России / Под ред. А.Е. Балабанова. – Владимир: Транзит-ИКС, 2007. – 440 с.

153. Моисеева, Л.А.. История предпринимательства на Дальнем Востоке в конце XX в. – начале XXI века / Л.А. Моисеева, А.С. Ващук. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 348 с.

154. Мотрич, Е.Л. Население Дальнего Востока России / Е.Л. Мотрич. – Хабаровск, 2006. – 224 с.

155. Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: Сб. материалов / Сост.: О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис. – СПб.: Серебряный век, 2009. – 784 с.

156. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг.

(История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – 902 с.

157. Полынов, М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР, 1946-1985 гг / М.Ф. Полынов. – Санкт-Петербург: Альтер Эго, 2010. – 511 с.

158. Попов, А.И. Региональная политика в России: проблемы государственного управления / А.И. Попов. – М.: РАГС, 1999. – 290 с.

159. Постовой, Н.В. Местное самоуправление: история, теория, практика / Н.В. Постовой. – М.: Изд. Центр Федоров, 1995. – 189 с.

160. Пихоя, Р.Г. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. / Р.Г. Пихоя, С.В. Журавлеёв, А.К. Соколов. – М.: Новый хронограф, 2011. – 312 с.

161. Сельцер, Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры / Д.Г. Сельцер. – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. – 592 с.

162. Синельников, С.Г. Бюджетный кризис в России: 1985-1995 годы / С.Г. Синельников. – М.: Евразия, 1995. – 273 с.

163. Согрин, В.В. Политическая история современной России 1985-2001: от Горбачёва до Путина / В.В. Согрин. – М.: Весь Мир, 2001. – 260 с.

164. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. / Под ред. П.Я. Бакланова. – Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. – 142 с.

165. Тарасова, Е.А. Потерянная альтернатива: становление новой политической системы России в 1990–1993 годы / Е.А. Тарасова. – СПб.: Алетейя, 2012. – 344 с.

166. Туровский, Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений / Р.Ф. Туровский. – М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006. – 400 с.

167. Уваров В.А. Свободные экономические зоны Востока России / В.А. Уваров. – Хабаровск: Информ-Этнос, 1994. – 197 с.

168. Черняев, А.С. Союз можно было сохранить: Белая книга: документы и факты о политике М.С. Горбачёва / А.С. Черняев, В.Т. Логинов. – М.: АСТ, 2007. – 352 с.

169. Чешко, С.В. Распад СССР: этнополитический анализ / С.В. Чешко. – М.:

ИЭА РАН, 2000. – 395 с.

170. Шейнис, В.Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993) Т. 1 / В.Л. Шейнис. – М.: Московский Центр Карнеги, 2005. – 702 с.

171. Шеховцов, В.А. Развитие российского парламентаризма / В.А. Шеховцов – Владивосток: Дальнаука, 2002. – 321 с.

172. Шмонов, Н.Н. Историческое исследование проблем развития особых экономических зон / Н.Н. Шмонов. – Казань: Изд-во КГУКИ, 2010. – 158 с.

173. Шубин, А.В. Парадоксы Перестройки: неиспользованный шанс СССР / А.В. Шубин. – М.: Вече, 2005. – 477 с.

2.1.2. Научные статьи и материалы конференций

174. Абрамова, Ю.А. Экономические преобразования периода перестройки: 1985-1991 гг. / Ю.А. Абрамова, А.Е. Дмитриев // Известия МГТУ «МАМИ». – 2013. – № 1. – С. 43-47.

175. Авакьян, С.А. Советское народное представительство: конституционно-правовые аспекты дальнейшего совершенствования / С.А. Авакьян // Вестник МГУ. Право. – 1987. – № 6. – С. 12-21.

176. Агибалов, Ю.В. Система органов государственной власти субъектов Российской Федерации: исторические и правовые аспекты / Ю.В. Агибалов // Вестник ВГУ. – 2013. – № 2. – С. 19-41.

177. Алексеев, В.В.. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма / В.В. Алексеев, С.А. Нефёдов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 66-77.

178. Бабичев, И.В. Основные направления развития законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Первый этап / И.В. Бабичев // Местное право. – 2010. – № 2. – С. 99-126.

179. Бабичев, И.В. Основные направления развитие законодательства о местных органах власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Второй этап / И.В. Бабичев // Местное право. – 2010. – № 3. – С. 105-127.

180. Бакланов, П.Я. Дальневосточный регион: общее экономическое положение и проблемы развития / П.Я. Бакланов // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. – Хабаровск, ДВО АН СССР, 1991. – С. 5-10.

181. Бакланов, П.Я. Общие предложения концепции социально-экономического развития ДВЭР / П.Я. Бакланов // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. – Хабаровск, ДВО АН СССР, 1991. – С. 125-140.

182. Барабашев, Г.В. Самоуправление в начале пути / Г.В. Барабашев // Народный депутат. – 1990. – № 4. – С. 6-11.

183. Барабашев, Г.В. Совет и мэр «в упряжке» самоуправления / Г.В. Барабашев // Народный депутат. – 1991. – № 11. – С. 36-40.

184. Барабашев, Г.В. Советы народных депутатов: время перемен / Г.В. Барабашев // Советское государство и право. – 1988. – № 5. – С. 3-13.

185. Берсенёв, В.Л. Приватизация как символ современной экономической реформы в России / В.Л. Бересенёв // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: УрО РАН. – 2018. – Т. 1. – С. 295-305.

186. Борисов, Н.А. Учреждение института Президента России: правила игры в условиях неопределенности / Н.А. Борисов // Ars Administrandi. – 2016. – № 1. – С. 22-44.

187. Буянов, Е.В. Возникновение и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока (конец 80-х – 90-е гг. XX в.): историография проблемы в российских и региональных исследованиях / Е.В. Буянов // Вестник АмГУ. – 2011. – № 52. – С. 10-17.

188. Буянов, Е.В. Демократическое движение на Дальнем Востоке России (1989 – 1991 гг.) / Е.В. Буянов // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Межвузовский сборник научных трудов.– Новосибирск. – 2003. – № 5. – С. 142-152.

189. Буянов, Е.В. О состоянии организаций КПСС на Дальнем Востоке России в

1989–1991 гг. / Е.В. Буянов // Вестник АмГУ. – 2001. – № 12 – С. 54-55.

190. Бялкина, Т.М. Начало пути: 25 лет первому закону о местном самоуправлении / Т.М. Бялкина // Вестник ВГУ. – 2015. – № 2. – С. 16-25.

191. Васильев, В.И. Местное самоуправление: история и современная практика / В.И. Васильев // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 5-15.

192. Васильев, В.И. Советы или муниципалитеты? / В.И. Васильев // Народный депутат. – 1991. – № 16. – С. 47-54.

193. Ващук, А.С. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и последствия в дальневосточном регионе / А.С. Ващук, Л.А. Крушанова // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С.94-108.

194. Ващук, А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования / А.С. Ващук // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С.5-22.

195. Ващук, А.С. Что мы знаем о причинах и предпосылках перестройки? (Концепции и дискуссии 1989-2015 гг.) / А.С. Ващук // Россия и АТР. – 2016. – № 1. – С. 18-33.

196. Ващук, А.С. Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России периода радикально-либеральных реформ / А.С. Ващук, Н.С. Воронцов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 49-68.

197. Величко, С.А. Перестройка в СССР (1985-1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии / С.А. Величко // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – № 1. – С. 199-205.

198. Виноградов, О.В. Институт чрезвычайного положения накануне прекращения существования СССР как геополитической реальности / О.В. Виноградов // Ленинградский юридический журнал – 2011 – № 1. – С. 109-120.

199. Власов, С.А. Развитие кооперативов и их роль в борьбе с товарным дефицитом на Дальнем Востоке в годы перестройки / С.А. Власов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1. – С. 100-106.

200. Власов, С.А. Реализация государственных социальных программ на Дальнем Востоке в годы перестройки / С.А. Власов // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 81-89.

201. Войшнис, В.Э. Проблемы формирования парламентов южных регионов Дальневосточного федерального округа на современном этапе / В.Э Войшнис // Четвертые Гродековские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России» / Под ред. Н.И. Дубининой. – Хабаровск. – 2004. – С. 214-218.

202. Войшнис, В.Э. Участие электората южных регионов Дальнего Востока в президентских выборах в Российской Федерации (1991-2004) / В.Э Войшнис // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2007. – № 3. – С. 50-60.

203. Волгин, Е.И. «Война законов» и коммерческая деятельность КПСС в России (1990-1991 гг.) / Е.И. Волгин // Вестник МГУ. – 2010. – № 3. – С. 79-95.

204. Волгин, Е.И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты / Е.И. Волгин // Вестник МГУ. – 2016. – № 5. – С. 90-106.

205. Волгин, Е.И. КПСС в контексте политического кризиса 19-21 августа 1991 г. / Е.И. Волгин. // Вестник МГУ. – 2009. – № 2. – С. 24-36.

206. Волгин, Е.И. КПСС в контексте советской политической модернизации (конец 80-х – начало 90-х годов 20 в.) / Е.И. Волгин // Вестник МГУ. – 2004. – № 3. – С. 75-89.

207. Волгин, Е.И. Некоторые аспекты «производственно-хозяйственной деятельности» КПСС (1990-1991 гг.) / Е.И. Волгин // Вестник МГУ. – 2007. – № 2. – С. 30-43.

208. Волгин Е.И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг / Е.И. Волгие // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 2014. – № 4. – С. 102-123.

209. Волгин, Е.И. Проблема модернизации КПСС в преломлении внутрипартийного дискурса (начало 1990-х гг.) / Е.И. Волгин // Вестник МГУ. – 2008. – № 2. – С. 36-45.

210. Волгин, Е.И. Проблема реорганизации аппарата КПСС в условиях

политических преобразований в СССР (конец 1980-х - начало 1990-х гг.) / Е.И. Волгин // Вестник МГУ. – 2008. – № 6. – С. 31-42.

211. Волгин, Е.И. «Война законов» и коммерческая деятельность КПСС в России (1990-1991 гг.) / Е.И. Волгин // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2010. – № 3. – С. 79-95.

212. Воробьева, В.С. Исторические шансы реформирования советской системы на основе либеральных ценностей в эпоху «перестройки» (1985-1991 гг.) / В.С. Воробьева // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 91-93.

213. Воронцов, В.Б. Дальневосточный регионализм / Б.В. Воронцов, А.В. Мурадян// Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 6. – С. 21-27.

214. Гаркуша, П.И. Конституционные реформы и возрождение института губернаторства в конце 80 – начале 90 гг. XX века в России / П.И. Гаркуша // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2008. – № 5. – С. 104-109.

215. Гельман, В.Я. Городская власть и российская трансформация / В.Я. Гельман // Pro et Contra. – 2001. – № 3. – С. 208-227.

216. Гельман, В.Я. Десоветизация местной власти: политический контекст / В.Я. Гельман // Власть. – 1994. – № 8. – С. 24-29.

217. Годун, П.А. Разработка законодательства о местном самоуправлении в СССР и России в 1983–1993 годах / П.А. Годун // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 12. – С. 62-69.

218. Гольцов, В.Б. Чрезвычайная ситуация – теория или юридический факт: проблемы законодательного определения / В.Б. Гольцов // Юридический мир. – 2009. – № 3. – С. 49-53.

219. Грязнов, А.В. Концепция и конституционные основы института чрезвычайного положения / А.В. Грязнов // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 33-43.

220. Гулиев, В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления / В.Е. Гулиев // Советское государство и право. – 1986. – № 2. – С. 3-11.

221. Гусев, Б.С. Специальные экономические зоны сегодня / Б.С. Гусев // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 3. – С. 13-17.

222. Дерябина, Е.С. Конституционное реформирование системы государственного управления в СССР (конец 80-х начало 90-х гг. XX века) / Е.С. Дерябина // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 27-33.

223. Дубин, Б.В. Коллективная амнезия как форма адаптации: перестройка и девяностые годы в оценках «нулевых» / Б.В. Дубин // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2011. – № 2. – С. 93-98.

224. Дудченко, Г. Б. Из истории учёного сообщества СССР: Движение во власть на примере дальневосточного региона в конце 1980-х – начале 1990-х гг / Г.Б. Дудченко // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сборник научных статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН – 2020. – С. 209-217.

225. Думчева, Н.А. Дальневосточная межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия: её роль в управлении социально-экономическими процессами в регионе / Н.А. Думчева // Власть и управление на Востоке России. – 2009. – № 2. – С. 64-71.

226. Жилинский, С.Э. Разграничение функций партийных и государственных органов / С.Э Жилинский // Правоведение. – 1989. –№ 6. – С.9-20.

227. Зеленцов, В.В. Развитие территориального общественного самоуправления в 1990-е гг. (на примере Новосибирска, Кемерова, Барнаула) / В.В. Зеленцов // Вестник ТГУ. – 2008. – № 1. – С. 129-135.

228. Иванников, И.А. Деятельность Президента СССР и Верховного Совета СССР в период ликвидации советского государственного строя / И.А. Иванников // Вестник юридического факультета ЮФУ. – 2016. – № 4. – С. 25-29.

229. Иванов, А.М. Возникновение в КПСС политических движений и их деятельность / А.М. Иванов // Via in tempore. История. Политология. – 2014. – № 8. – С. 101-109.

230. Иванов, С.А. Особые экономические зоны Дальнего Востока России:

децентрализованная и централизованная модели управления. / С.А. Иванов, П.А. Кожевникова // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – 2019. – № 24. – С. 161-176.

231. Иванов, С.А. Советские свободные экономические зоны как идея развития / С.А. Иванов // Россия и АТР. – 2021. – № 1. – С. 86-103.

232. Каганский, В.Л. Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация. Часть 1. / В.Л. Каганский // Общественные науки и современность. –1995. – № 2. – С. 35-39.

233. Каганский, В.Л. Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация. Часть 2. / В.Л. Каганский // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 31-38.

234. Казьмин, В.Н. Опыт выборов народных депутатов СССР в 1989 г.: Федеральный и региональный компоненты / В.Н. Казьмин // Известия АлтГУ. – 2008. – № 4-3. – С. 111-114.

235. Калинина, Е.В. Неформальные организации и их участие в региональных выборах на рубеже 1980-х - 1990-х гг / Е.В. Калинина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 1. – С. 25-31.

236. Кандоба, Д.В. Органы государственной власти на переходном этапе в 80-е – нач. 90-х гг. XX в. / Д.В. Кандоба // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 2. – С. 14-20.

237. Карпов, А.В. Развитие законодательства о приватизации в Российской Федерации / А.В. Карпов, О.М. Кусяпкулова // Дайджест-финансы. – 2006. – № 7. – С. 39.

238. Кашо, В.С. Законодательство об органах территориального общественного самоуправления: Состояние и перспективы развития / В.С. Кашо // Правоведение. – 1991. – № 5. – С. 77-82.

239. Кашо, В.С. Формула партнерства. Новые правовые основы взаимодействия местных Советов с органами территориального общественного самоуправления / В.С. Кашо // Народный депутат. – 1991. –№ 18. – С. 48-51.

240. Ковалевская, Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя / Ю.Н. Ковалевская // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С. 66-79.

241. Ковалевская, Ю.Н. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: от «барахолки» к рынку / Ю.Н. Ковалевская, Л.А. Крушанова // Россия и АТР. – 2013. – № 4. – С. 96-112.

242. Коваленко, С.Г. Распад СССР и новая вертикаль власти: 1990—1993 гг. (на примере Дальнего Востока России) / С.Г. Коваленко // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. – 2020. – № 1. – С. 46-56.

243. Коваленко, С.Г. Советская экономическая модернизации на Дальнем Востоке в эпоху перестройки: замысел и результат / С.Г. Коваленко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. –2015. – № 37. – С. 12-21.

244. Коваленко, С.Г. Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах / С.Г. Коваленко // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С 80-93.

245. Козин, В.И. Возрождение парламентской оппозиции в ходе модернизации России (конец XX столетия) / В.И. Козин // Марийский юридический вестник. – 2004. – № 3. – С. 64-67.

246. Козин, В.И. Преобразование избирательного законодательства СССР как этап государственно-правовой модернизации (1987–1989 гг.) / В.И. Козин // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 3. – С. 17-23.

247. Кокошин Е.И. Новое законодательство о краевых, областных Советах / Е.И. Кокошкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 4. – С. 3-12.

248. Коломиец, В.П. Представительная власть России (между советской системой и парламентаризмом) / В.П. Коломиец // Мир России. – 1994. – № 1. – С. 3-35.

249. Коняхина, А.П. Власть и общественно-политические настроения дальневосточников в переходный период (вторая половина 1980 – начало 1990-х годов) / А.П. Коняхина // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2008. – № 2. – С. 133-138.

250. Коняхина А.П. Гражданская активность на юге Дальнего Востока России

(1980-1990-е гг.) / А.П. Коняхина // Россия и АТР. – 2013. – № 4. – С. 113-127.

251. Коняхина, А.П.. Параметры эволюции политического режима в Приморье / А.П. Коняхина, Н.В. Шинковская // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 2. –С. 143-149.

252. Корниенко, Н.И. Новое в статусе местных Советов / Н.И. Корниенко // Народный депутат. – 1991. – № 18. – С. 73-79.

253. Котляров, М.В. КПСС в период перестройки: пределы политической адаптации / М.В. Котляров // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сборник научных статей / науч. ред. В.И. Шишкин. – 2013. – С. 221-243.

254. Котляров, М.В. Путч ГКЧП: историческое значение, общественное мнение и политика памяти / М.В. Котляров // Личность, общество и власть в истории России. Сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра исторических наук, проф. В.И. Шишкина. – 2018. С. 519−533

255. Кравченко, А.Г. Особые правовые режимы как основа эффективного функционирования исполнительной власти в условиях социальных кризисов и чрезвычайных ситуаций / А.Г. Кравченко // Философия права. –2005. –№ 4. – С. 67-73.

256. Крушанова, Л.А. Особенности криминальной ситуации на советском Дальнем Востоке (1960-1991) / Л.А. Крушанова // Россия и АТР. –2013. – № 1. –С. 66-79.

257. Крушанова, Л.А. Экономическая преступность в России и ее проявления на Дальнем Востоке (1985–1991 гг.) / Л.А. Крушанова // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации. – 2015. –С. 168-176.

258. Кряжков, В.А. Гласность работы Советов: социология и право / В.А. Кряжков // Советское государство и право. – 1986. –№ 12. – С. 35-42.

259. Кузьмина В.М. «Сверху густо, а внизу пусто...»: «Десоветизация» органов местного самоуправления в начале 90-х гг. XX в // Вестник РУДН. История России. 2004. № 3. С. 107-113.

260. Леденев, М.И. Социальный фактор в концепции освоения и экономического развития Дальнего Востока / М.И. Леденев // Социально-экономическое развитие

Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. – Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. – С. 10-21.

261. Леонов, Н.С. Трагический август 1991-го / Н.С. Леонов // Свободная Мысль. – 2016. – № 4. – С. 87-96.

262. Логвенков, И.С. Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР: попытка сохранения единого экономического пространства в августе – ноябре 1991 г / И.С. Логвенков // Вестник МГУ. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2019. – № 2. – С. 82-101.

263. Логвенков, И.С. Политика правительства РСФСР по сдерживанию кризиса союзной экономики в августе-сентябре 1991 г / И.С. Логвенков // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 2019. – № 3. – С. 115-131.

264. Лукашевич, Д.А. Роль общесоюзных нормативных правовых актов в разрушении организации государственного единства Союза ССР / Д.А. Лукашевич // Ученые записки ОГУ. Гуманитарные и социальные науки. –2012. – № 4. – С. 340-346.

265. Лукашин, А.В. Проблемы разработки и заключения нового Союзного договора в контексте антикризисного управления в СССР (март 1990 – август 1991) / А.В. Лукашин // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2011. – № 3. – С. 126-152.

266. Лукашин, А.В. Разработка Союзного договора в сентябре – декабре 1991 г.: от демонтажа государственности к распаду СССР / А.В. Лукашин // Управление. – 2018. – № 3. – С. 72-79.

267. Любарский, К.А. Августовская революция / К.А. Любарский // Страна и мир. – 1991. – № 5. – С. 1-77.

268. Малхозова, Ф.В. Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов в период «августовского путча» 1991 г / Ф.В. Малхозова // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. Сборник научных статей. В 2-х частях / под ред. А.Б. Николаева. – СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 202-213.

269. Маслов, Д.В. Некоторые итоги изучения августовских событий 1991 г. в СССР / Д.В. Маслов, Л.А. Савина // Актуальные проблемы истории России XX века: Сборник научных статей / отв. ред. О.Н. Наумов. – М.: МГОУ, 2017. – С. 143-166.

270. Матвеев, М.Н. Власть и общество в системе местного самоуправления России в XX веке: опыт реализации идеи народовластия / М.Н. Матвеев // Местное самоуправление в системе публичной власти: российский и мировой опыт. Сборник научных трудов. – 2004. – С. 181-184.

271. Матвеев, М.Н. Генезис понятия «советская власть» и конституционные основы деятельности Советов в 1918-1990 гг. / М.Н. Матвеев // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск Новые гуманитарные исследования. – 2006. – С. 122-129.

272. Матвеев, М.Н. Историография истории местных Советов России 1977-1993 гг. / М.Н. Матвеев // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск. – 2004. – С. 80-90.

273. Матвеев, М.Н. К вопросу о природе местного самоуправления / М.Н. Матвеев // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск. – 2005. – С.142-149.

274. Матвеев, М.Н. Отражение проблем населения в деятельности местных Советов в 70-90 годы XX века / М.Н. Матвеев // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск Новые гуманитарные исследования. – 2003. – С. 162-181.

275. Мулюков, Ш.М. Социально-политическая природа преобразований в СССР 1985-1991 гг.: проблема идентификации / Ш.М. Мулюков // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 3. – С. 166-169.

276. Мякшев, А.П. Демонтаж единого Союза и советской системы межнациональных отношений в августе – декабре 1991 года / А.П. Мякшев // Известия СГУ. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – вып. 2. – С. 158-164.

277. Наумов, Ю.А. Исторические аспекты становления города Находка как

транспортного мегакомплекса / Ю.А. Наумов // Ойкумена. – 2014. – № 2. – С. 61-76.

278. Овсепян, Ж.И. О ходе конституционной реформы в СССР / Ж.И. Овсепян // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1991. – № 3. – С. 8-21.

279. Остапкович, Г.В. О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 80-90-х годов / Г.В. Остапкович // Вопросы экономики. – 1998. – № 7. – С. 153-159.

280. Павлов, П.В. Правовые аспекты и исторические предпосылки создания института особых экономических зон в Российской Федерации / П.В. Павлов // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 49-60.

281. Петров, Н.В. Разделенный суверенитет по-российски: Взаимоотношения Москвы и регионов / Н.В. Петров // Практика федерализма. – 1999. – С. 133-171.

282. Полынов, М.Ф. Взаимоотношения союзного центра и российского руководства на завершающем этапе перестройки. 1990-1991 гг. / М.Ф. Полынов // Труды Исторического факультета СПбГУ. – 2013. – № 15. – С. 164-174.

283. Полынов, М.Ф. М.С. Горбачёв: начало реформаторской деятельности / М.Ф. Полынов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – № 3. – С. 44-46.

284. Полынов, М.Ф. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989-1991 гг. / М.Ф. Полынов, Е.А. Тарасова // Новейшая история России. – 2017. – № 1 – С.120.

285. Попов, С.И. Генезис и развитие местного самоуправления в России в советский период / С.И. Попов // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 24-33.

286. Прохоров, В.Т. Органы территориального общественного самоуправления в системе местного самоуправления / В.Т. Прохоров, В.С. Кашо // Государство и право. – 1992. –№ 7. С. – 46-53.

287. Пученков, А.С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) / А.С. Пученков // Новейшая история России. – 2019. – № 2. – С. 454-484.

288. Пученков, А С. М.С. Горбачёв и распад СССР в 1991 году / А.С. Пученков //

Мавродинские чтения 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина / под ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб., 2018. – С. 296-300.

289. Пылин, В.В. Сравнительный анализ правовых основ Советов народных депутатов РСФСР и муниципальных представительных органов Российской Федерации / В.В. Пылин // Общество. Коммуникация. Образование. – 2012. – № 143. – С. 53-61.

290. Разумовский, В.Ю. Региональная правящая элита в условиях радикальной трансформации политических институтов СССР / В.Ю. Разумовский // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – №68. – С. 330-352.

291. Румянцев, П.А. Правовые основы реформирования региональных органов государственной власти в России в период укрепления и развития современного переходного государства / П.А. Румянцев // Актуальные проблемы юридической науки. Часть 1. – 2012. – С. 66-69.

292. Савалей, В.В. Приморье: поиск экономической ниши / В.В. Савалей // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 5. – С. 71-77.

293. Савченко, А.Е. Демократический процесс и его отражение в деятельности комиссии по гласности Приморского краевого Совета народных депутатов (1990-1993 гг.) / А.Е. Савченко // Россия и АТР. – 2008. – № 2. – С. 95-101.

294. Савченко, А.Е. Динамика модернизации в центр - периферийном измерении 1985-2012 гг.: противоречия и взаимосвязь (на примере Приморского края) / А.Е. Савченко // Россия и АТР. – № 4. – 2014. – С.56-65.

295. Савченко, А.Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987-1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краев) / А.Е. Савченко // Вестник ДВО РАН. – 2009. – № 5. – С. 125-131.

296. Савченко, А.Е. Преодолеть границы: поиск новых форм внешнеэкономических связей для развития Дальнего Востока в 1985 – 1993 гг / А.Е. Савченко // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 45-67.

297. Савченко, А.Е. Региональная власть на первом этапе перестройки (на примере Приморского края) / А.Е. Савченко // Вестник ДВО РАН. – 2009. – № 1. –

С. 132-137.

298. Савченко, А.Е. СССР 1985-1991 гг.: история случайной самоликвидации власти? / А.Е. Савченко // Россия и АТР. – № 3. –2016. – С. 66-81.

299. Сахаров, Н.А. Полномочия Президента для реализации политического курса лидера: опыт М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина / Н.А. Сахаров // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 151-167.

300. Сельцер, Д.Г. Модель распада СССР через потерю КПСС кадрового контроля / Д.Г. Сельцер // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. – 2016. – № 4. – С. 12-19.

301. Сидоров, А.В. От кризиса к распаду СССР в 1990-1991 гг. / А.В. Сидоров // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество) – 2016. – № 1. – С. 64-99.

302. Слива, А.Я. Пора возвращаться в мир. От системы Советов к парламентаризму и местному самоуправлению / А.Я. Слива // Народный депутат. – 1992. – №2. – С. 56-66.

303. Смолеев, А.А. Электоральная весна 1990: первые реальные выборы в провинции (на материалах Тамбовской области) / А.А. Смолеев // Вестник ТГТУ. – 2014. – № 1. – С. 182-190.

304. Согрин, В.В. Перестройка: итоги и уроки / В.В. Согрин // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 133-147.

305. Сушенцова, В.Г. Становление института высшего должностного лица в СССР и Российской Федерации в 1980-1990-х гг / В.Г. Сушенцова, И.В. Романова // Вестник Марийского государственного университета. Серия Исторические науки. Юридические науки. 2016. № 4. С. 39-43.

306. Тарасова, Е.П. Реформа государственной власти в СССР и РСФСР в начале 90-х годов XX века: политико-правовой аспект / Е.П. Тарасова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – № 5. – С. 46-56.

307. Тарасова, Е.А. «Война законов» РСФСР-СССР в 1990-1991 гг. / Е.А. Тарасова // Научный диалог. – 2016. – № 9. – С. 230-246.

308. Тарасова, Е.А. Роль Съезда народных депутатов РСФСР в разработке нового Союзного договора (1990-1991 гг.) / Е. А. Тарасова // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. – СПб., 2017. – С. 170-177.

309. Тарасова, Е.А. Трансформация федеративных отношений в РСФСР-РФ в 1990-1993 гг / Е. А. Тарасова // Труды исторического факультета СПбГУ. – 2010. – № 1. – С. 431-455.

310. Тицкий, И.А. Некоторые особенности выборов местных Советов народных депутатов в первой половине 1980-х гг. / И.А. Тицкий // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2010. – № 4. – С. 258-271.

311. Тицкий, И.А. Организационно-правовые основы деятельности местных Советов во второй половине 1970-х годов / И.А. Тицкий // Юристъ-Правоведъ. – 2010. – № 5. – С. 69-73.

312. Тицкий, И.А. Социально – экономические предпосылки реформирования местных Советов народных депутатов в начале 1980-х годов / И.А. Тицкий // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2010. – № 5. – С. 208-214.

313. Тишков, В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей / В.А. Тишков // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов, сост. С. М. Исхаков. – М.: Наука, 2005. – С. 588-600.

314. Топорнин, Б.Н. Разделение властей и государственная организация / Б.Н. Топорнин // Разделение властей и парламентаризм. – 1992. – С. 3-49.

315. Троякова, Т.Г. Формирование правящей группировки в Приморье/ Т.Г. Троякова // Россия и АТР. – 1996. – № 3. – С. 65-72.

316. Упоров, И.В. Полномочия и обязанности народного депутата Местного Совета в СССР (от Конституции 1977 года до распада советского государства) / И.В. Упоров // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 1. – С. 403-408.

317. Упоров, И.В. Правовой статус местных Советов в последних советских конституциях / И.В. Упоров // Современные научные исследования и разработки.

– 2019. – № 1. – С. 1038-1042.

318. Упоров, И.В. Эволюция местных органов власти в Советском государстве в период от союзной Конституции 1977 г. до распада СССР (правовой аспект) / И.В. Упоров, Н.В. Голубихина // Символ науки. – 2017. – Т. 2. – № 2. – С. 200-204.

319. Упоров, И.В. Организационно-правовая характеристика местных Советов в СССР доперестроечного периода (первая половина 1980-х годов) / И.В. Упоров, В.А. Черноситов // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Кемерово: Центр научного развития «Большая книга», 2018. – С. 26-37.

320. Фадеев, В.Н. Истоки системного кризиса государственности / В.Н. Фадеев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 169-172.

321. Фасеев, И.Ф. Проблемы развития местного самоуправления и территориальная организация местного самоуправления / И.Ф. Фасеев // Полития. – 2004. – № 1. – С. 106-123.

322. Фокин, А.А. Избирательные процедуры в СССР как механизм выявления общественных настроений / А.А. Фокин // Управление в современных системах. – 2015. – № 2. – С. 33-38.

323. Фокин, А.А. Организационно-технические мероприятия избирательных кампаний в позднем СССР / А.А. Фокин // Вестник ЧелГУ. – 2015. – № 2. – С. 77-82.

324. Фурлетов, Ю.С. Организационно-правовое развитие местных Советов народных депутатов в период советской «перестройки» / Ю.С. Фурлетов, В.К. Лукин // Научные исследования: от теории к практике. – 2016. – № 3. – С. 39-42.

325. Хачатурян, Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990-1994 гг.): к истории вопроса / Б.Г. Хачатурян // Вестник ИрГТУ. – 2012. – № 1. – С. 312-319.

326. Хачатурян, Б.Г. Особенности советского местного управления на Востоке России / Б.Г. Хачатурян // Вестник ИрГТУ. – 2012. – № 5. – С. – 377-384.

327. Хачатурян, Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990-1994 гг.): к истории вопроса / Б.Г. Хачатурян // Вестник ИрГТУ. –

2012. – № 1. – С. 312-319.

328. Худорожков, И.В. Ельцин и его окружение о событиях августа 1991 года / И.В. Худорожков // Вестник Удмуртского университета. – 2016. – Т. 26, вып. 1. – С. 144-149.

329. Цвик, М.В. Социалистическая демократия и самоуправление / М.В. Цвик // Советское государство и право. – 1985. – № 4. – С. 3-11.

330. Чернолуцкая, Е.Н. Перестройка и перспективы развития российского Дальнего Востока в американской историографии / Е.Н. Чернолуцкая // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 54-64.

331. Чернолуцкая, Е.Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) / Е.Н. Чернолуцкая // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С. 5-22.

332. Черноситов, В.А. Законодательное закрепление института местного самоуправления на завершающем этапе функционирования Советского государства / В.А. Черноситов // Общество: политика, экономика, право. – 2007. – № 1. – С.99-104.

333. Черноситов, В.А. Советы народных депутатов в СССР на рубеже 1990-х гг.: правовой статус и роль в процессе расширения института местного самоуправления / В.А. Черноситов // Общество и право. – 2008. – № 1. – С. 56-58.

334. Шабаев, Ю.П. Региональный парламентаризм: пути эволюции / Ю.П. Шабаев, Л.В. Завьялова, В.А. Ковалёв // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 1. – С. 123-138.

335. Шанцев, В.П. Кто правит на местах / В.П. Шанцев // Народный депутат. – 1990. – № 3. – С 45-49.

336. Шапиро, Л.В. Хроника развития местного самоуправления, 1990-2003 годы / Л.В. Шапиро // Полития. – 2003. – № 4. – С. 255-271.

337. Шахрай, С.М. Мифология распада СССР / С.М. Шахрай, С.Н. Станских // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 127-137.

338. Шейнис, В.Л. Август-91: проигранная победа / В.Л. Шейнис // Свободная

мысль. – 2006. – № 4. – С. 14-26.

339. Шереметьева, Л.Н. 20 лет ГКЧП: путч или попытка сохранить страну и государство? / Л.Н. Шереметьева // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2011. – № 9. – С. 97-102.

340. Шех, А.В. Проблемы взаимоотношения власти и общества в условиях демократизации политической жизни в СССР 1985-1991 гг. / А.В. Шех // Труды Кольского научного центра РАН. – 2015. – № 7. – С. 190-199.

341. Шеховцов, В.А. Проблемы совершенствования организации работы исполкомов краевых, областных Советов народных депутатов / В.А. Шеховцов // Вопросы государственного строительства и правового регулирования. Владивосток. – 1990. – С. 25-31.

342. Шеховцов, В.А. Развитие законодательства о представительных органах власти / В.А. Шеховцов // Проблемы российского государственного строительства и законодательства: Межвузовский сборник. – 1994. – С. 30-36.

343. Ширко, Т.И. Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации в 1990-2012 гг.: эволюция законодательства и обеспечение избирательных прав граждан / Т.И. Ширко // Вестник ТГУ. История. – 2013. – № 1. – С. 113-117.

344. Ширко, Т.И. Децентрализация управления в 1987-1990 гг.: к новой модели взаимодействия между центром и регионами в России (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской обл.) / Т.И. Ширко // Власть. – 2015. – № 1. – С. 170-175.

345. Ширко, Т.И. Региональные аспекты формирования исполнительной власти в Кемеровской, Новосибирской и Томской областях в 1991-1993 гг. / Т.И. Ширко // Омский научный вестник. – 2013. – № 3. – С. 25-28.

346. Ширко, Т.И. Формирование вертикали исполнительной власти в России в 1990-1993 гг.: региональный аспект / Т.И. Ширко // Вестник ТГУ. – 2012. – № 364. – С. 91-97.

347. Шкуркин, А.М. Население и труд / А.М. Шкуркин // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Новые явления, направления, пути

перестройки. – Хабаровск, ДВО АН СССР, 1991. – С. 96-104.

348. Шмавонян, Г.А. Научные представления о высших представительных органах в период перестройки: от «радикально-демократических» Советов до парламентаризма / Г.А. Шмавонян // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 6. – С. 60-92.

349. Шпаковский, Ю.Г. Режим чрезвычайного положения как механизм преодоления кризисных ситуаций / Ю.Г. Шпаковский // Право и безопасность. – 2003. – № 3-4.

350. Щуковская, Ю.П. Владивостокский городской Совет и его исполнительный орган / Ю.П. Щуковская // Россия и АТР. – 2007. – № 2. – С. 13-19.

351. Якупов, Р.А. Трансформация потребительской системы СССР – России в период перехода к рынку / Р.А. Якупов // Молодой ученый. – 2010. – № 7. – С. 220-225.

352. Якушев, А.Н. Разрушение механизма взаимоконтроля между государственными органами как одна из причин распада СССР / Р.А. Якушев // Образование и наука: современные тренды: коллективная монография. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. – С. 53-65.

353. Ялышев, Р.А. Первый съезд народных депутатов СССР: дискуссия о судьбе союзного государства / Р.А. Ялышев // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Сборник научных статей Международной научной конференции / Под ред. А.Б. Николаева. – СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. – С. 172-179.

354. Ялышев, Р.А. «Новоогаревский процесс» выработки нового союзного договора весной – летом 1991 г.: федерация или конфедерация? / Р.А. Ялышев // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. – 2016. – Т. 4. – С. 262-279.

355. Ясин, Е.Г. Кто развалил наш прекрасный Союз / Е.Г. Ясин // Знание – сила. – 2001. – № 4. – С. 50-54.

2.1.3. Литература на иностранных языках

356. Finifter, A.W. Attitudes toward Individual Responsibility and Political Reform in The Former Soviet Union / A.W. Finifter // American Political Science Review – 1996. – Vol.90. – No. 1. – P.172-184/

357. Gubbay, J. Trainees, Trainers and Training of Trainers Reform of Local Administration in Russia. Public / J. Gubbay // Administration and Development. – 1995. – Vol.36. – No.7. – P. 436-445.

2.1.4. Диссертации и авторефераты

358. Алимов, Э.В. Конституционно-правовое регулирование института наказа избирателей в Российской Федерации: дис. канд. юр. наук / Э.А. Алимов. – М., 2018. – 210 с.

359. Амелин, Н.М. Местные Советы народных депутатов в системе территориального самоуправления: дис. канд. юр. наук / Н.М. Амелин. – М., 1991. – 151 с.

360. Антаков, В.А. Взаимодействие Советов народных депутатов и общественных объединений как фактор становления самоуправления: дис. канд. фил. наук / В.А. Антаков. – Саратов, 1991. – 146 с.

361. Арановский, К.В. Обеспечение конституционности нормативных актов исполкомов местных Советов: дис. канд. юр. наук / К.В. Арановский – Ленинград, 1990. – 165 с.

362. Беленко, Н.М. Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX - начало XXI вв.): автореф. дис. д-ра. ист. наук / Н.М. Беленко. – М., 2006. – 44 с.

363. Голощапов, Р.В. История реформирования органов власти на Дальнем Востоке России (1990-2000 гг.): автореф. дис. д-ра. ист. наук / Р.В. Голощапов. – Хабаровск, 2002. – 36 с.

364. Довгаль, Г.В. Политическая элита Дальнего Востока в условиях трансформации российского общества: Вопросы теории и практики: дис. канд. ист. наук / Г.В. Довгаль. – Уссурийск, 2007. 213 с.

365. Ермаков, В.С. Демографический фактор рынка труда региона (на примере

российского Дальнего Востока): дис. канд. экон. наук / В.С. Ермаков. – Хабаровск, 2007. – 200 с.

366. Ермашенкова, С.А. Партийные группы в Советах народных депутатов в условиях реформы политической системы: на материалах Московской городской организации КПСС: дис. канд. ист. наук / С.А. Ермашенкова. – М., 1990. – 177 с.

367. Зеленцов, В.В. Городское самоуправление Западной Сибири в 1990-е гг.: на материалах Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края: дис. канд. ист. наук / В.В. Зеленцов. – Томск, 2008. – 240 с.

368. Исаев, Б.А. Развитие политической системы в СССР в 1985-90 гг.: дис. канд. ист. наук / Б.А. Исаев. – СПб, 1992. – 215 с.

369. Кашо, В.С. Организационно-правовой механизм взаимодействия местных Советов народных депутатов и органов территориального общественного самоуправления: дис. канд. юр. наук / В.С. Кашо. – Екатеринбург, 1991. – 203 с.

370. Кодавбович, В.А. Местные Советы и кооперативы: Правовое регулирование деятельности: дис. канд. юр. наук / В.А. Ковдабович. – Минск, 1993. – 222 с.

371. Козин, В.И. Эволюция политической системы СССР, вторая половина 80-х - начало 90-х годов: дис. канд. ист. наук / В.И. Козин. – М., 1992. – 179 с.

372. Козлова, Н.Н. Тверские Советы народных депутатов в годы перестройки, 1985-1991. Опыт реформирования: дис. канд. исто. наук / Н.Н. Козлова. – Тверь, 1998. – 240 с.

373. Колесник, В.П. Организационно-правовые взаимоотношения местных Советов народных депутатов с предприятиями (объединениями) вышестоящего подчинения: дис. канд. юр. наук / В.П. Колесник. – Харьков, 1990. – 212 с.

374. Купчина, Е.Н. Местные Советы: управление трудовыми ресурсами: дис. канд. юр. наук / Е.Н. Купчина. – Минск, 1990. – 205 с.

375. Лазарева, Н.В. Регулирование финансовых ресурсов местных Советов: дис. канд. экон. наук / Н.В. Лазарева. – СПб., 1992. – 162 с.

376. Логвенков, И.С. Высшие и центральные органы государственной власти СССР в августе – декабре 1991 года: демонтаж союзных структур управления: дис. канд. ист. наук / И.С. Логвенков. – М., 2019. – 315 с.

377. Лукичев, А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. канд. ист. наук / А.Н. Лукачев. – Вологда, 2004. – 338 с.

378. Лютцер, В.Л. Организационно-правовые вопросы преодоления бюрократизма в деятельности исполнительно-распорядительных органов местных Советов народных депутатов: дис. канд. юр. наук / В.Л. Лютцер. – М., 1991. – 212 с.

379. Мамедов, С.Ф. Взаимодействие политических партий и органов власти в развитии местного самоуправления: дис. канд. ист. наук / С.Ф. Мамедов. – М., 1992. – 170 с.

380. Нагорная, М.А. Информационное обеспечение деятельности местных Советов народных депутатов: Организационно-правовой аспект: дис. д-ра юр. наук / М.А. Нагорная. – М., 1991. – 388 с.

381. Назаров, В.М. Формирование политического авторитета в процессе выборов в Советы народных депутатов: опыт социолого-психологического исследования: дис. канд. соц. наук / В.М. Назаров. – М., 1991. – 235 с.

382. Пономарева, М.А. Власть и общество на Юге России в условиях политических и социально-экономических преобразований в 1960-1990-е годы: дис. д-ра. ист. наук / М.А. Пономарева – Ростов-на-Дону, 2019. – 666 с.

383. Савченко, А.Е. История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985-1990-е гг.: дис. канд. ист. наук / А.Е. Савченко. – Владивосток, 2011. – 285 с.

384. Слободянюк, Н.И. Деятельность местных Советов народных депутатов по формированию финансовой базы местного хозяйства: дис. канд. юр. наук / Н.И. Слобадянюк. – М., 1991. – 140 с.

385. Смолеев, А.А. Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985-1993 гг.): дис. канд. ист. наук / А.А. Смолеев. – Тамбов, 2015. –238 с.

386. Станкевич, З.А. Историко-правовые аспекты распада Союза ССР: автореф. дис. д-ра. ист. наук / З.А. Станкевич. – М., 2002. – 52 с.

387. Художенков, И.В. «События августа 1991 года» в представлениях государственных деятелей, общественно-политических лидеров и социокультурной элиты: дис. канд. ист. наук / И.В. Художенков. – Омск, 2016. – 179 с.

388. Черноситов, В.А. Организационно-правовая трансформация местных Советов народных депутатов на завершающем этапе Советского государства: 1985-1991 гг. дис. канд. юр. наук / В.А. Черноситов. – Краснодар, 2008. – 248 с.

389. Шевченко, Д.В. Ленсовет – Петросовет XXI созыва: образование и деятельность, 1990-1993 гг. дис. канд. ист. наук / Д.В. Шевченко. – СПб, 2017. – 203 с.

390. Шелковникова, Н.В. Формирование органов власти в городах Дальнего Востока в условиях становления современной российской государственности: автореф. дис. канд. ист. наук / Н.В. Шелковникова. – Комсомольск-на-Амуре, 2006 – 27 с.

391. Ярных, М.В. Местные советы Удмуртии в период реформирования: 1985-1993 гг.: дис. канд. исто. наук / М.В. Ярных. – Ижевск, 2006. – 219 с.

2.1.5. Электронные ресурсы

392. Ващук, А.С. Роль архивных источников в изучении истории российской приватизации // Архонт. Электронный научный журнал. 2018. № 3. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.arkhont.ru/2018-3 (дата обращения: 04.03.2020).

393. Демьянова, А.В. Социальная политика в сфере защиты прав инвалидов в России. [Электронный ресурс]. – URL: https://wp.hse.ru/data/2015/10/19/1076582141/WP3_2015_09_____.pdf (дата обращения: 03.06.2020).

394. Дикалов, А.Н., Максимов, Г.К. Предпосылки демократизации избирательного процесса в Калмыкии в конце 1980-х годов. [Электронный ресурс]. – URL: http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/25-let/45322.html (дата обращения: 10.03.2021).

395. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной

Социалистической Республики. [Электронный ресурс]. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 12.05.2019).

396. Матвеев, М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977-1993 гг. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/532 (дата обращения: 17.07.2020).

397. О неотложных мерах по улучшению работы судов РСФСР: Распоряжение Президента РСФСР от 03.09.1991 г. № 32-рп. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/169 (дата обращения: 10.12.2018).

398. Совещание руководителей территориальных ассоциаций РСФСР 20 марта 1991 г. Краткая запись встречи. [Электронный ресурс]. – URL: https://yeltsin.ru/uploads/upload/2015/03/27/f6_o1_d030_001.pdf (дата обращения: 12.09.2020).